

попaдaнeц

попaдaнeц

Виталий Храмов
НАСЛЕДИЕ

Попаданец (АСТ)

Виталий Храмов

Катарсис. Наследие

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Храмов В. И.

Катарсис. Наследие / В. И. Храмов — «АСТ»,
2018 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-109617-5

Старый Мамонт ушел, но оставил своим сподвижникам Наследие. Только объединившись и пройдя сквозь скверну и реки крови княжич Белый Хвост, наследник Ястреб и Марк-Сумрак смогут спасти Мир от безумия, посеянного Пауками и Змеями, и не стать игрушками богов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109617-5

© Храмов В. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

78

Виталий Храмов

Катарсис: Наследие

© Виталий Храмов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Всадник в черном плаще с белым крестом уныло пылил по дороге. Стража ворот уже привыкла к этим воинам с большими белыми крестами на темных одеждах. Они брали на себя негласный обет Милосердия, в расплату за свое излечение этими свихнувшимися бабами – Матерями Милосердия.

Пригрел же император змей на груди! Внес смуту в бестолковые головы бабьего племени! Зачем было давать столько вольности женщине? Неразумно это! Зачем создавать отдельный орден для баб? Почему не сделать это же, но как орден Паладинов – только мужским? А теперь и остальные бабы что-то о себе возомнили, бухтят.

Хотя к крестоносцам у Стражи никаких нареканий не было. Одевший черный плащ с белым крестом становился добровольным и – бесплатным – помощником Стражи. Бродили от города к городу, помогали попавшим в беду, защищали слабых. До тех пор, пока воин сам не считал свой Долг Чести исполненным и не снимал плащ. Сколько ватаг лихих людей было порублено такими странниками, сколько людей они спасли от костяных лап Бродяг, от когтей и зубов Тварей!

Крестоносцев уважали. Вот и сейчас стражники освободила дорогу страннику. Только седой юноша не заметил их, погруженный в глубокие раздумья. Копыта его коня процокали по брусам моста перед подъемными воротами. Старший стражник покачал головой. У молодого воина еще борода не полезла, а уже седина побила волосы. Что же ему пришлось пережить?

А за воротами воина ждал мальчишка – посыльный.

– Гадкий Утенок? – спросил он, с трудом выговаривая незнакомые слова.

Юноша вздрогнул, посмотрел на посыльного.

– Можно и так сказать, – хрипло, от долгих дней молчания, сказал он.

– Вас ждут в Доме гильдии наемников, – гордо возвестил мальчишка, протягивая ладошку за монеткой.

Но воин в черном плаще проехал мимо, поморщившись. Мальчишка не расстроился. Крестоносцы редко бывают при деньгах. Их обет не приносит денег. Глава гильдии вознаграждает. Мальчишка взял коня всадника под уздцы и повел его по улицам города. А потом увел коня на конюшню, когда крестоносец зашел – со своей тощей перекидной сумой и странным глухим шлемом яйцевидной формы – в Дом наемников.

– Гадкий Утенок, – кашлянув, возвестил крестоносец.

Принимающая в зале Дома гильдии девушка кивнула и дернула за шнур, что висел за ее плечом. Где-то за стеной звякнул колокольчик. А Гадкий Утенок смотрел на Стену найма. Этим сразу выдал девушке то, что был наемником. Считывать Стену становится привычкой. Но интересно не столько само разглядывание Стены, а – как он смотрит и куда. У девушки глаз наметан.

– Пройдемте, – попросил воин с заколкой главы наемников на груди. Крестоносец прошел за ним.

В отдельной комнате глава стал доставать из сундука и складывать на стол свертки. Потом, спохватившись, спросил:

– Если не затруднит, не можете удостоверить свою принадлежность к Красной Звезде?

Крестоносец удивился, покопался в своих новомодных карманах, показал знак Красной Звезды. Да не простой – из крашеной бронзы, а рубины в золоте. Глава крыла гильдии удовлетворенно кивнул:

– Вас мы и ждали. Диспетчер Красной Звезды принял заказ, указал исполнителем именно Звезду Гадкого Утенка и оставил для вас вот это.

– Диспетчер? – удивился крестоносец. – Заказ? Моя Звезда?

– Да, заказ. Сопровождение Матерей Милосердия и их крестоносцев в земли Дома Лебеда. Вся ваша Звезда уже неделю вас ждет.

Крестоносец выругался на незнакомом языке, на ослабевших ногах прошел до стены и сполз на лавку. Глава наемников понимающе протянул свою флягу. Крест носили, принимая обет, только после очень тяжелых ран, когда за спасенную жизнь и берут на себя Долг Чести. Глава наемников решил, что крестоносец еще не совсем оправился от ран. Потому такой серый и худой. И в глазах – невыносимая боль и тоска.

Крестоносец стал распаковывать свертки, тут же укрепляя на себе оружие и амулеты. Когда он чуть вынул из ножен очень длинный меч, не только глава наемников, но и сам крестоносец присвистнул – изумрудную сталь глаз опытного бойца ни с чем не спутает. Еще главу наемников поразило, что доспех крестоносца, скрытый черной накидкой, был великолепен, но юноша оказался почти безоружен. Как он бродил от города к городу лишь с ржавым кинжалом? Зато теперь воин был увешан оружием на все случаи жизни.

Юноша вскрыл конверт, прочитал написанное, хмыкнул, небрежно смял пергамент, сунул в карман.

В зале юношу уже ждали – воин в таком же плаще крестоносца и Мать Милосердия. Девушка, принимающая в зале Дома гильдии, как раз принесла им медовухи.

Крестоносец склонил голову в жесте приветствия. Чеканность жеста показала всем безукоризненность манер этого юноши.

– Гадкий Утенок, – представился он.

Представились и его будущие спутники. Крестоносец назвал себя Сбитый Зуб, а женщина в белом плаще – Жалейкой.

Глава и его дочь, сегодня – принимающая в зале, переглядывались. Уже много раз обсуждалась Малым Советом крыла гильдии странная манера вести дела у этой Красной Звезды. Эти люди впервые видят друг друга, но идут на дело уверенно. Наймом и денежными вопросами сами Звезды не занимаются. Этим занимаются другие люди, называющие себя диспетчерами. Но расценки Звезда ставит – ломовые. И им – платят. Потому что заказ – или будет выполнен, или Звезда погибнет. Но и в этом случае – заказ будет выполнен. Диспетчер пришлет две, три Звезды. Столько, сколько потребуется для выполнения заказа. И с наемниками, которых нанимает диспетчер, расплата всегда без обмана. С правом показывать при последующем найме крашеную бронзовую звездочку. Только оплата – не сразу, а через некоторое время. Это многих отпугивает. Но оплата – всегда. И – неплохая. Потому диспетчеры Красной Звезды не испытывают трудностей в найме. А наличие на руках даже крашеной звезды резко повышает стоимость оплаты услуг наемника. И свои десятичные доли гильдии и властителям диспетчеры выплачивают всегда. С некоторой задержкой, но – всегда. А доля с их расценок – очень существенная.

Именно поэтому глава наемников не посчитал ущербом своей чести некоторые дополнительные услуги для Красной Звезды – поделиться сведениями, слухами, передать Звездам такие вот посылки, придержать «сладкий» заказ, лично встретить Звезд. Это еще и интересно. Звезды на себя надевают иной раз и очень любопытные личности. Вот и сегодня глава наемников не пожалел потраченного времени – он лишь однажды видел изумрудную сталь. И то небольшой нож. А тут – огромный двуручный меч! Крестоносец повесил ножны с мечом на спину, рукоять торчала над плечом.

А остальные бойцы Звезд? Если не с крашеной звездой, а с настоящей, то – в знаменитых доспехах из крупных стальных пластин, обшитых тканью или кожей. С не менее легендарными шлемами, которые теперь так и называют – краснозвездные.

Звезда покинула Дом наемников.

– Послать соглядата? – спросила главу его дочь.

– Упаси Триединый! Там у них – Разумник! Нам подозрения от Красных не нужны. Странный этот крестоносец. Заказ плевый – сопровождение. А такие силы! А его меч! Ты видела?

– А какой, папа, по-твоему, должен быть меч у Наследника? – пожала плечами дочь. – Ты не узнал его? Дважды похороненный Белый Хвост. Теперь – и правда – белый. А заказ не плевый. Не он сопровождает их, а они – его. Домой.

Глава наемников стиснул дочь в объятиях, расцеловал.

– Какая ты же умница у меня выросла! Беги в храм. Поставь свечу за их здоровье. Знал бы сразу...

– Что бы ты сделал? – насмешливо бросила девушка, выскальзывая из захвата рук отца, направляясь к дверям, заперла их, повернулась. – Если они рядятся в чужие личины, то лучшее, что ты можешь сделать, – забыть о наших догадках. Если не хочешь проснуться однажды с моей косой на подушке. Хорошо, если без моей головы, отделенной от тела.

Главу наемников передернуло.

– Я думаю, что это – слухи.

– Может быть. А может, и нет. Голова любимого коня на подушке быстро образумила Князя Липу. Даже если народ и врет. Но лучше верить в эти слухи. Судьба Охотников многих и многому научила. И нам бы поучиться у них.

– Так и быть! Открывай, давай сюда этот кувшин и лети в храм. Триединого забывать тоже не следует.

* * *

– Ну, здравствуй, Глаза и Уши, – впервые за последний месяц улыбнулся Белохвост.

– И тебе не кашлять, Хвост и Грива, – улыбнулся стройный, но невысокий юноша в хорошо сидящем костюме зелено-коричневых тонов, в котором когда-то тщедушный забитый мальчишка Пятый угадывался с трудом.

– Чем обязан такой чести? – Белый придержал коня, уравнивая скорости движения.

На выходе из Дома наемников Белого ждал караван Матерей Милосердия в количестве тридцати семи молодых женщин и девушек, при двадцати трех воинах в накидках крестоносцев. Половина из них была ездовыми на дюжине двуконных повозок. Матери шли в земли Дома Лебеда для организации Обители Милосердия – отделения ордена Милосердия на землях Лебеда. В повозках везли необходимое на первых порах имущество. Только шесть девушек путешествовали верхом. Остальные – не умели, ехали в повозках.

Позже Белый узнал, что среди женщин, которых народ, скопом, называл Матерями Милосердия, именно Матерью – была только одна. У них оказалась своя структура, своя пирамида иерархии. Мать Милосердия была как Настоятель Оплота у орденов – глава будущей Обители Милосердия. Дальше шли – Сестры. По старшинству чинов – Старшая Сестра, Сестра Боли, что заслужила право самостоятельно проводить сложные операции, просто – сестры. И – сиделки, что не носили красных крестов, да и одежды их были не белыми, а – серыми. Как послушники орденов – никто пока.

Старшим над воинами с белыми крестами на черных накидках был как раз Сбитый Зуб. Бывший когда-то властителем, разорившийся, изгнанный князем со своей должности. Зуб был отличным рубаккой, но не очень хорошо умел вести хозяйство, потому поток жалоб на него

и вызвал гнев князя. И Зуб опять занялся тем, что умел лучше всего – продавать свой меч. Десять лет в гильдии наемников покрыли его имя уважением, но не принесли ему достатка.

А три месяца назад Зуб чуть не отдал Триединому душу. Пустяковая стреляная рана загноилась. Жизнь покидала бывшего воина, и он знал об этом. Гнили ребра, по которым чиркнул грязный наконечник стрелы. И он пошел к Обители, упав в беспамятстве прямо около ворот Милосердия.

А когда открыл глаза, впервые в жизни влюбился. Как мальчишка. И страсть не оставляла его уже полгода. Он не снимает накидки крестоносца, хотя от болезни не осталось даже воспоминаний. Но беда в том, что полюбил он – Мать Жалейку. И она ответила взаимностью. Уже полгода длится их едва скрываемая связь, которой не суждено завершиться свадьбой – Кодекс Милосердия запрещает Матерям связывать себя узами брака. Конечно, Жалейка могла и снять с себя мантию Матери, но Долг – не позволяет. Этот Мир болен. И Зуб поддерживает ее. Согласен быть при ней тайным ухажером. Лишь бы – рядом. Лишь бы – вместе.

Зуб поджал губы. Третьего дня его заплаканная любовь призналась, что не праздна. Еще несколько месяцев – и ей придется сложить с себя обязанности Матери Милосердия. А тут Указ императора – Обитель в Княжестве Лебеда. И жребий пал именно на Жалейку. Ей предстояло не только пробраться через всю страну, тлеющую войнами и бунтами, но и построить обитель. Заменить Жалейку было некому. Не было в ее крыле никого даже с близким опытом и возможностями, с таким организаторским даром.

Выбор: выполнить требования Кодекса и уйти из Милосердия или выполнить требования Долга – построить и наладить Милосердие на землях Лебеда, после чего – позор нарушения Кодекса и рождения ребенка вне брака.

Вариант убить ребенка в чреве не рассматривался влюбленными в принципе. Оба они были уже не молоды. И это был, может быть, их единственный шанс стать родителями.

Вот такие тяжелые думы омрачали лица старших в походе. Видя это, крестоносцы и сестры тоже старались вести себя поскромнее. Ну, а когда во главе колонны встал седой юноша со страдальческим лицом, стало вовсе не до шуток. С истинным красноречивым лучше не шутить.

Когда колонна проходила мимо таверны, к Седому присоединились три мага – Разумник, Воздушник и Магистр земли. Молча, они выстроились позади Седого.

Привратная стража не только не задавала вопросов, а почтительно склонила головы перед их колонной, разгоняя с дороги прочих путников, которых было немного, – южные рубежи были беспокойны. Красную Звезду не столько уважали, сколько – боялись. Крестоносцев уважали. Матерей Милосердия уважали и на них злились – разом. Уважали за их Служение, злились за те мысли, что витали в головах жен и сестер стражей.

И вот когда башни города скрылись за холмом, на изгибе дороги их и встретил господин Брус Чан в идеально сидящем по фигуре костюме путника.

– Так чему я обязан видеть тебя в нашей компании, о, великий и ужасный Серый Кардинал? – опять спросил Белохвост.

Пятый довольно метко плюнул Белому прямо в глаз. И оба рассмеялись, обнявшись. Крепко, до хруста хрящей. Пятый сам, своим платком вытер лицо Белого:

– Нехватка людей, Утенки. Не может же Совет диспетчеров отпустить тебя на задание с неполной Звездой? – пожал плечами Брус.

– Чеши, чеши, я – слышу, – кивнул Белый.

– Я серьезно! Эти два щегла выгребли все! Пошли Оплот Пауков брать. С твоим отцом. Белый вскинулся.

– Тихо. Ты свою задачу выполнил. Тем, что выжил – перевыполнил, – Брус сжал руку Белого чуть ниже наплечника. – Пришло время приступить к основному заданию.

Белый усмехнулся, достал из кармана смятый пергамент.

– «Делай, что должен, и будет тебе салом по губам», – прочитал он. – Я сразу понял, что тут кто-то из *наших*.

Но слова эти опечалили Бруса:

– Стариков – жаль. Без них – сложно будет.

– А остальные? – спросил Белый, трогая коня. Колонна уже догоняла их. Разговор будут слышать. А это ни к чему. «Многие знания – большие печали», – говорил Старик.

– Разлетелись кто куда, – вздохнул Брус, поправляя ремень своего самострела.

– Вижу – Сумрак выжил. Этот самострел был у Рекса на руках, – кивнул Белый на оружие Бруса.

– Выжил. Только спецболт, теперь – один. Сумрак сообщил нам, что ты жив. Отдал все ваши вещи. И ушел. На нем лица не было. Спешил. Боялся, что Щегол его поймают. Говорят – он убил Старика. Веришь?

Белый пожал плечами:

– И пришел бы к тебе, отдав самострел. Ага! Обычно именно так подлецы и поступают. А если ты еще и Клинок Вздоха мне отдашь – совсем поверю.

– Горьким корнем хрена тебе по губам! Вдох Дракона – у Дракона. А тебе и так – изумрудную ковырялку выделили. Хватит с тебя!

– Мне-то не ври! Жмот! Мойша! Так я и поверил, что Марк явился к Ястребу. Ага! А у тебя портала нет. Гони клинок! Как Ястреба увижу – верну. А сейчас нам нужнее. И я им владею лучше. Сам себе голову отсечешь, не почуешь.

Вздохнув, Брус протянул руку, скрытую плащом. Обратным хватом он держал рукоять Клинка Вздоха Дракона. Так же скрытно Белый принял клинок и запихнул его в сапог, прикрывая это действие плащом.

– Белый? – тихо спросил Брус. – Старики точно... того...? Или – как ты? Для всех – того, но на самом деле...

– Олег, точно. Половину его тела съело Дыхание Смерти. Тут никакой корень жизни – не поможет. Деду – только руку. Потом меня накрыло. Очнулся – сижу на этом коне на дороге, скверна пойми где. Определился по светилу и пошел на юг. Вот и все. Не знаю даже, кто меня спас! Как? Где я был все это время?

– Тебя Марк вытащил и отнес в Некрополис. Наверное, Некромант тебя спас. Отрастил тебе руки и ноги.

– Некромант лечит? Не со мной бы было – не поверил, – вздохнул Белый.

– Да. Он же нам сказал, где тебя ждать.

– Долго же вы собирались.

– Легко сказать! А ты попробуй в том кипящем котле, в который превратился Мир, найти бледного юношу со взором горящим! – горячился Брус. – И этот, Кашей клятый, только намеками и разговаривает. Нет, чтобы пальцем на карте указать!

Белый смеется. Тут же скрючивается от боли. Брус с сочувствием смотрит – ему было понятно, какой из Некроманта лекарь. Седой юноша восстановил дыхание, поехали дальше.

– А остальные? Ты сказал – разлетелись, – спросил Белохвост.

– Молота из кузни не вытащишь. Если бы борода не сгорала, был бы, как Одичалый. Старик его даже выпорол за неряшливость – все не в науку. Марк сквозанул – только пятки сверкнули. И даже не намекнул – куда. Может, сам не знает. Зверюга наш и наш Господин пошли Пауков воевать. И Лонес – с ними. Присмотрит за этими шалопаями.

Белохвост покосился на Бруса. Усы еще не растут, а старших «шалопаями» называет. Как же они плотно перешли на словечки Деда! Опять спазм в груди от воспоминаний и утраты...

– Да и мы с тобой, – продолжал Брус. – Вот и все *наши*. Зверь потом поведет наемников на Ярикрав. Там и сгинет. Дурень! А Ястреб решил завершить Урок.

– Это тот, с «навозом»? – усмехнулся Белый.

– Тот самый. Так что год о нем нельзя даже вспоминать. Дед не засчитает.

– Дед не засчитает... – криво усмехнулся Белохвост. – Но ты мне зубы не заговаривай. Ты, «Совет диспетчеров», давай, колись, что за плюшки у нас разбросаны на пути?

Теперь Брус косится. Вздыхает:

– Много непонятного. Ну, не могу я допустить прямого срыва конкретного указания Обретенного. Он сказал – ты, Гаденыш...

– Ща, как заболит у тебя ухо, шея и обе руки! – прошипел Белохвост.

– Да ладно, чё ты? – пожал плечами Брус. – Так вот, ты должен принять Дом Лебеда и сделать его образцовым.

– Не слышал про «образцовый»! – качает головой Белый.

– А накер тогда затеваться? – так же пожал плечами Брус.

– И поэтому ты сам, лично, оставив весь «Совет диспетчеров», припылил...

– А что столько издевки в твоих словах? Думаешь, Пауки кончились? Ничего не закончилось! Все только начинается. А вдруг – это не единственный их оплот? А? А что, кроме этих тварей, больше некому обидеть незащищенных сироток?

– Сиротки – это Красная Звезда? – усмехнулся Белый.

– Вот! Видишь – работает! Все думают, Красная Звезда – великая и могучая. А если голову включить? Ну, как там Старик говорил, а? Работаем! Урок! Подсказываю: и на вольных владык – всё одна Красная Звезда.

– Да? – Лицо Белого посмугнело. Он покачал головой.

– Заценил? – спрашивает Пятый, с которого сползла маска важного господина, и он стал тем, кем и являлся, – мальчишкой безусым.

– Заценил. Ты – молодец. Возьми с полки пирожок.

– Там два, – кивнул Брус. – Крайний – Деда. Всё, сворачиваем. Там хороший распадок. Там моих «артистов» подождем.

– Ты и их подтянул?

– А как же! Между этим местом и Домом Лебеда – сплошная непроходимость. Даже мои «птахи» не пролетают. И что там происходит – сплошная «непонятка». Понятно, что ничего не понятно. Уже три группы моих «птах» пропали. Как я тебя одного отпущу?

– Мышь своих соглядатаев называл «мышками». А ты – «птахами».

– Ну, у нас все – крылатые. Лебеди, утята, соколы. Ящерицы, и те – крылатые. Да и старики – какая-то крылатая пехота. Видел их знаки на телах? Вот! Кстати, про Лебедей – Престол нам отсыпал пряников, чтобы мы пронюхали, что там, впереди, происходит. Ну, и тебя заодно доведем. Или – ты нас. Вот, Матерей прихватили. Открою тебе тайну: они – тоже творение Старого.

– Да ты что? – воскликнул Белый. – Правда, удивил.

– Мы тогда немного обнищали, нанялись к этому оленю... Блин! Так ты же там, с другой стороны, был! Уел меня! Уел, седая твоя башка!

И они оба рассмеялись.

Колонна повозок заворачивала в распадок двух крутых холмов, на которых через сухую корку глины прорывались, как клыки, известняковые продолговатые глыбы. Этот распадок так и назывался – Челюсть Великана. А в распадке было безветренно, тихо и тек ручей с почти пресной водой. Почва в распадке не застывала коркой в ладонь толщиной, как в Пустошах. Жизнь в этом месте пойдет именно отсюда.

Белый покопался в своих вещах. Нашел мешочек с семенами, что передал ему, среди прочего, глава наемников. И Белый, как и Старик, посадил семена, которые шли по весу золота, вдоль лужи-озерца, что натекал из ключа. Матерей Жалейка благословила посаженные Белым семена. Отметили место, воткнув в землю заготовки древки стрел.

Крестоносцы быстро и привычно ставили повозки коробкой, растягивали навесы, разводили огонь под медными котлами.

Белый втянул воздух носом, полез по осыпающейся круче наверх, туда, где среди белых клыков застыл невысокий, стройный юноша, на самом деле – мальчик, взваливший на свои плечи неподъемный груз.

Брус кивнул Белому, смотря на раскинувшиеся перед ними Пустоши.

– Я тоже боюсь, что не справлюсь. Что подведу их – отца, стариков, – сказал Белый.

– Они тебя взяли с собой. Не меня, – буркнул Пятый, махнув рукой.

Порывы дикого ветра Пустошей гоняли пыль, завихрениями. Далеко – на пределе видимости – кружила птица над кучкой Бродяг. Кому-то сегодня не повезло. Их жизненные силы, кровь и плоть стали добычей нежити. И – падальщиков.

Они стояли рядом и просто молчали. Потому что все, что можно было сказать, они и так знали. Просто, молча, вели каждый свой разговор с уже ушедшими. Пока их не позвали на ужин.

* * *

С кучей бродячих артистов дорога короче. Оттого что – веселее.

Безумные одежды, подчеркнуто безвкусно-яркие, подчеркнуто безвкусно – до смешного – скроенные. Аляпистые, пестрые. Но артисты – жизнерадостные, веселые, смешливые, певучие – разогнали тоску колонны. Улыбался Зуб, смеялась Матерь Милосердия над ужимками акробатов, ухмылялся даже их седой командир.

Хотя ему стало еще тяжелее с присоединением к их отряду этого балагана. Потому как старшим во всем этом веселом безумии был акробат Корень, а с ним прибыла его сестра – Синеглазка. А с ней – боль первых чувств Белохвоста.

Она училась у Ольги, Белохвост лечился. Она понравилась ему, он – ей. Первая любовь. Первый кипятик по венам, первые томные взгляды, первые вздохи томимого сердца. Первые – робкие – объятия. Первые – невыносимо сладкие – поцелуи.

Нет, Белый не был мальчиком. Но то, как он стал мужчиной, казалось, навсегда сделает из него женоненавистника. И вот – он плывет под синим пламенем ее глаз. Его пьянит запах ее волос.

Все закончилось очень больно. Они, как им казалось, украдкой, уединились на сеновале. Волосы Синеглазки – на лице Белого. Ее горячее дыхание и стоны обжигали.

Корень, ворвавшись на сеновал, сдернул Синьку, как ее называли братья, с Белого, очень крепко припечатал своим твердым, как корень дуба, кулаком – в глаз Белому, поволок ее, растрепанную, в порванном в порыве страсти платье, на выход, где они вдвоем – Корень с Ольгой – стали кричать на Синьку, но так, чтобы слышал и Белый:

– Ты разве не знаешь, кто он? Княжич! Наследник! А кто ты? Забыла? Соплячка! Ты себе чего понапридумывала? Любовь? Какая любовь? Он – сам себе не хозяин! Он – раб своего Дома! Интересам Дома надо будет, чтобы он соединился с какой-нибудь гримзой из Темных Владычеств, старой и страшной, – и он это сделает! Будет строгать птенцов десятками – только бы не было войны! Кто ты будешь? Кем? Любовь? Даже если он любит тебя – он откажется от своего Долга? Кто он тогда будет? Какой судьбы вы хотите друг другу?

Эти слова, как раскаленные гвозди, вбивались в голову Белого. Больше они не виделись. Корень очень строго следил, чтобы даже взгляды влюбленных не пересекались.

И все же – им удалось поговорить.

– Твой брат прав, – сказал тогда Белый, – прости. Мой Долг – служение моему Дому. Я не смогу связать свою судьбу с твоей. А представить тебя наложницей не могу. Я люблю

тебя. Но нам надо прислушаться к голосу разума и сделать так, как правильно, а не так, как хочется. Прости!

Она, в слезах, убежала. А он – с тяжелым сердцем – пошел навстречу Судьбе.

Единение разумов сильно изменило Белохвоста. Очень сильно. А смерть – еще сильнее. На многое юноша взглянул иначе.

Но прошедшие месяцы изменили и Синеглазку. Она вытянулась, расцвела, похорошела. В некоторых местах – особенно. Но изменилась она – не только внешне. Когда она увидела Белого, глаза ее смеялись... Жестокой насмешкой... От едва скрываемой ненависти. И она сделала вид, что не знает Белого. Подчеркнуто манерно и холодно приветствовала его.

– Кто пользовал вас так грубо, Ал Гадкий Утенок? Вы, весьма вероятно, испытываете жуткие боли? Еще бы! Вас лечили смертью?

И – смеется. Издевательски. Белый отводит, стыдливо, глаза. Торжествующий взгляд Корня – сестренка уела княжича! Торжество рожденного простолюдином над благородным – сладкое чувство!

Удивленный взгляд Пятого. Он не в курсе этой истории.

Красный от стыда Гадкий Утенок бежит. От ее смеха... Ее голоса... Ее запаха... Ее глаз.

И – от себя. От стыда, что он, Наследник, которого с пеленок учили контролю эмоций, не смог совладать с ураганом чувств и мыслей. Это – стыдно. Это – обидно. И – досадно. Сожаление по упущенному счастью – сильное чувство. Не только выбивающее из равновесия. Сводящее с ума. Он ее любил. И, увидев, вспомнил, насколько сильно. Но лед ее глаз ранил больше, чем дыхание смерти Паука. Этот лед вымораживал сердце и разум. Бегство – неосознанная реакция организма на эту боль.

Брус догоняет. Пристает до тех пор, пока Белый, в эмоциях используя слова языка Старых, не поведал ему предысторию его и Синеглазки.

– М-да! – Вдохнул Брус. – Я в ваших, благородных, раскладах – ни в зуб ногой. Как Старый говорил: «Вас, богатых, не поймешь». А сейчас-то ты чего расстроился? Все, как ты хотел.

– Там, под Зеленой Башней, Олег нам сделал единение разумов. И Старые узнали эту мою самую сокровенную тайну...

Брус усмехнулся. «Тоже мне – тайна!» – подумал Брус Чан.

«Влюбишься – посмотрю на тебя!» – мстительно подумал Белый. – Тоже посмеюсь!»

– И что Старый сказал? – спросил Брус.

– Да, как обычно – перевернул все с ног на голову, обгадил и заморозил. Сказал, что я – дурень и полено дубовое. «Любовь нам посылается самими богами. Всю жизнь до смерти можно прожить, так и не полюбив. А кто не любил – тот и не жил. Бежать от любви – бежать от самой Судьбы, от самой – жизни» – вот его слова.

– Да? – удивился Пятый. – Вот, блин навозный! Вот ты попал, братишка! Теперь ты решил, что можно и любить, а она – что поезд ушел? Вот, блин! М-да! Дела! Тебе – как? Платок дать – слезки утереть? Или веревку?

– Пошел ты! Тоже мне – братишка! Тварь ты оскверненная!

– Да куда нам, глинорылым, в ваш высокородный ряд?! – крикнул Пятый, уворачиваясь от удара длиннущего меча и прищипывая коня.

– Убью! – кричал Седой.

– Себя, – кричал Брус, – в зад – поцелуй! Проикал ты свое счастье! Моя теперь она будет! А ты иди – долги свои исполняй! Да получше! А то папа осерчает.

Белый рычал, раздирая шпорами бока коня до крови, но конь Бруса был быстрее, сам Пятый – легче, да и без брони. Не смог Седой догнать Бруса. Только кричал вслед полосе пыли ругательства на незнакомом языке.

* * *

Поток ругательств резко оборвал далекий крик:

– Бой!

Белохвост проорал эту же команду и вновь пришпорил коня.

Но боя не было. Как не было и Бруса. Только пыль. И два распятых тела без кожи, растянутых между стволов деревьев. Тела дергались и извивались. Белохвост развернулся в сторону колонны и заорал:

– Жалея! Синька! Быстрее! Есть живые!

Подскакавшие крестоносцы и артисты стали кружить вокруг тел.

– Может, Бродяги? – спросил один.

– Живые. Пока, – качает головой Зуб, спрыгивая с коня и поднимая с земли окровавленную черную накидку с белым крестом, – наш!

Все поспешно поспрыгивали с коней, стали снимать тела, разрезая веревки, удерживающие тела в подвешенном состоянии.

– Командир, – спрашивает Зуба один из крестоносцев, – ты уверен, что их стоит спасать?

Зуб поворачивается к Белому, добавляя от себя:

– Может, это – лихие или одичалые?

– А накидку с крестом и сутану клирика оставили палачи? – спросил в ответ Белый.

Зуб поднял накидку клирика шипом топора. Сутана была испорчена полосами. Клирика из нее вырезали.

– Что за звери это сделали? – воскликнул один из бойцов.

– Люди, – ответил Зуб и повторил: – Люди, что хуже Тварей.

– Тол, – обратился Серый к магу разума, – посмотри, кто их так. И это... ты умеешь блокировать боль?

Наконец прискакала Синька, прямо на ходу спрыгивая с коня, ловко, акробатически, гася скорость. Сказалось прошлое бродячей артистки. Сразу бросилась к телам, распахивая всех на своем пути, крича:

– Не лезьте к ним! Со своими блокировками! Топорная работа! Будет как с этим! – она мотнула головой в сторону Серого.

Она полыхнула аурой Силы так, что даже Белый увидел, являясь полным бездарем. Мать Белого была магом стихий с талантом к воде, отец – без дара. Белый родился – в отца. И внешностью, и характером, и отсутствием дара.

Бойцы и маги – почтительно расступились, издали наблюдая за работой Синьки.

Только теперь прибыли первые повозки и сестры Милосердия. Поспешили помогать девушке, но Жалея остановила их:

– Не мешайте! Впервые вижу такую Силу Жизни! – восхищенно воскликнула Мать Милосердия.

И только когда девушка бессильно откинулась на руки брата, сестры Милосердия бросились к телам с тонкой розовой кожицей, гремя горшками с мазями и разматывая полотнища для обертываний.

– Когда ты успела так продвинуться в даре? – спросил Белый девушку.

– Ольга передала свой дар, – тихо ответила девушка, не открывая глаз. Она тяжело дышала, капли пота сбегали по ее лицу, волосы прилипли ко лбу.

– Ольга? – прорычал Белый придушенно. – А сама о...? – Конец фразы Белого потонул в горловом булькающем звуке.

– Она ушла в Храм Матери и развеяла себя в Стихии Жизни, – тихо ответила Синеглазка.

Белый резко вздохнул, откинув голову, да так, надутый, и поспешил к коню. Вскочил в седло, прищипорил.

Девушка открыла глаза и смотрела ему вслед. Увидев ее взгляд, Корень пихнул сестру, смотря на нее гневно. За что получил не менее гневный взгляд. Корень, резко и грубо, усадил девушку со своих рук на землю и тоже поспешил прочь.

Девушка осмотрелась вокруг, выискивая взглядом кого-то, но не нашла. Вздохнула, легко поднялась, стала ладошками бить по подолу, сбивая пыль. На нее уже никто не обращал внимания. Сестры хлопотали вокруг пострадавших, артисты и крестоносцы обустроивали лагерь. С десятков крестоносцев, с щитами и топорами стояли вокруг, спиной к отряду, с тревогой глядя в мрачные ландшафты Пустоши.

Прискакал Стрелок – так, для всех – непонятно, звучало имя этого бойца Звезды. Пятый, верный традиции Старика, опять назвался новым именем. О том, что он – Пятый, знал только Белый. О том, что он – Брус Чан, – только часть артистов. Для остальных он – Стрелок. Из присутствующих истинное значение и перевод слов «Стрелок» и «Гадкий Утенок» знали только Белый и сам Пятый. Использовать язык Старых было не только весело, но и – полезно. Потому как звучал он приблизительно схоже, имея мало несовпадающих звуков, но хорошо скрывал смыслы.

Стрелка встречали. Он помотал головой отрицательно, кивнув магу разума вопросительно. Тол также покрутил головой, разведя руками. Стрелок искал глазами командира, не нашел, зато попался в захват цепких пальцев Синьки.

– Что ты, сестренка? – спросил ее Пятый.

– Серый. Он спросил про Ольгу. И как девка какая – психанул. Почему? – Синька, спрашивая, все сильнее сжимала пальцы на локте собеседника.

Стрелок осмотрелся.

– Вечером расскажу.

– Сейчас!

– Отстань, дева! – возмутился Стрелок, попытавшись выкрутить руку из цепких пальцев девушки.

– Сейчас!

– Он считает себя виноватым в этом! Ты! Тут – уши! Пусти! Бешеная лиса! – наконец Стрелку удалось вырвать свою руку, и он поспешил по следам Белого.

Стрелок быстро нашел командира – он не слишком далеко ускакал. Все же контроль эмоций был у него второй натурой. Потому он быстро возвращался к взвешенному состоянию.

– Будешь драться? – крикнул Брус.

– На кой ты мне нужен, балаболка? Давай, признавайся, как ты так опростоволосился и никого не догнал, – махнул рукой Белый.

– От тебя гоняясь, коня утомил.

– А не затеяли бы эту дурость – не успели бы спасти этих бедолаг. Что хоть увидел?

– Черные какие-то. Не темные, от грязи, одежды, а крашенные черным. Как у Черного Братства или крестоносцев. Все. Как думаешь, они одни были? Или теперь своим о нас сообщили?

– Никак не думаю. А дозор усиленный выставить. Завтра бедолагам этим Синька еще поможет, как Силу восстановит, можно будет Толу с ними потолковать. Поехали обратно.

– Буянить не будешь?

– Нет от этого пользы.

– Так и сразу не стоило.

– Пошел ты! Сам же меня вывел!

– Сам пошел! А что ты как живой мертвец? Как Бродяга свежий ходил – ни одной эмоции.

– Тоже мне, мозгоправ нашелся! Тебе до Старых...

– Слушай, говорят ты в единении *их мир* видел?
– Видел.
– Расскажи!
– Обязательно. Но – потом. Злой я на тебя, дитя скверны.
– Да пошел ты! Сам ты – скверный! Нет во мне скверны!
– Так я тебе и поверил, что Дед не научил тебя скрывать это.
– Ты мне зубы не заговаривай! Что видел?
– Представляешь, малыш...
– Сам – малыш! Козел седой!
– Не буду рассказывать. Ты и в Голливуде все видел.
– Давай, вей из меня теперь веревки! Вот уж у кого скверный характер, так это у тебя!
– Вот и договорились. Иди, делом займись, Диспетчер хренов! Проверь состояние оружия и запасов. Если такие мутные вещи начали происходить уже тут – могут возникнуть большие сложности с дозакупкой еды. Иди, иди! Успеем еще поболтать о том, чего уже нет и не будет. Теперь – не опоздаем. Уже.
– А я верю, что Дед выкрутился.
– И я бы очень хотел верить. Но, его мертвое тело попало к клирикам. Это...
Белый бросил фразу на языке стариков, означающую полный и окончательный крах всех надежд.

* * *

Эта ночь была малолунной и темной. А Белый так и не смог уснуть, терзаемый мыслями, воспоминаниями, подавляемыми чувствами, что ломали барьеры воли, прорывались, бурлили, подогреваемые юношеским максимализмом и гормональным бунтом.

Потому он видел, как Синька скользнула под навес к Пятому. Что они делали, не было видно. Ревнивое воображение юноши само все дорисовало. Да еще и брошенная Пятым фраза «Моя теперь она будет!» Где ж тут уснешь?!

Но с посеревшим востоком пришло и охлаждение кипящих мозгов и бурлящих чувств Белого. Встав лицом к рассвету, Белый прошептал:

– Делай, что должен!

Присказка Старого. Конец фразы каждый раз менялся, в зависимости от повода высказывания: от «...и получишь навозом по губам» до «...и будет тебе счастье», но начало всегда такое.

– Делай, что должен, и посмотрим, во что это выльется, – сам себе сказал Белый и пошел к своему коню.

В этот день Синька, как специально, постоянно попадалась на глаза. Белому надоело скрипеть зубами, и он, обогнав головной дозор из двух крестоносцев и мага воздуха, поехал впереди, но в пределах видимости отряда.

Одному Белому было проще. Проще справиться с самим собой. И не только Синька виновата. Вчера Пятый поднял вопрос про увиденное Белым в слиянии. Но *мир стариков* настолько был непривычным, а Белый – получил столько весьма сложных и непривычных знаний, что голова постоянно лопалась, не в силах освоить полученное. Потому Белохвост был предельно сосредоточен, на пределе силы воли удерживал свое сознание от погружения в безумие отчаяния. От боли. Телесной, душевной боли. Боли утрат. Боли невозможности исправить произошедшее. При этом имея чудовищно сильное желание вернуть ушедших.

Хотя Белый и прошел специальную подготовку Разумниками, в том числе и Вещим Олегом, Пересмешником, несмотря на все эти навыки контроля собственного разума, юноша

справлялся сам с собой с крайним напряжением сил. Тем более, что часть сознания Белого была занята «освоением» огромного массива информации, что он получил от стариков в единении.

Метод изменения разума неодаренных к магии был очень сложен, рискован и чрезвычайно дорог. Но Наследнику императора это было нужно. Маги разума из любого полудурка могли сделать весьма шустро соображающего умника. Если полудурку хватит на это золота. Императору – хватало. Такое же изменение разума прошел и Ястреб. Может быть, поэтому и удалось Олегу слияние разумов, что головы всей пятерки были подготовлены магией разума. А тупой зверолод Рекс был изменен странным артефактом Некроманта. Он полностью изменил Рекса, превратив тело и мозг гоба в тело и мозг Ястреба. Поэтому этих изменений и не могут засечь маги. Потому что это – не иллюзия, как все думают, а полная перестройка. Рекс стал Ястребом. Говорил, как он, думал, как он. Действовал, как он. Прыгнул под дыхание смерти, как сделал бы Ястреб, прикрывая соратника, без раздумий, чего злой, неуравновешенный, но трусоватый, гоб никогда бы не сделал.

И вот – опять. Белого опять скрутила судорога. Спазм боли сжал его тело. Боль пронзала все тело. В голове – как шестопер появлялся, разрывая мозги. Разряды молнии пробивали по костям, судорога сжимала все мышцы разом. Белый Хвост едва удержался на коне. Судорожно глотал воздух, когда приступ прошел. Прodelал, уже привычно, комплекс дыхательных и медитативных упражнений. Отпустило. Несколько часов у него теперь есть. Лишь сильные боли будут простреливать дважды в час. А к вечеру опять скрутит.

Белый не знал, что происходит с его телом. Как осознал себя живым, на дороге, так и мучается. А Синька еще и посмеялась над его бедой. Ну, и... с ней! Девка! Верно говорят – волос длинный, да ум короткий!

Мучается Белый в том числе и вопросом – почему он? Почему Марк вытащил именно его тело, а не Деда, например. Хотя Олег к тому моменту уже был мертв. Единение же – пропало.

Благодаря слиянию разумов, Белый знал, что у стариков тоже был Корень Жизни. Невероятно редкий артефакт. Невероятный, еще и потому, что школы Жизни и Смерти считаются противоположностями. Маги могут владеть воздухом и водой, например, одновременно. Потому как это одна магия – стихия. Но нет магов, владеющих сразу Светом и Тьмой, Жизнью и Смертью. А Корень Жизни мог сделать только маг, одинаково владеющий и Жизнью, и Смертью.

Артефакт не лечит. Он ничего не делает. Ничего. Никак не фонит, никак не проявляет себя. Пока ты не начинаешь умирать. В тот момент, когда душа готова покинуть тело, он и начинает работать. Смерть не дает душе покинуть тело, держит душу, как якорем, как корнем, поэтому артефакт так и называется. А Жизнь – поддерживает тление жизни в умирающем теле. Пока владельцу артефакта не будет оказана помощь.

Олегу артефакт был бессилен помочь. Не в чем было поддерживать жизнь. Потому Смерть – отпустила душу.

А вот Дед был живой. Дед вообще категорически не желал умирать. Его жизненная энергия сбивала с ног! Заставляла людей вокруг него крутиться, как Круговерт Дикого Ветра Пустоши крутит пыль и камни. Почему он приказал Марку спасти именно Белого? Марк никогда бы не спас Белого, бросив Деда, без прямого и недвусмысленного приказа. И обоснования правомерности приказа, которое принял бы этот Темный с его повернутостью на праве, на чести. А вот – почему? Что сказал Дед Марку?

Почему? Чем Белый дороже Деда? Сколько Старик сделал для Мира! Его наследие только начинает укореняться. Оно еще зацветет и принесет плоды. Неизвестно пока, какими они будут. Древо познается по его плодам. Горькими они будут или – сладкими? Но то, что они будут – точно. И их будет много. Цветочки – вон они, сзади идут. Красная Звезда, крестосцы, Матери Милосердия, изгнание Пауков, сохранение Престола – это только навскидку,

не задумываясь. А сколько бы он еще «наследил», проживи он в Мире не несколько десятков месяцев, а несколько десятков лет? Старый не знал этого? Невероятно!

А что для Мира – Белый? Простой человек. Нет, для людей Мира – не простой. Наследник Престола, поколения отбора, подготовка, знания.

Но есть Ястреб. А у него – та же подготовка, те же знания, но – Кровь! Кровь – Драконов. Потому Белый не уникален. Ястреб будет намного уместнее на Престоле, чем Белый. Намного. И Мир это знает. И Дед это знал. Именно поэтому Ястреба и не было под Зеленой Башней. Дед «не складывает все яйца в один карман». С точки зрения Мира, бессмертных богов, с отстраненной вышины Бесконечности, Белый – пыль.

Тогда – почему? Белый так и не смог найти разумного ответа, не содержащего в себе внутренних противоречий. Не мог. И этим сильно мучился.

И совета спросить – не у кого. Большинство – просто нельзя допускать до таких знаний. Пятый? Мальчишка еще. Только щеки надувающий. Нет, он искренне старается. Из всех своих сил. Но тут Пятый – не советчик. Ястреб? Где он? Отец? И он – далеко. Кто для Белого кумиры, образчики мудрости? Отец, Рулевой, Мышь, Старый, Олег, Ольга, Некромант. Часть из них – далеко. Часть – слишком далеко. Слишком. При жизни не добраться до них. И свидание с ними уже ничего не изменит. Из Круга Перерождений в прежнее тело нет возврата.

– Старый! Что ты наворотил?! Будь ты проклят! – в сердцах выкрикнул небу Белый.

* * *

Следы запустения болью отзывались в сердце людей. Хищнически вырубленные деревья, пеньки которых торчали вдоль дороги, зубной болью кривили лица людей.

Самое сердце Империи – Срединные Земли, давно обжитые, бойкие, густозаселенные – запустело. Хорошая, ровная дорога пустовала. Уже второй день – никаких путников. Не спешат по своим делам наемники, посыльные, вестовые. Нет егерей, стражи. Не ходят на пересменку отряды гарнизонов застав. Нет многочисленных прежде караванов купцов. Нет жителей этих земель. Лишь пыль и пепел летают через дорогу. Все чаще попадаются распятые тела без кожи. Зуб говорит, что кожу снимают, чтобы использовать ее, как кожу скота. Для выделки. Безумие!

Некоторые распятые уже обратились. Стали Бродягами. Бились на привязи при виде их отряда.

Белый Хвост так и ехал впереди на полет стрелы. Он, первый, и упокаивал Бродяг. Быстрым ударом в основание шеи, разрубая их надвое. Изумрудный меч не терял своей остроты и рубил, как Вдох Дракона, легко проходя сквозь плоть и кости.

И оставлял желудь Измененного Дуба. Его все чаще называли плотоедом. Маг земли выбивал в почве ямку, туда спихивали тело, погружали в плоть измененного желудь, засыпали землей. Оказываясь окруженным мертвой плотью, желудь сразу прорастал. Его корни без остатка перерабатывали плоть и кости. Силы ростку хватало даже пробить корку Пустошей, которая образуется после каждого ливня.

Белый знал, что в *мире стариков* дожди тихие и незлобные. И корка там образуется только в нескольких местах мира. Это – такая редкость, что такие места еще поискать надо.

А тут – корка убивает все живое, что смогло прижиться в этих ядовитых землях. Росток плотоеда пробивает корку. Получаемой из плоти силы ему хватало, чтобы укорениться, вытянуться. А потом корни сами выберут из ядовитых почв то, что нужно дереву. В остальном – это просто дуб. Когда жизнь дерева завершится, в круге земли, что он переработал, можно высевать даже хлеб. А само дерево смело использовать хоть для строительства, хоть на дрова. Только плотоед не любит много скверны. В скверне лучше высаживать чистодрево. Измененную березу. Что силу черпает как раз из скверны.

И – еще Бродяги. Двое. «Мясных». Тоже – свежие, еще не утратившие плоть. Но со сломанными ветвями в руках. Белый дважды взмахнул мечом. И решил дожидаться остальных.

Перед ним простиралось поле. С сожженным, на корню, хлебом. Памятник безумию людей. В самом центре Империи! А за полями – валы Ограды. С черными огрызками сторевших укреплений. Дыма уже не было. Ветер доносил только запах старого пожарища.

– Безумие! – воскликнули маги, догнавшие Белого. Увидев, что он встал, они поспешили, считая это плохим знаком. Так оно и было.

– Не имеет смысла хоронить этих Бродяг тут, – сказал Комок, маг земли. – Там таких – сотни. Вместе и прикопаем.

Белый кивнул. Тела Бродяг привязали ремнями к седлам, поволокли.

И у валов были атакованы толпой Бродяг. Многие из них были вооружены. Белый, бегло оценив противника, крикнул:

– Сталью! Силу беречь! Маги – за спины!

«Мясные» Бродяги были лишь чуть быстрее Костяных Бродяг. Не умели визжать так, что непривычные к такому люди полностью теряли мужество, часто – честь. Вместе с жизнью. И не умели так прыгать. Со временем Бродяга заматерееет от поглощаемой скверны, утратит плоть, станет намного опаснее.

Белый, как острие тарана, прорубался сквозь Бродяг, рубя их своим длинным мечом с коня – направо и налево, сразу разваливая тела Бродяг. Но не оправившееся после «смерти» тело очень быстро уставало. Бродяг добивали уже без Гадкого Утенка, которого скрутил очередной приступ, да так, что он меч выронил из ослабевших рук.

Комок, уже привычно, выбил яму в земле, когда Бродяги были перебиты. Тут почвы были обихоженные, мягкие, потому обычная доза Силы вместо ямки выбила большой котлован. Туда и покидали останки тел, освобождая их от металла.

Когда их догнали повозки, могила уже была засыпана, а три желудя начали прорастать. Клирик, все еще хромя на обе ноги и пряча в плащ тело, со слишком нежной, для Пустошей, молодой кожей, осмотрел кучку железок.

– Скверна – только зарождающаяся. Пойдет!

– Зарождающаяся? – переспросил Белый.

– Они проводили ритуал Осквернения, – пояснил клирик.

– Твои бывшие братья? – переспросил Зуб.

– Они, проклятые безумцы!

Маг Тол кивнул:

– Безумие бессмысленной бойни свихнуло им мозги. Один из них решил, что когда была Скверна, то люди вместе боролись с ней. Скверны не стало – стали резать друг друга.

– Логично, – кивнул Белый.

Тол, с опаской, посмотрел на него. Белый улыбнулся:

– Логичный вывод из неверных предпосылок. Люди – те же твари. Когда нет общей угрозы, начинают грызть меж собой. Только я бы не стал выбирать лекарством скверну. Лучше дружно ненавидеть сборщиков налогов, например. Или – соседа. И – полезнее.

Воины рассмеялись.

Белый опять поймал голубой омут глаз девушки, поморщился.

– Всем одеть доспехи! Вооружиться! – начал он кричать.

– Может, обойдем? – спрашивает Зуб.

– По Пустошам? С повозками? Да и!.. Наш долг – очищать землю! Иначе чем мы лучше тварей? Поджав хвост, сбежать? Пусть эти безумцы продолжают ловить людей поодиночке и сдирать с них кожу? Если не мы, то кто? Ты знаешь хоть одну силу на ближайшую неделю пути? Если знаешь – сообщи, не стесняйся! Я же первый пойду к ним и заставлю их вычистить этот скверный безумный гнойник! Вперед, шуки! Родина вас не забудет!

– Безумие – это заразно! – Тол наклонился к Комку.

– Вы Старика не знали! – рассмеялся Стрелок. – Вот кто настоящий Безумец! Вот с ним было безумно весело! С голой задницей и стальной палкой на Повелителя Бродяг со свитой! Вот это была веселуха!

И с гиканьем поскакал догонять командира, размахивая своей саблей.

Маги переглянулись, свернули свои плащи и достали посохи, окольцованные заговоренными, расписанные рунными знаменами, полосами. Пришпорили коней. Следом через разбитые и частично сожженные ворота потянулась плотная колонна повозок, со всех сторон ощерившаяся копьями и топорами.

Безумные священники заперлись в храме. Белый стоял у ворот храма, оперевшись на меч. Стрелок деловито вырезал стрелу из тела клирика.

– Нож Старого? – спросил Белый.

– А то! – ответил Пятый. – Не отдам! Я даже с Молотом навсегда разругался. Говорит, это единственное известное ему изделие из дымчатой стали. Не отдам! Мне Старый был вместо деда родного. Мое наследство!

– Да я и не претендую, – ответил Белый. – Просто узнал. Дед им дорожил.

– Нож освящен кровью Старца. Так Дед говорил. Смотри, как тело этого безумца парит. Будто нож раскален.

Белый посмотрел и позвал клирика. В коробке щитов его привели. Клирик вздохнул:

– Значит, алтарь осквернен, – покачал головой клирик, – теперь они служат темным богам.

– Триединому они служат, – вздохнул Белый, – его темной ипостаси.

Клирик даже накидку скинул с головы, но, столкнувшись взглядом с Белым, смутился, поклонился, отступил, спрятал глаза под капюшоном.

– Постой, – остановил его Белый, – ты сможешь переосвятить алтарь?

– Нет, властитель. Я – простой служитель Триединого. Он не дал мне столько своей Силы.

– Жаль. Иди, – отмахнулся от клирика Белый, тут же позвав магов. – Выносите ворота. Остановим это безумие!

Комок провел ритуал, Шепот – Кулаком Воздуха ударил в ворота. Крепкие дубовые брусья ворот храма разлетелись. Петли и полосы, что их стягивали, были сильно ослаблены ритуалом мага земли.

– Всем! – крикнул Белый. – Блокировать храм! Внутри не лезть! Стрелок, брат мой, пошли? Я думаю, нам большими безумцами уже не стать!

Смеясь, двое воинов вошли в ворота. Сразу же раздались крики умирающих людей. Люди в накидках из сыромятной человеческой кожи стали прыгать из высоких витражей храма, выбивая мозаичные наборы. Крестоносцы отходили, давая им упасть на утрамбованную землю, а потом закалывали их копьями, шипами топоров, пронзая клинками мечей.

Синеглазка до крови грызла костяшки пальцев, не замечая этого. И только когда оба воина Красной Звезды вышли из ворот храма, выдохнула и, подув на руки, залечила свои пальцы.

Оба вышедших были в крови – до ушей. Но ран не имели. Клирики и до обращения не были бойцами, а теперь – вообще, как бараны лезли на меч, как на добровольное заклание.

Белый обвел безумным взглядом город вокруг, вздохнул:

– Сжечь бы здесь все! Но нельзя. Работаем!

Кровавое безумие отпускало его. Но накатил приступ. Третий подряд. Высокий седой воин выгнулся дугой, захрипел, рухнул на руки Стрелка, дергаясь в судорогах. На губах пену разрывает хрип от нестерпимой боли.

– Синька! Быстро, шука! Сюда неси свой хвост! Довыживались! – кричит Стрелок, чуть не плача.

* * *

– Вставайте, Ал! Нас ждут великие дела! – услышал Белый.
– Отвали! – буркнул Белый.
– Я серьезно. Там – горожане повылезли из нор своих. Что с ними делать?
– На хрен всех шли! – опять бурчит Белый, не открывая глаз. Чувствуя ее рядом. И от этого чувствуя себя еще беспомощнее. Еще поганее.
– Синька, девка бестолковая, ты его что, не починила?
– Сам ты бестолковый, – звучит ее голос. – И, вообще, ты что на меня окрысился, а, Брусок?
– Вы меж собой поделить не можете то, что давно ясно, а дело страдает!
– Шел бы ты! – хором сказали и Белый, и Синька.
– Сами пошли! Тоже мне – нашли проблему! Узы! Долг! Судьба! Свадьба! До них дожить надо! Сложитесь завтра – не говорите мне там, что это – самое большее, о чем жалеете!
– Да уйди же ты наконец! – кричит Белый.
Громко хлопает дверь. Только тогда Белый открывает глаза.
– А он прав, – говорит Синька, кладя руку на лоб Белому. – Как ты?
– Спасибо, хреново. В чем он прав? Сводя нас? А ты к нему в шатер вечерами бегать будешь?

Синька смотрит на него некоторое время удивленно. Потом в ее глазах – понимание и синие искры смеха:

– Ревнуешь, – утверждает она. Закрывает глаза, откидывается к стене, говорит: – Я не знала, что тот, на иллюзии, воин в доспехе Стража Драконов с Пламенным Мечом – ты. Не поняла, почему тебя так задело то, что Ольги нет. Спросила у Бруски, он говорит – потом, когда никто не будет подслушивать. Вот и ходила к нему.

– Так вы разговаривали?

– Нет, дубина, спаривались мы там! Мал еще Бруска! Да и он мне – что брат. Я тебя люблю.

Белый сел, широко распахнув глаза.

– Правда? – спросил он, поперхнувшись, закашлявшись.

– Хотела я тебя помучить, – говорит Синеглазка, выплеском Силы поддержав Белого, так же устало откинувшись к стене, не открывая глаз, сама оставшись без Сил, – чтобы знал. Ну, и себя – тоже. Но когда Брусок мне рассказал, что Некромант тебя из кусков собирал...

Она широко открыла глаза, как будто испугалась чего, схватила лицо Белого в свои ладони, стала горячо шептать, покрывая его лицо поцелуями:

– Ты же умер. Я так боюсь потерять тебя опять! Пусть! Пусть я буду всего лишь подстилкой под твоими ногами, только быть с тобой! Быть с тобой! Женись, на ком велит отец. Только хоть иногда приходи ко мне. Я только твоя. Только от тебя хочу рожать! Боги! Я же чуть не потеряла тебя! Я бы как Ольга – развоплотила бы себя! Я умею!

Синька толкнула Белого в грудь, опрокидывая его обратно на ложе, выплеснула в Белого последние крохи Силы, выхватила нож, срезая ремни и завязки с его штанов, разрезая его рубаху снизу доверху, и, разрывая остатки материи, потащила штаны вниз. Белый стал рвать руками завязки на ее платье, полетели клочья ткани. Слишком долго они ждали друг друга. Слишком долго ошибались.

Пятый стоял, подперев спиной дверь, твердо решив не выпускать этих двоих из помещения, пока не поговорят, не выяснят меж собой все. Услышав сдвоенный протяжный стон, Пятый усмехнулся, поманил к себе девушку в сером, что скромно ждала указаний поодаль.

– Да, Ал, – склонила голову послушница Милосердия.

– Иди в обоз. Платье неси запасное госпожи Синьки. Слышу – лечение затянулось. Придется платье менять. Сложная операция.

Послушница лукаво усмехнулась, кокетливо строя глазки. Пятый хлопнул ее по упругой заднице.

– Шевелись!

Девушка умчалась, отмахивая рукой и косой. Пятый поморщился.

– Как больные, с этим своим «люблю»! Блин, столько дел, а им занемоглось! Неужели и меня так же будет ломать? Тьфу, напасть! Бабы! Ни-ко-гда! Мне и одному – зашибись!

Услышавший эти страстные проклятья, Зуб остановился, так и не зайдя за угол, не показавшись на глаза Стрелку. Идти дальше смысла не стало. И так было понятно, что там все заняты. Зуб улыбнулся. Все же оказалась права именно Жалейка – отсутствие растительности на лице Стрелка не признак недуга и не признак переодетой девушки, благо, что личиком хорош, да и стройный, а всего лишь – юный возраст. Погоди, юноша! Тебе скоро твой же организм такую неожиданность преподнесет – взвоешь! Все так думают: «да чтобы я! да никогда!» А потом бабы из нас ремни, с живых, срезают.

«Очень скоро, господин Стрелок, ваше «достоинство» заставит вас круто переоценить ваш взгляд на мир», – усмехнувшись, подумал Зуб, разворачивая свои стопы.

Ладно, что нам эти юные да ранние? Сами не сообразим, как этот город от падали очистить?

Проходя мимо своей возлюбленной, Зуб шепнул ей новость, которая неожиданно выбила слезу из глаз Жали.

– Что? – удивился он.

– Как мне их жаль! Бедные дети! Они умирать научились раньше, чем любить!

Зуб сильно задумался. Стало как-то неловко от прежних своих мыслей. Ведь Жаля права. Ребята уже очень хорошо дерутся. Очень уверенно себя чувствуют в любом бою. А если вспомнить, как Стрелок крикнул про Старика и Повелителя Мертвых, а Зуб что-то слышал про эту историю из подвигов Охотников. Но когда это было! Сколько же тогда было Стрелку лет, если он до сих пор физиологически – ребенок еще? М-да. Тут не смеяться, тут и, правда, плакать надо.

Утром Белый, в обнимку с Синеглазкой, наткнулись на спящего в дверях, на ворохе тюков, Стрелка.

– Э! Вы че! – возмутился Стрелок, глядя на счастливые лица парочки. – Вы так и собрались идти? Бегом переодеваться! Эй! А это? Я за вас это барахло тащить буду?

Стрелок пнул тук и вошел в спальню бывшего зрителя города, поморщившись – запах любовных утех еще витал в комнате.

– Бруска свали! – кричит Синеглазка.

– Ой-ой-ой! Что я там не видел! Твоих набухших грудей и мохнатой щели? Сестренка, я вообще еще маленький, можешь не стесняться. Я отвернусь.

– Браток, ну правда, – смущенно говорит Белый.

– И ты не стесняйся. И тебя видел. Тебе бы постесняться! И что она в тебе нашла? Кости одни! Вот у Корка – стать! Мускулы, как скалы! А какая скалка была у Деда – ты бы сам от стыда спрятался! Граб верно говорил тогда – ею можно Бродяг было бить!

– Тьфу на тебя, похабник! – плюнула Синька, скидывая порванное платье и роясь в тюках, и на самом деле – не особо стесняясь Пятого, как удивленно отметил Белый.

– Что? – спросила Синька, уперев руки в бока и выставив свои прелести в самом выгодном развороте. – Он мне, и правда, как брат. А я выросла среди парней, да в цирке. В дороге. Своих не стесняюсь.

– Да, ребят, что я вчера подумал, – говорит Стрелок, с трудом отводя глаза от Синьки.
«Ох, и расцвела, сестренка!» – подумал Пятый.

«Не такой уж и маленький!» – подумал Белый.

«Съел?» – злорадно подумала Синеглазка, углом зрения видя лицо Белого.

– Я, конечно, рад за вас, – продолжил Пятый, – но, там, за дверьми – ты, брат мой, командир, властитель. А она – твой холоп. И это так и должно быть. Ты должен ее не выделять из прочих. Если надо – отодрать, если надо – на смерть послать.

– Не учи отца...

– Не матерись, – поморщился Пятый. – Это у Деда было смешно. У тебя – кошунство. Берите пример с Зуба и Жали. Они – муж и жена. Но кто об этом знает? И это мешает им любить? Как по мне – помогает. Иначе начнут через Синьку тебе, Серый, руки выкручивать.

Влюбленные переглянулись:

– Устами младенца глаголет истина, – сказал Белый и поймал брошенный сапог, кивнув Пятому, благодаря.

– Ну, тогда... – Пятый повернулся к двери, – хотя... Синька, лови! Белый, надеюсь, ты подскажешь, что с этим делать.

– Шелк? – удивилась девушка, разворачивая сверток.

– Это белье. Старый заказал какой-то из своих возлюбленных, но не успел забрать. Носи. Мне кажется, должно подойти. Старого – поминая добрым словом, – Пятый хлопнул дверью.

– Милый, а это – зачем? – девушка развернула сшитые меж собой краями два треугольника из шелка.

Белый рассмеялся:

– Наследие Старого. Знатно он наследил!

* * *

Белый подошел к глубокой яме, что возникла усилиями мага земли вместо утрамбованной площади. Крестоносцы и жители города свозили и стаскивали к яме тела горожан и куски плоти порубленных Бродяг. Клирик, наглухо закутанный в сутану, проводил ритуал Очищения. Потом тела летели в яму. Плехались в воду. На площади был колодец. Вода начала собираться на дне котлована.

Белый раскрыл мешочек семян и, по одному, бросил в яму пять желудей. Можно было и сотню. Но семян осталось мало. А купить новые было негде. И не на что.

Будто прочитав его мысли, Стрелок докладывает:

– Распятого крестоносца, в сопровождении еще двоих, отправляю назад. С донесениями и письмами. Докладываю Престолу, гильдии наемников и Совету диспетчеров. Клирик накатал свою «телегу», по своей службе. Надеюсь, смежники вовремя прочухаются и подсуетятся, а не как обычно.

Белый кивнул. Эту смесь двух языков, неправильное применение привычных слов даже Белый понимал с некоторым напряжением мыслей. Остальные вовсе не улавливали смыслов. Благо так Пятый разговаривал только с Белым. С остальными – на общем языке.

– По-любому, пока туда, пока там – бестолковки будут чесать. Нам это – никак, – ответил Белый, подражая манере общения Стрелка.

– А я о чем? – кивнул Пятый.

– Сколько мирных выжило? – спросил Белый.

– Сто тридцать шесть душ. На данный момент. Не весь город обследовали. Они себя заживо похоронили в подземельях. Из них только восемь – дети. Зато мужиков – восемьдесят три головы.

– Первыми умирают всегда самые слабые, – сказал подошедший человек, почтительно поклонившись, – я – Прибыток. Был купцом в этом городе. Выбран Старшиной общины.

– Общину образовали, выбор сделали, – кивнул Белый. – Молодцы! Я – Гадкий Утеноч, командир этого отряда.

Прибыток опять поклонился, сказал:

– Бродяги и безумные священники – не самая большая беда, постигшая наши края. Войско властителя Ужа – с них все началось. Они разбили войско нашего властителя и всех его знаменосцев. Со всех знатных сняли шкуры живьем. Прочих – скормили свиньям. А потом – уничтожили каждое поселение одно за другим.

– Куда смотрел наместник императора?

– Наверное, на кишки своей дочери, на которых его вешали. А знамена Лебеда тут никогда и не бывали. Да и Соколов тут не было никогда.

– Уж всегда вовремя присылал налоги и людей, – поджал губы Белый. – Почему он обзвезд?

– Он был таким всегда. Только его безумие за границы его земель не выплескивалось. А чужим никогда не было хода в его земли. Даже купцы переваливают товары на границе.

– Почему Престол об этом ничего не знает? – воскликнул Белый.

– Сие мне неизвестно, – поклонился Прибыток.

– А князь Удав был казнен Церковью за склонность к Тьме... – вспомнил Белый, повернулся к Стрелку. – Пауки... И тут они нагадили. Только зачем?

– Для создания вечного тления и беспорядка, – вздохнул Стрелок.

– Ну, а от нас ты чего хочешь, Старшина? – спросил Белый у бывшего купца, стоящего теперь босыми ногами на земле в простой домотканой рубахе до колен.

– Узнать нашу судьбу хотелось бы, – говорит, с опаской, Прибыток.

– В вас нет Тьмы. Убивать вас не за что. И мы над вами не властны. Живите. А мы дальше пойдем, – пожал плечами Белый.

– А властитель Уж? – спросил Прибыток.

– Если мы на него наткнемся – погибнем, – сжал губы Белый, – если не наткнемся – проскочим.

– Вы не будете его убивать? – удивился Прибыток.

– Ты видишь за моей спиной полки? И я не вижу. У меня только те люди, которых ты видишь. И наша работа – доставить Матерей Милосердия. Убивать властителей нам не заказывали. Мы – наемники. Бесплатно не работаем.

– А эти? – рука Прибытка указала на оскверненный храм.

– А эти... оскорбили нас, содрав шкуру с одного из наших братьев. Это была месть. Если это все, то я вас, Старшина, не задерживаю больше, – Белый повернулся, чтобы уйти.

Вокруг – толпа народа. Горожане, сестры, крестоносцы.

– Возьмите нас с собой, властитель! – крикнула какая-то женщина.

– Я не могу вас взять! У нас не хватит припасов даже на нас самих. Я не смогу прокормить вас!

Женщины упали на колени, уткнув лицо в землю. Тут же пали ниц и остальные.

– Люди! Остановитесь! – закричал Белый. – Остановитесь! Старшина! Вы что делаете?

– Нам тут – смерть! Уж вернется и перемешает это место с грязью Пустошей!

Белый смотрит на Стрелка. Тот пожимает плечами.

– У нас нет припасов! Я не смогу прокормить вас! – в отчаянии кричит Белый, наклоняясь к Прибытку, как будто дело было в том, что бывший купец с первого раза не расслышал.

Рядом со склоненными спинами горожан встает на колени спасенный ими клирик:

– Ты спас меня, спаси и их, Белый Мститель!

Рядом с клириком опускается на колени Мать Милосердия. А за ней – все ее бело-крестовое море.

Зуб встал на одно колено, оперся на топор:

– Я поклялся защищать обездоленных... И сопровождать Матерей Милосердия. Этот выбор убивает меня. Не заставляй меня изменить Клятве. Я умру за них.

За ним встают на колени все крестоносцы.

Остались стоять только Звезды.

– Брат! – воскликнул Белый. – Ты что, ежанулся?

Стрелок тоже преклонил колени и склонил голову. За ним – артисты. Только Белый и маги остались стоять.

– Мы не преклоняем колен, – сказал Комок. – Но и мы просим за них.

– Какие вы все – шуки – добренькие! – зло говорит Белый. – Легко быть добреньким, когда за них не отвечаешь!

– Первый урок засчитан, – говорит в землю, не поднимая головы, Стрелок.

– Пошел ты! – ответил ему Белый, осмотрел склоненные спины и головы, глотнул сил и уверенности в глазах любимой.

Громко стал говорить, как учили наставники – властным голосом, или, как это называл Старик, – «командирским голосом», используя некоторые немагические умения Школы Разума по воздействию слов на людей:

– Так, гля! Раз вы тут все, копной, приняли меня как властителя над вами, то слушайте и не говорите, что не слышали! Принимаю вас под мою власть и ответственность! Со всеми вашими правами и обязанностями ко мне. За неповиновение буду карать, как изменников! Даю время до вечера – передумать. Потом – не взыщите.

Обвел людей тяжелым взглядом:

– Стрелок! Назначаешься смотрителем дозора. Под твое начало отходит этот бродячий беспорядок. Задачи поставлю отдельно. Прибыток! Утверждаю тебя смотрящим за общиной. Старшиной. И – завхозом. Снабжение, то есть пропитание, одежда, обувь, вооружение – на тебе. Спрошу с тебя. Сбитый Зуб! Ты – воевода. Берешь под себя крестоносцев и проводишь набор и обучение бою мужчин общины. Мы не сможем их защитить. Но защитить себя им самим – поможем. Мать Жалея! Ты утверждаешься смотрящей за здоровьем и излечением всех наших людей. К тебе переходит маг Жизни из балагана акробатов. Комок! Ты старший звена магов. К тебе переходит клирик. Разобраться с личным составом, составить вопросы, жалобы, предложения! Исполнять! Бегом, негры! Светило еще высоко! Я вас научу Родину любить! Плакать будете кровавым потом! Бегом! Прибыток! Что ты зависи! Где наше продовольствие и обмундирование? Бегом!

– Урок второй засчитан с отличием, – вякает Стрелок, уворачиваясь от сапога Гадкого Утенка.

И тут же – тысяча вопросов от всех. Белый уже через пять минут взвыл, достал меч и пообещал лично отрубать тупые головы за тупые вопросы. Частично – помогло. Вопросов осталась только сотня.

* * *

Утром выступить из умершего города не получилось. Людей продолжали выкапывать из их добровольных погребений заживо. Всем им нужна была помощь. Никак не удавалось собрать людей в кучу, никак не завершался процесс сбора еды и вещей. Казалось – еще часок, еще полчаса. Но проходил час за часом, а бесконечная вереница людей, проблем не иссякала.

Гадкий Утенок бродил чернее тучи. Уже не сдерживая себя, рычал на всех, считая себя виноватым в том, что все эти люди никак не соберутся. Считал себя плохим организатором, руководителем, поэтому ничего и не получалось.

– Как ты? – подбежала к нему Синеглазка, всматриваясь ему в лицо. – Приступы были? Ты прости, я совсем закружилась со всеми этими людьми!

– Все ты сделала верно, – мотнул головой Белый. – Мне – терпимо. Главное – собрать все это стадо бы скорее! Иди, Синя, отдохни, поешь.

– Спасибо, мой Ал! – Синька поклонилась, кокетливо, и убежала.

Недолго смотрел Белый ей в спину, на ее легкую фигурку. Недолго волна сладкого меда текла по его сердцу. Сразу два объекта отвлекли его внимание – с одной стороны на бывшую площадь вывалила толпа мужиков, неся в охапках копыя, щиты, гроздя шлемов и ворохи поддоспешников, битых молью и тленом, отчего клоки конских волос, которыми они были стеганы, торчали во все стороны. Во главе этой толпы шел гордый Прибыток. Белый застонал – он рассчитывал на лучшую сохранность арсенала зрителя, а не на эти убитые доспехи и ржавые железки. А с другой стороны на площадь вылетел Стрелок на своей резвой лошадке, лихим свистом привлекая внимание к себе.

– Вооруженный отряд! – кричал он. – Тревога!

С тоской Гадкий Утенок осмотрел свое воинство. Жители города выглядели так, будто их весь вчерашний день Бродяги рвали своими костлявыми пальцами.

– Поехали навстречу, – вздохнул он, надевая шлем. – Это стадо даже врагу показывать стыдно.

За его спиной выстроился клин Красной Звезды и крестоносцев. Прибыток, путаясь в полах расползающегося стеганого доспеха, побежал их догонять, неся свое копье наперевес, как оглоблю, тем намекая на свое «высокое ратное умение».

Отряд бойцов, до полусотни человек, на их глазах перетекал из походного строя в неровную шеренгу. Белый остановил своего коня и вскинул руку в латной перчатке:

– Кто вы? Зачем вы пришли с оружием на эту землю? – крикнул он.

– Кто вы? – крикнул в ответ воин в кольчуге и в чиненом-перечиненом плаще, в котором еще угадывался узор Егеря. – И зачем с оружием пришли на НАШУ землю?

– Слет? – крикнул Прибыток. – Слет, ты ли? Это я – Прибыток! Эти господа спасли нас от безумцев!

Потом Прибыток выбежал перед Гадким Утенком, развернулся перед мордой его коня, стал пылко говорить:

– Это наши, господин Гадкий Утенок! Егеря и выжившие стражи зрителя.

Потом повернулся к воинам, что грозно оцетинились оружием:

– Все жители города присягнули властителю Белому Мстителю, который обязался нас защищать.

– Прибыток, вы, похоже, все тут ополоумели, – вздохнул Слет, опуская свой меч и опуская плечи, – Готовы свои головы вручить любому...

– У вас есть раненые? – прервал Слета Белый. – У нас целый выводок Матерей Милосердия. Всем нуждающимся будет оказана помощь. От вас я не требую клятвы. Можете идти на все четыре стороны, вас никто не держит. Если нападать на нас не будете.

Белый развернул коня.

– Поехали, братья, у нас – полно дел, – сказал он своим спутникам. – Стрелок, объявляю благодарность!

Пятый кивнул в ответ, сразу пустив своего коня наметом в Пустошь.

Белый проводил его глазами, вздохнул. Пятый будет гоняться за ветром, а Белому – разгребай проблемы этих захребетников. Белохвост только для вида возмущался и отказывался от этих людей. Чтобы вынудить их всех присягнуть ему. Чтобы иметь право управлять ими,

приказывать им, иметь право, больше всего – моральное, заставить их делать то, что Белый считал нужным. Белохвост не мог отказаться от этих людей, не мог не принять их под свою защиту. Это были его люди. Все они. Даже те сумасшедшие, бывшие Светляки, души которых он отправил в Круг Перерождений. Это были люди Империи. А Белохвост – будущий император. Если ему – не повезет. А ему – не повезет. Алеф-Обманщик, Алеф-Пересмешник для Ястреба задумал что-то иное. Что-то хитро вывернутое. Потому Белый не питал иллюзий, что отцу удастся притянуть Ястреба к Престолу.

Белый Хвост скорее почувствовал, чем увидел ее. На башне. Невольно улыбнулся. Она переживает. Но тут же нахмурился. Протуберанец был прав. Если ты имеешь привязанность – ты уязвим. Не поэтому ли Старик бежал от женщин как от огня? В единении Белый увидел, что Старик испытывал чувства к ним. Но если бы не единение – ни за что бы не догадался об этом. «Мы в ответе за тех, кто нас полюбил», – сказал Старый.

Белый вздохнул. Тяжело. Тяжело! Жить двойной, тройной жизнью, скрывая от всех свои планы, мысли, эмоции, чувства. От всех. От самого себя. Это не жизнь. Это – проклятье! Жить, любить, не показывая своей любви, каждую секунду быть готовым пожертвовать самым дорогим, что у тебя есть, самым сокровенным – ради этого вот стада. Как отец потерял мать Белого, проклиная себя, ненавидя себя. Смерть мамы была уроком. Жестоким уроком Лебедю от Пауков. Белый застонал – он любил. Этим подводя Синеглазку под удары всех своих врагов.

Белый решительно тряхнул головой, выгоняя лишние мысли. Глупо переживать о том, что еще не случилось. Прав Малыш – держать зримую дистанцию с Синькой – разумная мера.

– Сбитый Зуб! – взревел Гадкий Утенок. – Как выглядит твоё воинство? Ты думаешь, что враг от смеха умрет при виде твоих ополченцев? А?

– Когда, господин? – изумился Зуб. – Мы же...

– Вчера, друг мой! Вчера! Мы уже опоздали! Бегом! Исполнять! – взревел Белый.

Ну, вот! Наорешь на кого-нибудь, прямо легче становится.

А вот и Слет со своими воинами – созрели. Идут. Безо всяких условий складывают оружие к ногам Гадкого Утенка, встают на колени и клянутся кровью. Хорошо. Полсотни настоящих воинов – не полторы сотни вчерашних ремесленников и пахарей, которые и от Бродяг отобьются едва ли. А настоящий воин не вспотев порубает в фарш этих так называемых ополченцев. Что же делать с ними? Что? Как защитить этими силами три сотни немощных, раненых, женщин, Матерей и детей?

Вариант – бросить всех на произвол судьбы – Белохвостом не рассматривался совсем.

Дело даже не в том, что он был Наследником. Он так был воспитан. Это был его Путь, его Долг – служить всем этим людям. Только – тс-с-с! Самим этим людям не говорите! Потому как – они служат Гадкому Утенку. Такой вот замкнутый круг служения. И это – правильно. Тогда – Порядок. А если кто-то размыкает эту цепь взаимного служения, размыкает замкнутый круг, наступает беспорядок. Бардак, Хаос и Смута. Безумие.

Белый опять погрузился, с рычанием, в бесконечный круговорот неотложных, но мелких дел. Надо было понять, что за люди были теперь под его началом, на что они способны, на что не способны, надо было принять сотни решений – кого куда определить, кто будет ремонтировать стеганки и оружие, как, что и куда упаковывать...

В душе Белохвоста все больше зияла пустота отчаяния. Это никогда не закончится! В злости на своих людей, на их тупость, он закатил глаза к небу, на закатное светило.

И это помогло. Белый вспомнил Старика. В очередной раз. Появилась мысль – «а как бы поступил Дед?» Белый настолько зримо увидел образ Андра, что невольно улыбнулся. И решил изобразить из себя Старика. Он нахмурился, постаравшись «нависнуть» над Прибытком, как «нависал» Андр:

– Ты че буробишь, дятел? – зарычал Белый. – Ты с этим пустяком ко мне приперся? А на плечах у тебя – что? А зачем она тебе, если ты не знаешь, как и кто будет штопать эту рвань? А?

Тогда зачем мне ты? Если я буду решать, кто из твоих баб будет шить, а кто – смотреть на шитье и трещину свою почесывать? Бегом, сукин сын! Еще раз с дерьмом ко мне сунешься – укорочу на голову, если все одно ею пользоваться не умеешь! Зуб! Тебя это тоже касается! Ко мне лезете только с теми делами, которые сами решить не смогли. Я понятно объяснил? Или вам в печень постучать, чтобы дошло? Пшли все нах! Выступаем на рассвете! Завтра – на рассвете! Кто не успеет, тот – опоздает! Я уйду. Делайте потом что хотите! Вы меня слышали? Или я тихо сказал? Бегом, чурки дубовые! Заикали! Мозги мне запутали хуже Разумника! Лебяди! Порублю, как Бродяг! Я вас для чего поставил смотрящими? Чтобы самому все непонятки разгребать? Исполнить! Доложить! Свалить! Бегом!

И хотя вокруг никого уже не было – все разбежались от его гнева, Белохвост продолжал буяннить, махать мечом и орать. Потому как знал, что если ты никого не видишь, то это вовсе не значит, что и тебя никто не видит.

«Старый! Так вот почему ты орал все время! Ха-ха! И вот почему Алеф всегда лишь посмеивался, нисколько не опасаясь твоего гнева. Как ты это называл? «Режим дурака»? Нет, это – другое. Ладно, пусть будет «Режим Старика». Да, так и будет. Надо время от времени изображать из себя гневного Андра, иначе они совсем меня утопят в рутине!»

Белый увидел нерешительно стоящую поодаль Синеглазку. Она пришла, зная, что должен начаться приступ фантомных болей Смерти.

– Что? – резко спросил он ее.

– Как вы себя чувствуете, властитель? – скромно спросила она, потрясенная увиденным буйством Белого.

– Тебе заняться больше нечем? Силу потратить некуда? На рассвете выходим из этого проклятого города! Кто не сможет идти – тут останется. Бросим, как мусор! Поняла? Или еще раз повторить, для особо тупых?

Синеглазка сначала смотрела на него непонимающе, удивленно. Но потом глаза ее пыхнули нескрываемым гневом, она резко развернулась, фыркнула, пошла нервной походкой, подпрыгивая через шаг от сжигающей ее злости и обиды.

Корень увидел все это, подождал, пока сестра уйдет, пошел к Гадкому Утенку с видом решительным и гневным.

– Как ты смеешь? – прорычал акробат, совсем сблизившись. – Что, поигра...

Белый вознес над головой меч, который не выпускал из рук в «буйстве».

Удар меча перехватил изумрудной сталью своей сабли Стрелок.

– Господин! – крикнул в лицо Белому Пятый.

– Убью! – зарычал Белый.

Пятый пихнул Белого, смело повернулся к нему спиной, заслоняя своим телом сжавшегося Корня.

– Как смеешь ты что-то предъявить? Попутал? Знай свое место, червь! Пшел! Чтоб ноги твоей! Пока не вызову!

И пнул мускулистого акробата. Корень убежал.

Стрелок повернулся к Белому, что терпел, но боль все одно кривила его лицо. Пятый понял, что как только Серый начинает волноваться – его накрывает. Да и Синька неспроста пришла. Еще и очередной приступ наложился. М-да, Серому досталось.

– Как ты? – тихо спросил он.

– Заикали, суки! – прохрипел Белый.

– Режим Старика? Я вижу – помогло... – Смеялись только уголки глаз Стрелка.

– Бруска, браток, объясни ей! Прошу! – хрипит Серый, не размыкая губ, со стиснутыми зубами.

– Не вопрос, Серый, не вопрос, – кивнул Стрелок, бросая саблю в ножны.

* * *

Как только обгорелые башни брошенного, разоренного города скрылись из виду, Белохвост послал мальчишку-вестового собрать смотрящих на Совет.

И вот они собрались. Их инструктирует Стрелок чуть поодаль. Белый делает вид, что не слышит его напутствий:

– Говорить кратко и по делу. Молчать, пока не спросят. Говорить строго, по одному. Прежде чем обозначить свое затруднение и поставить вопрос перед властителем, иметь как минимум три пути решения этой трудности. Свое несогласие выражать твердо, но – обоснованно. Если не смогли обосновать – молчать, пока не придумаете, как разложить все грамотно и умно. К властителю обращаться строго «командир». Мы в боевом выходе. Я понятно объяснил? Тогда – пошли.

Синьки с ними не было. Она – не глава направления. Она – просто лекарь. От лекарей представлена Мать Жалея. Пятый все объяснил Синеглазке, но она «обижалась». Потому Белый ночевал один. Вечером он был удостоен ее посещения. Синеглазка, за закрытыми дверями, лечила командира, потом целовала. Страстно, зло, но – быстро. Скакала на командире, зажав ему рот рукой и закусив собственный кулак. И ушла сразу же после этого, полностью истощенная. Именно так все это увидели, проводив ее сочувственными взглядами. Этот зверь наорал на бедную девушку, а она всю себя ему отдала, довела себя до магического истощения. Изверг! И только ограниченный круг лиц знал, насколько на самом деле истощена маг Жизни. И магически, и физически, и... сексуально. Кто ж знал, что такая любовь, украдкой, как краденая, – такая жгучая, опустошающая?! И скорая. Синька забилась от сладких волн удовольствия буквально сразу же. И тут же – еще раз, когда Белый излился в нее. Уложились в сотню ударов сердца.

Гадкий Утенок решительно тряхнул головой, изгоняя эти мысли из головы, почувствовав, что один из его вассалов поднимает восстание.

Совет собрался. Гадкий Утенок стал слушать доклады зрителей по «морскому принципу», как называл это Андр. Хотя Белый не понимал, при чем тут море? Дом Лебеда был силен своими морскими традициями, но Белый никогда не слышал о таком обычае. Зрители докладывали о состоянии дел на своих «направлениях», как это называл Старый. Немного путались. Белый чувствовал, что допускают неточности, но решил не поправлять – привыкнут, освоятся.

Предпоследним докладывал Зуб, последним – Пятый. Хотя по «морскому принципу» – с него и надо было начинать. С него Старый всегда и начинал. Но для Белого сейчас, в этом походе, главное – разведка. Потому Стрелок – на второй ступени от Белого. Потому – старше всех остальных.

– Понятно, – кивнул командир, – тогда так! Старшина Прибыток. Меня не устроил твой доклад. Ты купец – или где? Ты наш Старшина! Мне нужен точный расклад по всему нашему хозяйству! Каждое зернышко должно быть учтено! И еще. У меня никто не будет жрать на халяву. Чтобы полопать – надо будет потопать. Чтобы съесть часть моих запасов, запасов нашего отряда – надо сделать что-то полезное мне, отряду. Дармоедов не будет. Потому устанавливаю норму. И мне нужен точный расклад, сколько у нас чего, на сколько этого хватит, сколько у нас едоков, а сколько – рук? Я уже вижу твой вопрос, Прибыток. Вот и придумай, чем должны быть заняты люди. Вон мальчишка. Он – посыльный. Бегаёт с поручениями. И это – благо для всех. Если будет усердно к этому относиться – заслужит норму. Те, кто с оружием в руках – переходит к Зубу. У них – полторы нормы. Кто был в бою – две нормы. Егеря – сразу двойная норма. Раненым – половинная норма. Вам, зрители, как и мне, – двойная норма. Дай мне расклад, Прибыток! Иди!

Прибыток поклонился, развернул коня.

– Сбитый Зуб. Тебе надо установить дозоры. Люди Стрелка будут вне поля нашего зрения. Ты должен привести этот сброд к единому знаменателю. Исполни!

– Сделаю, командир. Вопрос можно? – склонил голову Зуб.

– Идем на восток, – отмахнулся Белый.

Зуб открыл рот, но отмашка Гадкого Утенка заткнула его. Зуб тоже развернул коня.

– Мать Жалея, – продолжил командир, – вы не должны плясать вокруг всех, как клуша над цыплятами. Вы должны научить людей не сбивать ног, не пить сырую воду, мыть руки, ну и так далее, чтобы от поноса у меня народ не попадал. Разве Игрек вас не научил?

Мать Жалея широко распахнула глаза и рот.

– Да-да, – кивнул командир, – я Игрека лично знал. И жизнью ему обязан. Потому и ношу крест. Нет, он... погиб. Мать Жалея, я вас больше не задерживаю. Прошу только работать с женщинами осторожно. Мне тут только и не хватало бабьих бунтов и их разгневанных мужчин.

Мать Жалея осадил коня. Верхом себя она чувствовала не очень уверенно.

– Серый, а я? – спросил Пятый после нескольких минут молчания.

– Малыш, тебе нужны мои приказы? – удивился Белый.

– А как же? Что я – хуже прочих? – усмехнулся Пятый, раскатывая карту.

– Ну, давай тогда думать, не худший из прочих, – вздохнул Белый, – разделение твоих людей одобряю. Хотя у меня сомнения по разделу дозора на ближний и дальний. Но пусть будет. А там – посмотрим. И готовь ближний дозор к работе в отрыве. Сам видишь – впереди сплошное белое пятно.

На карте все княжество Удава, как и остальные змеиные гербы, – сплошное серое пятно, лишь змея клубком нарисована. И в этом не было ничего необычного. Не каждый князь прислал своих землемеров в Имперскую палату мер. С Потопа так и повелось. Змеи не выступали против Престола, но жили очень обособленно. Можно было даже сказать – нелюдимо.

Но это не было чем-то тревожным. Связанность ленов знаменосцев императора была скорее умозрительной. Каждый лен отделялся от другого огромным пространством Пустошей. Дороги по несколько месяцев в году были совсем непроходимые. Жизнь концентрировалась к Домам Владык. От города Властителя шли дороги. Поселения возникали вдоль этих дорог. И на карте поселения людей и дороги, на которых они встали, выглядели, как сгустки паутины, накрывающей Дом, меж которыми – огромные пустые просторы Пустошей. И нередко были случаи, когда после сезона ливней купцы находили целые города мертвыми. И полными Бродяг. Потому изолированность Змей, их нелюдность и необщительность не выглядели чем-то тревожным. Каждый выживал как мог. Налоги, новобранцев в Имперское войско, церковную десятину Змеи поставляли всегда вовремя и сполна. Может быть, лояльность Престолу была одна из причин, почему Мышь не выслал сюда своих соглядатаев.

А может, и выслал. Белый не знал всех дел Мыша. Он даже императору не все и не всегда докладывал. А Белый вообще довольствовался только услышанным случайно. Но подобных «странных» Домов было много, а «мышек» – мало.

Даже если сейчас налоги не поступают, а «мышки» – пропали, это может выглядеть и как неповиновением Змей, так и простым беспорядком на дорогах. Вызовет, конечно, беспокойство казначея, но не более бунта прочих князей. Вызовет беспокойство Мыша, он вышлет еще «мышек»... Но сколько времени пройдет?¹

И желание понять, что творится в этом змеином клубке, было одной из причин, почему они сейчас идут на восток, а не на юг. Вторая причина – двигаться с повозками вне дорог, по Пустоши, было очень трудно. А можно было вообще упереться в непроходимое препятствие.

¹ Белый еще не знает, что Мышь и Рулевой погибли. – Прим. авт.

А дорога шла – на восток. На юг она повернет только в городе властителя Ужа. Это вторая причина.

Или надо было возвращаться на северо-запад. На неделю пути. В принципе – вариант. Как запасной. Вывести людей из охваченных бунтом и безумием земель. Но Матерей же все одно надо проводить через логово Змей. Надо. И их повозки, для которых любой овраг, любая промоина, любая река непроходимы.

Поэтому дозоры были разделены на ближний дозор и дальний, из Егерей. Егеря больше искали Путь, чем опасности для колонны. Обходной путь. И шли по Пустошам. Парами. Как бы это ни было опасно. Каждый дозор был снабжен амулетом совместной работы тройки магов Красной Звезды. Маг земли из кости делал заготовку, маг разума накладывал заклинание, маг воздуха зачаровывал Силой своей стихии. Если костяную палочку сломать, то короткий Зов по воздуху долетит до мага разума. И командир с отрядом бойцов поспешат на помощь попавшему в беду дозору.

– Что ждет нас в этих змеиных землях? – спросил Белый.

Пятый пожал плечами:

– Все, что угодно. Княжество Змей – совсем белое пятно. И не только для меня. Даже у «мышек» и хранителей Престола, которых уже нет. Потому – надеемся на лучшее, а готовимся к худшему.

– Поэтому ты сам прибыл. И подгрёб все, что смог. Всех своих свободных «птах».

– И поэтому – тоже. Ты знаешь, у меня – чутье. Все говорят – из-за скверны. Что я жил в ней. Но Старый не жил в скверне, а чуйка у него была – будь здоров! Вот чутье мне и говорит, да и общение со Стариком и всеми этими совпадениями вокруг него тоже говорит, что очень неспроста Некромант тебя выпустил не около своего Некрополиса, а именно тут, севернее земель Змей. И при этом – ничего он не сказал, никак не предупредил. Ни о чем. Может быть, это – его загадочность. А если Великий Архимаг сам ничего не знал, что там творится? А? И это очень меня тревожит. А если там творится что-то настолько ненормальное, что нам и говорить нельзя? Иначе твой отец все планы Некроманта сам же и поломаёт. Ну не могу я тебя отпустить одного! Старый мне не простит.

От таких размышлений Пятого любой человек содрогнулся бы и развернул коня на запад или север. Но не Белый Хвост. Не пристало Белому Хвосту – Наследнику императора, властителю Дома Лебеда, Серой Тени, Гадкому Утенку, командиру Красной Звезды, убитому демонами-змеелюдами, оживленному Некромантом, – бежать от неведомой опасности. Да, опасаться – стоило. И бояться – стоило. Но идти навстречу угрозе. Только так и можно было ее избежать. Бегущий от опасности умирает от удара сзади, пониже поясницы, лишаящего разом и жизни, и... чести.

Поэтому Белый Хвост лишь кивнул с благодарностью Пятому, в ответ на его слова. Пятый кивнул тоже, но насмешливо, усмехнувшись:

– Будем поглядеть?

– Угум, – буркнул Белый, уже думающий о чем-то другом.

Наверное, проигрывает в уме будущий «бунт стада», решил Пятый и оставил командира почти одного, лишь в сопровождении тройки магов и пятерки крестоносцев, которым Зуб поручил охрану Наследника.

* * *

Шли весь день. К закату стали обустраивать лагерь. При этом весь лагерь жужжал, как рассерженный улей.

Недоумение людей, что командир их повел как раз в земли врага, а не в обратную сторону, к спасению, было умело подогрето Стрелком и его людьми. Тут – брошенная фразочка,

там – оговорочка, вовремя поданный жест или многозначное молчание на прямой вопрос. Люди могли очень долго «вариться», а «чирей» должен был созреть очень быстро и удален – вовремя. Так считал Пятый, торопя события из-за своей молодости и присущей ей нетерпеливости.

А забытое право пайков? Уже несколько поколений людей не знает, что такое распределение продовольствия по норме и в зависимости от личного участия каждого. Да когда такое было? Так после Потопа и время было такое! Но сейчас же – не те дремучие времена! И это требование, чтобы даже женщины и дети приносили благо. Причем половые отношения не считаются. Своих подруг должен кормить тот, кто ее и «покрывает». Что за дичь?!

Почему всех поголовно заставили стать воинами? Властитель принял их под свою защиту – вот пусть и защищает! У него, с Егерями, воинов столько же, сколько горожан!

И вот, на закате, народ и пришел к командиру со справедливым вопросом – «доколе?». «Куда идем, за каким горьким хреном, и ты, юный Ал, часом умом не тронулся?»

Но вместо того, чтобы успокоить народ, наплести им паутины сладкой лжи, закрыть им глазки пеленой полуправды, окружить их маревом полутонов, Гадкий Утенок стал задавать совсем странные вопросы:

– Уважаемые, бедные и несчастные! – усмехнулся командир, сев на камень, поправляя свой длинный меч в наспинных ножнах, который уперся в землю. – Разве я вас заставлял вручать свои жизни в мое владение? А? Заставлял? Вы сами, на коленях, просили меня принять вас. Вручили свои жизни в мои руки. И теперь я – в своем праве! Ваши жизни – мои!

– Мы – не твои рабы! – закричал кто-то из толпы.

– Разве? – удивился Гадкий Утенок. – А я считаю – мои. Вы сами отдали себя мне. И куда идти, что делать и где умирать, решаю я. И если я скажу тебе, смело вякающий из-за женских спин, встать вон за тем камнем и умереть, то ты там встанешь и – умрешь!

– Не будет такого! – кричит тот же голос.

– Это кто такой смелый вякать? – кричит Стрелок. – А слабб нам лицо свое показать?

– Нет, не слабб! – мужик, бывший кожевник, проталкивается вперед, говоря на ходу. – Мы – не рабы твои. Мы просили твоей защиты, а не рабских пут. Почему мы идем в земли Змей? Ты обещал нас вывести, обещал защитить!

Кожевник встал перед сидящим командиром, скрестив руки на груди. Его кожаный фартук был надет прямо поверх стеганой куртки. Вместо шлема у него была толстая стеганая шапочка, подпоясан он был веревкой, обернутой вокруг тела много раз. За пояс у него была заткнута дубина и кухонный нож, ножами которому была грязная тряпка.

– Почему ты ведешь нас к Змеям? – опять спросил кожевник.

– Я вижу, у вас возникло непонимание, – вздохнул командир. – Что ж, попробую обозначить ваше положение еще раз. Я вам сказал, что я в вашем городе проездом. Так? Так. Я вам говорил, что мы – наемники и нас наняли для выполнения договора. Говорил? Вот! Я отказался вас принимать под свое право? Отказался. Вы настояли. А с чего вы решили, что я откажусь от своих целей ради вас? А?

Гадкий Утенок встал, нависнув над кожевником. После излечения Некромантом ноги и руки Белого стали еще длиннее. Хотя, может, это и последний его, юношеский, но естественный рост. Все же кровь его предков – не самая худшая в Мире.

– Может быть, это и к лучшему, что именно сейчас состоялся этот разговор. Надо ваше непонимание развеять именно сейчас, пока не поздно. Но, напоминаю сразу – все вы поклялись. Итак! Первое – вы мои! Вы будете делать то, что я скажу. Со всем усердием, на которое способны. И даже с таким усердием, на какое – не способны. Второе! Ваши жизни – мои. И если я прикажу тебе, мастер, встать в строй щитов и стоять, пока не падешь замертво – ты должен стоять и умирать, но не оступиться ни на шаг, ослушавшись моего приказа. Понял?

– Да это понятно, – кивнул кожевник, опуская руки. – Почему мы идем к Змеям?

– Вы – мои. Но с чего вы решили, что я из-за вас изменю свои планы? А? И если меня наняли убить Ужа, то вы пойдете за мной и будете умирать вместе со мной!

– Ты обещал спасти нас! – закричал кожевник, отступая на шаг.

– Разве? Нет. Я – человек чести, хозяин своего слова. Я принял вас. Но не обещал вас спасти.

– Ты не человек чести! – закричал кожевник, отступая еще на шаг.

Вжикнула сабля Стрелка, вылетая из ножен, но командир остановил его жестом, осмотрел толпу людей, начал громко говорить:

– Я иду в земли Змей. Зачем – вам знать не нужно. Вы все клялись мне. Но обманули сами себя. Потому я, наверное, пойду на отступление от собственных правил. Я вам дам сейчас час на раздумье. Даже нет. Один старик говорил, что утро вечера мудрее. До утра вам срок. Кто останется мне верен, пойдут со мной. Остальных – прошу уйти с глаз моих и больше мне не попадаться! Я все сказал. Даю вам последний шанс. Ваш выбор. Честь или...

Гадкий Утенок махнул рукой и пошел прочь от толпы людей.

Через полчаса Синеглазка нашла его.

– Все мои – с тобой, – сказала она, прижавшись.

– Не для твоих это представление игралось, – прошептал Белый.

– Так это... Ах, вы!.. – пискнула Синька.

– Моим учителем был Алеф Пересмешник, Алеф Обманщик, Алеф – маг с тысячей теней.

– Я тоже знаю Алефа. Он муж моей наставницы. Он был хороший. Только никогда не улыбался. И я знаю почему.

Они пошли по Пустоши, обнявшись. Бесшумно вздохнув, Пятый поднялся с земли, поднял самострел и пошел следом, мысленно матеря этих двоих. Они тут прогулки устроили! Лебяди! А за их шкуры кто отвечать будет? Опять Пятка? Или – ну их? Пятый содрогнулся. Ему вспомнился Старик. Старик не простит, когда вернется.

Все же Пятый не верил, что Старый не выкрутился. Не хотел верить. И эта несбыточная надежда придавала ему сил и решимости. Пятому было легче, что как бы он не сам себя заставляет делать то, чего не хочется. А как будто за спиной стоит тень великана, что готов в любой момент дать по шее, обматерить на своем смешном языке, но всегда прикроет, научит, спасет. Как жить без него? Как?

Утром командир не поднимал вопроса непокорных, даже не удостоил их взглядом. Всего решили спастись своим умом семнадцать человек. Из них – три женщины. И один егерь.

Прибыток долго ругался с решившими уйти, пытаясь отобрать у них выданное им оружие. Гадкий Утенок не вмешался в этот спор. Для него эти люди – просто перестали существовать. Он просто выехал во главе каравана в сопровождении магов и охраны. Стрелок ускакал в Пустошь. Дозоры и егеря разбежались.

Люди спешно выстраивали повозки в вереницу, уходили, старательно пряча глаза, чтобы не сталкиваться взглядами с теми, кто решил остаться и идти на запад.

Ночью обсуждения не было. Если днем разговоров было много и довольно жарких, то ночью стража жестко пресекала любой шум, любое движение. Каждый думал сам. Каждый должен был самостоятельно принять решение.

Хотя некоторым решение принимать не приходилось. Матери Милосердия, крестоносцы, артисты были безмятежны. Их выбор был сделан уже давно. Вчерашняя смута их лишь забавляла. Хотя предстоящий путь через земли Змей и их тоже тревожил.

Но день прошел относительно спокойно. Егеря и дозор отгоняли Тварей Пустоши, покрывали двух одиноких Бродяг.

Заночевать решили в ложбине подковообразного холма, прикрывшись его склонами от ветра.

И решили провести небольшое учение для ополченцев, да и для остальных – тоже.

Судя по рассказу выживших, Уж имеет много всадников. Пеших воинов защитники города даже не видели. Конница Ужа без поддержки полков щитоносцев взяла этот город. Неожиданно появились перед укреплениями, обстреляли их, спешили и лезли на кручи оборонительных валов. С собой же они привезли и лестницы, вскарабкавшись по которым наверх, сбрасывал вниз веревки. И сражались Змеи – остервенело, бесстрашно. Даже будучи ранеными – продолжали бой.

Зуб выстраивает стену щитов. Стрелок начинает менять хват копий, уплотнять строй. Ставить первый ряд на колено. Как бы ни уважали Стрелка, но бывалые вояки считали его слишком юным, потому стали в открытую пренебрегать приказами юноши, не скрываясь – отмахивались от него, посмеиваясь. Белый решил вмешаться.

– Теперь, когда все «левые» ушли, я вам расскажу, как мы познакомились со Стрелком и откуда появились крестоносцы, – Белый остановил своего коня перед строем, кивнув подбежавшим Зубу и Пятому.

Строй весь обратился в уши – этого не знали не только крестоносцы, но даже маги Красной Звезды, что тут же поспешили придвинуться поближе. И даже Мать Жалея, стоящая поодаль для помощи вдруг поломавшимся, что бывает даже в дружеской потасовке, и нередко, подобрав подол, подошла ближе, встав за спиной Зуба.

– Кто из вас слышал, кто такие Бессмертные? – спросил Белый.

– Я слышал, – кивнул Зуб.

– Ну, тогда расскажи всем, что это за воины и как они сражаются, – велел Белый.

– Бессмертным называли конный полк, состоящий целиком из знати... – начал Зуб.

– Ну, не совсем так. Простолудин, заслуживший право служить Бессмертным получает титул, ну, а так – верно, – добавил Белый. – Так почему они Бессмертные?

Зуб кивнул:

– Этого я не знал. Думал, только урожденные Достойного Дома могут служить в этом полку. А Бессмертные они потому, что с ног до головы закованы в кольчугу и в стальной доспех. Шлемы у всех с личинами. Копья – два человеческих роста. И все – верховые. И кони у них не такие, как у купца в повозке, а как у командира, – боевые. Это – ударная конница. Никто не смог отразить их удара. Поэтому они – Бессмертные.

– И все же нашлись те, кто смог устоять против них, да, Стрелок? Я вам расскажу про тот бой, когда впервые зубы Бессмертных были выбиты, а их глава убит, – сказал Белый.

– Ими командовал Наследник, – крикнула Жалея. – Я была там, но не видела. Мы убежали, от страха. Все боялись Бессмертных.

– Даже так? Слышишь, Стрелок, Мир, оказывается, тесен. Тогда проследишь, Матерь Милосердия, чтобы я чего не напутал. Разбил Бессмертных такой человек, что называл себя Игреком.

– Святой Игрек основал наш орден! – воскликнула Жалея. – Я имела честь лично с ним говорить и помогать ему в излечении больных. Он наказал нам носить белые одежды и красные кресты, а выздоравливающим – черные одежды и белые кресты.

Стало так тихо, что было слышно, как скрипят камни под стопами людей и трещат дрова в кострах. Легенды оживали сейчас перед глазами людей. Многие слышали эти сказки, но никто и подумать не мог, что среди них могли быть те, кто лично участвовал в этих «сказках». Даже Зуб с удивлением смотрел на собственную жену.

– Верно, – кивнул Белый, – Бессмертные вышли в тыл ставки воеводы, которому служил Игрек. Между ставкой и Бессмертными был только Игрек и его полевой Оплот Милосердия.

– Лазарет. Он его называл лазарет, – добавила Жалея.

– У старика Игрека была только сотня недолеченных бойцов с крестами и сотня стрелков. Он выстроил своих крестоносцев, как вас учил Стрелок. Зря вы не верите ему. Малыш, где ты был в том строю?

– Первая шеренга. На колене. Игрек стоял за моей спиной, через человека, третьим. Он был очень длинным, через наши головы рубил.

Сотни пар глаз разом скрестились на юноше. Стрелок усмехнулся, поклонился.

– Сколько же лет было... – ахнула Жалея, закрывая рот ладонью, – Арамис? Только он был такой... Ты – внук Игрека?

Стрелок манерно поклонился. А Жалея повернулась к командиру, в ее огромных глазах – ужас, она открыла рот для вопроса, но улыбка Гадкого Утенка остановила этот несвоевременный вопрос.

– Три шеренги. Всего три шеренги раненых – вчерашних пахарей, побирушек и базарных грузчиков – перемололи Бессмертных. Впервые Бессмертные не смогли пробить строй врага, не смогли обратить их в бегство.

Строй качнулся. Народ зашуршал шепотками.

– И как видите, некоторые даже выжили. Стрелок был в первом ряду. Стоящий за его спиной Портос тоже выжил. Как и Игрек.

– Он выжил? – теперь Жалея закрывала рот двумя ладонями.

– Потом он себя называл Прашуром.

Шелест голосов, усмешка магов.

– Основатель Красной Звезды, – кивнул Белый. – И – Старик. Тот самый, убивающий змедемонов.

Гомон, как прибой моря. Народ удивленно смотрит друг на друга. А для чего последние дни артистами Пятого всем еще раз были пересказаны все эти «сказки»? Крестоносцы и Матери – помотались по Миру, а вот ополченцы могли и не слышать ничего такого в своей глуши, круглые сутки трудясь.

– Командир, – поднял руку Зуб, перекрикивая гомон, привлекая к себе внимание, – ты сказал, что там и познакомился со Стрелком. А с Игреком?

– И с ним. Он меня и спас. Я был в самом центре строя Бессмертных, недалеко от стяга. Копья крестоносцев мне пробили шлем, щит, ранили в лицо, в бок, убили коня. Я бы кровью истек, если бы Игрек не вылечил меня своим Даром Триединого. Потому я и ношу белый крест. Потому и служу Красной Звезде. Я должен Старому. Ну, кто еще не верит Стрелку? Внуку самого Старика-Игрека? Ну, есть такие? Выходи! Лично буду вбивать в бестолковые головы, что бестолочей в Красную Звезду просто не берут! Зуб! Командуй! Как построишь, покатай этих неверующих в учебную атаку на частокол копейный. Пусть штаны всю ночь стирают.

Ответом – дружный смех. Зуб орет, строя людей по росту.

А командир бежит во тьму Пустоши. Этот разговор растеребил его душевные раны. Так Брус Чан и объяснил Синьке, перехватив ее на выходе из лагеря:

– Ему лучше побыть одному.

– Там опасно! – вырывается девушка.

– Тебе – да. Ему – нет. Ни мне, ни ему уже совсем нечего бояться. А вот за тебя он боится. Не заставляй его злиться. На тебя, на меня, что не уберег тебя. Я не люблю, когда он злой. Его очень нехорошо трясет от этого.

Жалея и Зуб тоже искали командира. Но он и от них сумел спрятаться.

А утром на них вышел кожевник. Пал перед Гадким Утенком ниц, просил принять обратно. Неожиданно для Белого, за ремесленника попросили множество народа. Образовалось столпотворение. Все ждали решения командира.

– Где остальные?

– Не знаю. Егерь сразу ушел. Мы весь день шли вместе. А ночью я переменял свое решение. Я был не прав. Только там я понял, что обесчестил себя, послушав гнилых слов егеря.

Гадкий Утенок и Стрелок переглянулись. Потом командир обратился к бывшему ремесленнику:

– От меня ты чего хочешь?

– Прими меня, мой господин. Рабом твоим буду, – склонился вновь кожевник.

– Не будет этого. Ты отказался от моего права. Ты – свободен. Да и рабов у нас не было, нет и не будет. Уходи!

– Тогда убей! Убей меня! Мне там все одно – смерть. Они все погибли. Я видел. Я спрятался, когда их убивали эти Змеи.

После этих слов глаза Стрелка сузились до щелок, будто он целился из своего самострела.

– Ты еще и лжец. Уйди с глаз моих! – вскипел командир.

– Прости его! – крикнул женский голос.

И тут же многоголосый вой стал просить Гадкого Утенка за этого запутавшегося бедолагу. Ведь каждый может ошибиться?!

– И ты, Жалея? – удивился командир.

– Святой Игрек призывал к милосердию, – говорит Мать Милосердия.

– Встань, бывший мастер, – велел командир.

Кожевник поднялся. Открыл рот, но взгляд жестоких глаз Белого заморозил слова кожевника прямо в глотке.

– Кто еще так считает? Кто считает, что нам надо принять этого... его обратно? Сюда встаньте – по правую руку. Кто считает, что ему не место среди нас, – налево.

Произошел раскол. Людей, даже – семей. Зуб – налево, Жалея – направо. Синька, ее брат, все циркачи и Стрелок – тоже налево. Крестоносцы и егеря – к ним. Они знают, что такое честь. Предал, пожалел – иди, вскройся.

Белый подождал, пока народ определится, подошел к кучке жалостливых. И в лицо Матери Милосердия стал говорить:

– Игрек вас учил, но вы, глупые бабы, все перепутали. Он вас учил, что не надо спариваться с кем попало, чтобы не нахвататься болезней постыдных, вы приняли обет целомудрия, отказавшись от главной своей цели – продолжения Жизни. Он учил милосердию? Меня Старик учил справедливости! Они бросили вас! Им было едино – выживете вы или нет! Он вас и в бою предаст. Я его поставлю в строй, а он посчитает, что он лучше знает, где ему сражаться. Он сбежит, а другие будут убиты в открытую спину! Молчать, осел! Ты достаточно наговорил! Ты достаточно предал! Нас, тех, с кем пошел спасаться! Твои слова, твоя судьба – мне не интересна! Сейчас я говорю для тебя, будущая настоятельница Оплота Милосердия! Один из них – сбежал прямо к Змеям! Жизни почти двух десятков разумных – цена твоему милосердию!

На Мать Жалею было больно смотреть. Такую важную и степенную матрону отчитывали, как нашкодившую девчонку. Да и она так и выглядела – жалко.

– Теперь Змеи знают, сколько нас, куда мы идем, зачем мы идем. Они нас будут ждать. Все наши жизни – цена милосердия. Этому учил тебя Игрек? Игрек, не совершивший ни одной ошибки! Наказавший всех своих, всех наших врагов! Врагов, о которых мы даже не знаем! Этому он тебя научил, женщина? Или это ты – плохая ученица? Старик и меня научил милосердию!

Одним слитным движением командир выхватил свой меч и разрубил кожевника надвое. Резко взмахнул мечом, стряса с него кровь.

– Вот – милосердие. Он отмучился. Он не станет Бродягой. Такому милосердию научил меня Старый! С сего момента ко всем, кто решит, что он лучше меня знает, как правильно, кто усомнится в моем праве, я буду проявлять такое же милосердие! Я все сказал! Я прощаю лишь однажды. Его я уже один раз простил. И вас, всех, прощаю. Первый, но и в последний раз!

Вся группа, пожалевшая кожевника, сжалась. Гадкий Утенок повернулся к другой группе, встретил удивленные глаза любимой, одобряющие глаза Пятого, взгляд Сбитого Зуба, сразу спрятавшего глаза.

– Зуб! Мы уже опоздали! Мы уже мертвы! Строй это стадо! Вперед!

* * *

Пятый направил своего коня в Пустошь. Это горожан Пустошь пугает. А для Пятого она – пустое пространство. Ему, свободно гуляющему по Гиблому Лесу, привыкшему к его насыщенности, пусть скверной, но – жизни, Пустошь была пустой и безграничной. Предсказуемой и неопасной, потому немного опьяняющей своей безграничностью, ощущением свободы, безбрежности и безмятежности.

Людей Пятый боялся много больше, чем скверны и ее порождений. Особенно – некоторых, которые, казалось, насквозь знакомы, а потом оказывается, что ты их совсем не знаешь.

Пятый думал о Белохвосте. И лишь часть его сознания воспринимала окружающее. Пустошь была так безмятежна, что ее унылое однообразие и спокойствие помогало юноше думать.

Задумка с «бунтом» вышла боком. Стала совсем не тем, чем ее задумал Пятый. Да, было подозрение, что у них в отряде завелся «сверчок». И прибился он – от «ополченцев». Больно уж легко Змеи завоевали тут все. Без скользких полозов тут не могло обойтись. Именно для него, для «дятла-стукача», был показательно раскрыт «план пути», организован «исход» недовольных. Но все ушедшие погибли. Стали думать на егеря... Пока не нашли и его тело, в окружении костей нежити.

Получается, напрасно они «взбаламутили» людей. Два десятка напрасных смертей. А это – грех. А за грехи придется заплатить. Таков закон Мироздания. Старый этот закон называл «кармой». Не «кормой», как думал выросший на море Серый, не той «кормой», которой Андр называл место, на котором сидел, а – «кармой».

Пятый тяжело вздохнул. Но еще больше, нет, пока – не пугал, а сбивал с толку, именно его друг и соратник – Серый. Пятый не узнавал его. И с каждым днем все больше недоумевал. И даже, да что уж перед самим собой? Пятый даже был напуган этой казнью милосердием. Не самой казнью. К смерти Пятый привык. К этой логической подводке. К этой показательности. К холодной, бесчувственной, расчетливой жестокости. Бесчеловечной. С каждым словом, с каждым отдельным словом и фразой Серого он был согласен. Но все вместе – бросало в дрожь. Он также мог зарубить Пятого или Жалею. Тем более что он ей уже вынес «предупреждение».

Да и Синьку. Что вообще ни в какие ворота не лезет! Пятый видел, как они любят друг друга, видел, как они мучились своими чувствами, потому и столкнул их лбами, что ему было больно смотреть на них обоих, не чужих ему людей. Но в момент казни Пятый вдруг понял, что с таким же – мертвым – выражением лица Серый не задумываясь располосит и его, и Синьку. Потому что посчитает их неправыми. А их казнь будет справедливым милосердием.

Нет, Серый! Ты не прав! Старый таким не был. Он не то что не наказал Мрака за измену и соглядайство, а вообще – приблизил к себе, учил, пестовал, холил и лелеял, перековывал из недруга в соратника.

Пятый понял, что впервые за десяток лет, какие помнил, боится. Не скверны, полоса которой как раз появилась на его пути, боится своего друга. Того, во что он превращался, пройдя через Смерть и руки Некроманта. Может, Некромант что-то напортачил? Или Смерть забрала слишком многое из души хорошего, доброго идеалиста, каким был Белый Хвост? Оживший друг с отмирающей душой – вот что страшно!

А скверна? Что ее бояться? Да и скверны, которую Пятый всегда хорошо видел, было мало в этих Пустошах. Это в Гиблом Лесу скверна была сплошным туманом разной плотности, а тут – легкие, редкие полосы, как стелящийся по утрам дым от костра.

Мало кто знает, что скверна распространяется не абы как, а подчиняясь некоторым закономерностям. Пятый не знал этих закономерностей, но видел, что они есть. Как течет вода по земле, как бегут облака по небу, так и скверна течет по Миру, выливаясь из погани, а потом растекаясь согласно неведомым, но неутолимым закономерностям. И Бродяги ходят-бродят не просто так, а частенько – вдоль полос скверны.

Именно поэтому Пятый поехал вдоль самой крупной полосы скверны, ожидая встретить Бродяг, все больше забирая севернее от дороги. Полоса этой скверны пересечет дорогу каравану, поэтому надо посмотреть. Если Бродяг будет мало – можно будет развлечься. А будет много – можно будет предупредить Белого.

Но того, что Бродяг будет так много, не ожидал даже Пятый.

Он вылетел на гребень высоты и слишком поздно почувствовал опасность, слишком занятый своими мыслями, слишком успокоенный безмятежностью Пустоши. В распадке стояли сотни Бродяг, образуя рисунок завихрения, какой Пятый видел в ловушке Неупокоенных Духов, которую Старый назвал «Сад Камней». Сотни, может быть, и тысячи скелетов стояли именно таким рисунком.

Но через секунду их строй разрушился. Они увидели Живого. Пятого. Скелеты разевали челюсти с остатками неистлевшей плоти на еще угадывающихся лицах, но их характерный визг у них не получался. И они – не прыгали. И были «голыми» – без брони и оружия. Даже сильно голыми – плоть с них была срезана.

Пятый сломал Сигнал, пришпорил коня, поскакав в противоположную сторону от каравана. Ежесекундно он оглядывался, рискуя сломать себе шею, направив коня не туда.

Но Пятый продолжал удивляться «ненормальностью» Бродяг. Матерые Бродяги бы уже прыгали своими гигантскими прыжками, визжали бы, сворачивая кровь в жилах, бежали бы, обгоняя ветер. Эти же были – как свежие, «мясные» Бродяги, но без мяса. Они бежали быстрее любого человека, но прыгали совсем плохо. Визг у них так и не получался.

Но, тем не менее, Бродяги бежали быстрее, чем у Пятого скакал конь. И когда конь стал подавать признаки усталости, Пятый решил закруглять свой путь к каравану. Уводя часть Бродяг, Пятый не рассчитывал убежать от них. Он лишь хотел дать Серому больше времени на устройство боевых порядков. Пятый прекрасно знал, кому и в каком состоянии придется отбивать сотни Бродяг. И его маневр должен был разделить Бродяг, чтобы они обрушились не все разом на отряд Серого, а по частям. «Дракона надо есть кусочками».

С этой мыслью Пятый и полетел через голову коня. Юноша как раз в очередной раз обернулся посмотреть на преследователей, поэтому не видел вставший в камнях силуэт. Щелчок тетивы Пятый услышал слишком поздно, когда стрела уже вонзилась в грудь коня по самое оперение. Стремясь сохранить целостность самострела от падения с коня с такой скорости, Пятый совсем не думал о своей собственной целостности.

Молодость. Ей свойственно заблуждаться. Молодым чудится, что они бессмертны. Что неприятности и смерть – это у них, у других. Не у меня. Со мной ничего не может произойти плохого! Просто потому, что – не может, и все!

«Почему я их не почуял?» – в отчаянии подумал Пятый, когда пришел в себя после сильного удара о землю. Его руки уже были намертво стянуты за спиной, сам он был перекинут через спину коня, как мешок, глаза его были завязаны.

– Пошли вон, безмозглые! – каркающим голосом крикнул кто-то.

– Смотри, Осмин, работает амулет, – воскликнул другой голос.

– Заткнись! – каркнул первый. – Снимай с коня упряжь скорее, да валим! Нет у меня желания проверять, как долго амулет будет отпугивать эту безмозглость!

– Сколько мяса! Как жаль! – простонал второй голос.

– Берем этого сладкого мальчишку и бежим. А то мы сами станем мясом! – прокаркал первый.

Пятый услышал какой-то легкий хруст под самым носом и слишком поздно понял, что надо было не дышать. Реальность закрутилась спиралями того самого «Сада Камней» и погасла.

* * *

– Тревога! – закричал Разумник усиленным магией голосом. – Стрелок сломал Сигнал!

Гадкий Утенок вынырнул из раздумий, послав коня сразу вскачь. Он помнил, куда пылил Пятый.

– Зуб, строй это стадо! Оттуда угроза! – закричал командир.

Восемь всадников поскакали за ним.

Им навстречу уже текла сплошным потоком река свежих, освежаванных скелетов. Белый на всем скаку врубился в этот поток, сбивая Бродяг конем, раскалывая им черепа, разрубая им позвоночные столбы. Конь Гадкого Утенка почти остановился, ведя свой собственный бой с Бродягами, кроша их копытами, растапывая упавших Бродяг. Белый рубил направо и налево, впереди и сзади. Его длинный меч отлично подходил как раз для такой рубки с коня. Мелькая, как крылья птицы.

Но река Бродяг обтекла его, как вода в ручье обтекает камень, обтекла магов, кидающихся камнями, бьющих молниями, и крестоносцев, рубящихся мечами и топорами, и заскользила к каравану.

– Да сколько же вас! – взревел Гадкий Утенок.

Он уже почувствовал, как руки наливаются бесчувственным свинцом. Как бы ни был легок меч изумрудной стали, как бы ни было изменено, в детстве еще, его тело по образу Паладинов, но Белый еще не восстановился после излечения Некромантом, уставал быстро, не мог долго сражаться с такой прытью, на таких скоростях. Воздух кончился, выбросив его из состояния Упоения Боем, которое Старый называл «боевым режимом», владея им, не проходя изменений тела магией. Сердце отчаянно билось, не в силах разогнать слабость из тела. Багровая тьма в глазах подбиралась из-за углов зрения, стягиваясь к центру. Белый знал – именно в такие моменты чаще всего и гибнут в сечах Паладины. Потому как, кроме усиления, ускорения, нечувствительности к боли и ранам, Паладин, в Упоении Боем, уставая и не прервав такого своего состояния, перестает видеть, чувствовать угрозу. Особенно – удары противников с боков или сзади.

– Милый! – едва слышно прошелестел ветром призрачный голос, с едва уловимым, но узнанным голосом Синеглазки.

Как свежую, холодную кровь влили ему в жилы. Усталости как не бывало. Будто он хорошо выспался и только встал после крепкого сна. В глазах и голове прояснилось. Он ясно и четко увидел, что надо сейчас делать. Но в Упоение погружаться не спешил.

– Туда! – хотел он крикнуть, но лишь захрипел пересохшим горлом.

Но его спутники услышали. Повернули коней, прорубились на «берега» этой реки красно-белых «голых» Бродяг, вызывая этим ответвление, раздвоение реки нежити. Отчаянно рубясь, разрывая, сжигая Бродяг магией, всадники вырвались из сплошного потока скелетов, поскакали, набирая скорость, отрываясь от противника.

И тут же развернулись, выстраиваясь атакующим клином. На острие – Белый. В своей артефактной броне Стража Дракона, самостоятельно нарастившей свои объемы в бою, закрывшей большую часть тела владельца гибкой, но очень прочной броней. Белый был почти неуязвим для безоружных Бродяг. За ним – два крестоносца, броня которых больше всего подходила

под броню Бессмертных – почти полная кольчуга, усиленная стальными пластинами. Третий ряд – три крестоносца в кольчужных рубахах, шлемах, наручах и поножах, с щитами и секирами.

В тылу – маги. Маг земли бормотал заклинание, сопровождая его танцем рук и пальцев. Маг воздуха на одной руке держал готовые заклинания – Таран Воздуха, в другой – Молнии. Разумник баюкал какую-то свою разновидность тарана – Ментальный Удар, положив свой посох на плечо, как секиру.

Набрали разгон. Бродяги бежали навстречу. Маги ударили, пробив в сплошном потоке скелетов широкие просеки. Таран и Удар Разума разметали Бродяг на ошметки. Крестоносцы, вгон, добивали уцелевших Бродяг. Проскочили поток скелетов насквозь, опять разогнались. Маг земли бросил за спину заклинание. Корка Пустоши превратилась в жидкую, вязкую грязь, в которой Бродяги сразу увязли, падали, затаптываемые толпой скелетов, что тоже увязали в этой жиже. И Бродяги были настолько тупы, что даже не пытались обойти препятствие, продолжая затаптывать друг друга в получившийся чан с клейстером, утрамбовывая друг друга.

– Молодец, Комок! – крикнул Белый. – Удар!

Они опять прорубились через поток скелетов выше «по течению» реки нежити, от «чана с клейстером». В момент их удара в толпу Бродяг Комок потерял контроль над своим заклинанием. «Клейстер» мгновенно затвердел, похоронив в себе десятки Бродяг, еще десяток застряли в затвердевшей почве Пустоши разными частями конечностей.

Комок опять бросил это заклинание себе за спину. Еще одна партия Бродяг застряла, тут же погрузилась в жижу, втаптываемая следующими Бродягами.

Разворачивая коня, Гадкий Утенок осмотрелся. Поток Бродяг не ослабевал, хотя они и разорвали его на части, и довольно сильно проредили. Но конца скелетам всё еще не было видно. Белый увидел, что повозки уже выстроены коробкой, щиты бортов опущены, кони загнаны внутрь этого укрепления, строй воинов рубит первых доковылявших до них Бродяг.

Хорошо, Бродяги – не матерые, а свежие, тупые и медлительные.

– За мной! – крикнул Гадкий Утенок, разворачивая коня.

Он решил – пока удалось разорвать поток Бродяг – найти Стрелка. Белый погнал коня по тропе, вытоптанной голыми ступнями Бродяг. Спеша и понукая коня, с которого уже летела пена.

«Скорее! Скорее!» – спешил Белый, чуя, что его друг попал в нешуточную беду.

Отставшие Бродяги разворачивались на него, разевали пасти на своих остатках лиц. У некоторых даже остались белые глаза. Бродяги совсем свежие. Но мышечный каркас их тел отсутствовал полностью. Он не сгнил, отвалившись. Они не несли следов зубов или когтей Тварей. Мясо с Бродяг было удалено – острыми ножами и умелыми руками. И это было заметно по характерным следам. Бродяг разделявали, как разделяют туши скотины, срезая с туш мясо. Этих бедолаг разделали? До того как они обратились или после? Жуть!

Белый уже не рубил с плеча, экономя силу. Бил ловко и с небольшой амплитудой взмахов. Скорость движения коня придавала достаточную силу ударам. Надо было лишь направить клинок – головы Бродяг, почти сами, слетали с тел.

Взлетев на пригорок, Белый увидел кучу копошащихся скелетов, взревел от ярости, ударил взмыленного коня шпорами. Шлем, открывшийся, чтобы дать больше воздуха владельцу, захлопнулся, отсекая лишние звуки и запахи гниющих Бродяг. Белый выставил меч, как копье, проскакав вдоль кучи Бродяг, рассекая сразу несколько тел, как косой. И тут же спрыгнул с коня, разворачиваясь к врагу, закрутил мечом перед собой мельницу. Крутящийся клинок отрубал Бродягам руки, разрубал их на части.

С другой стороны ударили маги и крестоносцы. С треском и грохотом по скелетам пробежала ветвистая молния, белые разряды прыгали со скелета на скелет, а гнилая плоть от этого вспыхивала, коптя. За минуту Бродяги были перебиты. Крестоносцы развернули своих коней,

кружась вокруг места побоища. А маги и Белый стали раскидывать вонючие части Бродяг, раскапывая павшего коня Стрелка.

– Стрелка нет, – кричит Шепот.

– Тол, ты не слышишь его? – с надеждой в голосе спрашивает командир.

– Нет, – покачал головой Разумник, – но я слышу запах мыслей. Бродяги думать не умеют.

Туда!

Они ловят коней, опять скачут. Бродяг нет, шлем раскрылся, ветер ласкает разгоряченное лицо Гадкого Утенка, не в силах охладить его кипящей головы. Белый чувствовал, что они на правильном пути, но, как опытный командир, чувствовал, что время уходит. И их каравану сейчас становится очень тяжело. Они рассекли Бродяг, проредили, увели часть за собой. Но этот выигрыш во времени уже исчерпал себя. И Бродяги сейчас должны были уже наваливаться на вчерашних горожан всей своей безмозглой, но не знающей усталости, толпой.

Потому он гнал коня, не жалея животину.

– Вон они! – кричит маг разума Тол.

И Белохвост увидел двух всадников при трех конях. И преследуемые увидели их, стали стегать своих коней плетьюми. Они явно совещались, причем очень эмоционально, жестикулируя. И вот один из них, взмахнув руками, валится с коня. Второй – держит на отлете саблю Стрелка. Он объезжает коня своего спутника, перепрыгивает на него, отрубает застрявшую в стремях ногу, спихивает с заводного коня какой-то сверток, сбрасывает навьюченные переметные сумки, начинает нещадно стегать освобожденных от груза коней.

Лишь через несколько минут они доскакали до этого места. Зарубленный похититель Стрелка был еще жив, но бился в агонии, истекая кровью, хрипя.

Разумник бросился к нему, утыкая свои ладони в лицо раненого. Белый, мечом, поворошил тюки, что сбросили беглецы, упряжь Пятого, оттягивая момент, когда надо будет развернуть сверток, боясь найти в нем своего друга, – по размеру подходило. Но в полотно грубой ткани был завернут не Стрелок. Другой человек. Молодая девушка. Одна из тех, что покинула их лагерь вместе с кожевником. Выпотрошенная и обескровленная, как овца, приготовленная к разделке. Мерзость!

– Тол! – кричит, как раненый зверь, Белый, в отчаянии понимая, что друга ему уже не спасти – силуэт всадника и двух заводных коней, с перекинутым через седло еще одним свертком, с телом Пятого, уже скрылись из виду. Он – на трех конях, а конь Белого уже загнан и не выдержит гонки.

– Эти твари охотятся на людей, как на дичь. Они – людоеды! Этих Бродяг они сделали! Что за погань тут творится?! – говорит Тол, выпрямляясь.

– Куда он повезет Стрелка? – рычит Белый.

– Я знаю, куда, – кивнул Тол. – Эти твари себя называют егерями Ужа.

Тол вздрогнул, посмотрев туда, откуда они прискакали:

– Зуб сломал Сигнал! Сейчас вести тебя к Ужу?

– Погибнут все наши. Зуб – довольно крепкий воин, паника ему не знакома, если дело дошло до его зова о помощи... – басит один из крестоносцев, подводя коня командира.

– Знаю я! Знаю! Зуб, будь ты проклят! Малыш, прости! – воет Белый, взлетая в седло. Сердце Белого Хвоста разрывалось от боли. Разрывалось между Дружбой и Долгом. И как бы юноша не хотел скакать на северо-восток, вслед за похитителем-людоедом, пока не падет конь, а потом идти пешком, он выбрал Долг. Он выбрал сотни едва знакомых людей, а не одного, пусть даже и единственного из друзей, что у него остались. Белый знал, что никогда не простит себе этого, но не мог поступить иначе. Жизнь одного, пусть и самого лучшего человека, не стоит сотней жизней других людей, что погибли без заклятий магов, мечей крестоносцев и его неуязвимой брони Стража Драконов.

* * *

Когда прокричали тревогу и командир повел свою стражу в атаку, началась лихорадочная деятельность по организации обороны. Повозки стогнали друг к другу, стягивали их ремнями, опускали борта, выпрягали и стреножили коней. Зуб сам бегал среди людей, ударами крепкой руки подгоняя слишком безмятежных. Если САМ Стрелок, внук Игрека, попал в беду, это что-то очень и очень серьезное. А может, и страшное. Смертельно ужасное.

Так оно и вышло. Отряд командира не мог перебить сотни этих странных Бродяг, что нескончаемым потоком, лавиной, перекатывались через гребень, катились на их строй щитов. Бродяги были «мягкие», тупые и медлительные, но их было слишком много. Слишком. Стена щитов стала шаг за шагом отступать к повозкам. Люди устали махать секирами и топорами, но сменить бойцов было нечем.

Маг Жизни, от магии светящаяся своими синими, как рассветное небо, глазами, поддерживала свежесть бойцов магией. Но она была одна. А бойцов – сотни. А Бродяг – тысячи!

И вот наступил момент, которого Зуб больше всего боялся. Все бойцы рубились в одну линию, прижатые спинами к щитам повозок, но Бродяги обходили их строй. И их некому было остановить. Эти артисты били нежить алебардами – с повозок, через головы бойцов. Женщины затаскивали раненых в повозки. Но заткнуть брешь после раненого или павшего бойца было нечем.

Сплошная куча скелетов захлестнула отряд крестоносцев, что защищали священника, очень эффективно уничтожавшего нежить своим Даром Триединого. Но Бродяги лезли на клирика прямо друг по другу, со своей мертвой решимостью и смелостью неуязвимой сущности. Полыхнул Свет, вся эта куча гнилых тел содрогнулась, замерла горой, но уже – трупов.

Зуб скинул шлем, рванул кольчужный воротник, разрывая ремни, – ему нечем было дышать, пот застил глаза, руки уже одеревенели махать топором. Он уже не бил Бродяг, а пихал их своим топором. Зуб даже не смог переломить костяную палочку с заклинанием. Он ее перекусил, ткнул Бродягу шипом топора в лицо, тут же отбил руку другого Бродяги от одного из своих бойцов, ударил еще одного. Но получился не удар, а шлепок. Голова Бродяги не лопнула под ударом, а топор Зуба застрял в костях черепа. Бродяга дернулся, вырывая топор из рук Сбитого Зуба.

«Хоть глоток силы», – подумал Зуб, впечатывая кольчужный кулак в белесые глаза Бродяги, натягивая свой шлем на собственную голову – другой рукой. Но Синеглазка уже в беспмятстве валяется под ногами своего брата, который, с высоты повозки крушит черепа Бродяг длинной алебардой.

Бросившийся под ноги бывалому наемнику, теперь – крестоносцу, Бродяга, заставил Зуба пошатнуться. Тут же удары других Бродяг в корпус, как молотами, выбили из груди Зуба воздух. Зуб ударил в ответ кулаком, схватившись за кинжал на поясе. Но что уже мертвому удар кулаком? Ответный же удар Бродяги полыхнул вспышками в глазах Зуба, во рту – вкус стали, звуки грохотали, как внутри колокола. Все померкло, мир перевернулся.

Но Зуб не потерял сознания, даже упав. Он схватился за скользкую кость ноги Бродяги, который наступил Зубу на грудь, чтобы влезть на повозку, вогнал ему кинжал между дисками позвоночного столба, обтянутого гнилым мясом. Бродяга замер, повиснув на борту повозки. От страшного удара в затылок голова Зуба опять взорвалась. Он на секунду потерялся. Когда очнулся, пожелтел, что расстегнул ворот, – зубы Бродяги, источая зловоние сгнившего мяса, тянулись к его горлу. Зуб вскинул руку, обхватывая голову нежити, засовывая пальцы ему в рот, взыв от боли, – Бродяга больно, даже сквозь перчатки, прикусил пальцы. Зуб дернул рукой от себя, до хруста. Бродяга обмяк.

«Секундочку, секундочку! Вздохнуть!» – молил Зуб. Но он услышал крик, отозвавшийся болью в сердце, – крик Жалеюшки.

«Иду! Иду, любимая!» – думал Зуб, но никак не мог встать – его топтали Бродяги, выдавливая из него остатки воздуха и сил, на него падали трупы. Зуб задыхался. Он дергался, пытаясь спихнуть с себя эту зловонную кучу костей, но сверху продолжали падать гнилые кости с разбитыми черепами, которых крошил Корень.

Его алебарда уже лопнула, не выдержав такого количества ударов. Теперь Корень бил в головы Бродяг железными костылями, которыми они закрепляли свои шатры и навесы во время выступлений. Размахивая сразу двумя железными прутами, благо, как врожденный циркач, он был двурукий, равно владея и правой, и левой рукой, Корень стоял прямо над телом сестры, которую любил и ценил больше своей жизни. Бездарей в Мире рождаются тысячи тысяч, магов – сотни, а магов Жизни – единицы.

От кого их мать понесла Синьку, они не знали. И – не хотели знать. У них всех была МАМА. А отцом им был Цирк. Никто из них никогда не мог попрекнуть маму за ее дополнительный приработок. Потому что очень часто, даже слишком часто этот приработок оказывался единственным. Но этим часто попрекали их. «Дети цирковой шлюхи» – так их дразнили с самого детства. Да. Так оно и было. Но они выжили. Из дюжины рожденных братьев и сестер – все выжили. И они знали, чем и как их мать зарабатывала им ужин. Они не могли попрекнуть ее. Потому что она – МАМА.

А вот этот князеныш мог. Корень прекрасно видел, какие чувства испытывают друг к другу его сестра и этот умный, даже слишком умный, заумный, мальчик. Прекрасно видел. Но он знал, как больно будет его сестре, когда ему, княжичу, Наследнику императора, в лицо будут кричать: «Дочь цирковой шлюхи!»

– Куда?! – зарычал Корень, крюком костыля захватывая костяную руку Бродяги, протянутую к визжащей Матери Милосердия, вторым костылем разбивая этот гнилой череп.

«Ну, и где этот князеныш? – подумал Корень, размахивая стальными изогнутыми прутами. – Ускакал за Бруской? Бросив их всех тут? Его ты полюбила, сестренка? А он бросил тебя ради своего милого дружка!»

Он думал так от злости. От отчаяния. Чтобы разозлить самого себя. С детства Корень – в злобе и ярости – черпал силу и стойкость. А драться приходилось очень и очень часто. За кусок хлеба, за обиды, за младших братьев и сестер, за оскорбления мамы. Злость придавала силу, давала крепость телу и решимость духа.

Он злил себя, а командир – лишь очень зримый объект для разжигания злобы. На самом деле Корень все больше и больше уважал этого мальчика, что всегда казался слишком высокомерным. Но оказалось, что вся эта отстраненность – от уязвимости. Парень был очень одинок и легкораним. Мальчик был очень внимательным к людям, не был высокомерным, при этом был очень честным, ответственным и, как позже выяснилось, очень мужественным. И если бы сегодня командир не повел свой маленький отряд прямо на орду нежити, чтобы спасти Бруску, а остался бы тут, со строем щитоносцев, Корень бы очень сильно разочаровался в легендарном победителе демонов-змеелюдов, соратнике святого Старика. И считал бы, что юбка его сестры, ее прелести, испортила мальчика, давно ставшего седым мужем.

Костлявая рука Бродяги, как стальным ломом, перебила запястье Корня. Парень взвыл от боли, опять вспышкой ярости наполнившей его силой. Корень проломил лоб этому мертвяку, снес нижнюю челюсть другому. И опять взвыл от боли. Бродяга впился своими гнилыми зубами в ногу акробата. Костыль пробивает нежити череп, гниль льется прямо на прокушенные штаны, на рану. Другой Бродяга сбивает Корня с ног. Акробат падает на спину, встает на лопатки, цирковым приемом прыгает со спины – прямо на ноги, «проваливаясь» от боли на прокушенную ногу, но достает костылем затылок Бродяги, что ползет по Матери Милосердия, зажмурившейся от ужаса, закусившей губу и закрывшей живот руками.

Опять – как ломом ударили по ноге. По вспышке тьмы в глазах и волне тошноты Корень понял – опять сломали ногу. Циркач очень хорошо знает, что такое – перелом костей. И если бы не Синька, все бы они давно умерли от голода. Кому нужен искалеченный артист? Но у них была Синька, потому они прославились лихостью головокружительных и опасных трюков. И подрабатывали наемниками, что тоже прибавляло Синьке работы и опыта.

Акробат, прыгая на одной ноге, опять стал крутить железный прут. Теперь только один прут, обрушивая, то один его конец, то – другой, на Бродяг. Разбивая им руки, черепа, позвоночные, шейные диски Бродяг. Еще один смердящий скелет упал на Жалею, совсем лишившуюся чувств от ужаса. Корень подцепил крюком прута за шею скелет, что упал на его обессиленную сестру, резким рывком бросив Бродягу в его собрата-нежить, сбивая обоих с повозки, вниз, на павшего Зуба.

С шипением и грохотом ударили молнии, перебегая с Бродяги на Бродягу. Завоняло паленым гнилым мясом.

– Маги вернулись, – выдохнул Корень, встав на колено перебитой ноги, оперевшись на железный прут, как на костыль, тяжело дыша трупным смрадом.

Только теперь, остановив карусель боя, Корень увидел всю картину погрома.

Во время схватки мир для него сжался до порванных стен повозки. Теперь эта повозка стала телегой – совсем не крытой, Бродяги порвали все. И Корню казалось, что порваны все люди в их отряде, но это оказалось не так.

Вокруг стояли, спиной к спине, и сражались вооруженные горожане и крестоносцы, егеря и дозорные, что успели вернуться и напали на нежить со спины. До некоторых повозок и лошадей Бродяг совсем не пустили. Тут, где стояли Зуб, Корень, Мать Милосердия и Синька, было тяжелее всего именно потому, что они первыми оказались как раз на пути нежити, как и подобает главарям. А возможно, и потому, что рядом сражался клирик со своим отрядом крестоносцев, своей Силой Триединого приманив Бродяг.

– Как она? – кричит командир, магический шлем которого раскрылся, как створки раковины.

– Притомилась, – ответил Корень. – Не нашел?

– Не нашел, – зло поморщился командир, спрыгивая с коня, ловко поддевая мечом Бродягу, отчего череп того слетел с костлявых плеч ходячего скелета. И пошел крошить Бродяг, вихрем. Его меч порхал, как крылья скверной стрекозы.

Корень, вздохнув тяжело, посмотрел на небо – с благодарностью, с трудом и болью – встал. Стал крюком костыля цеплять освежеванных, смердящих Бродяг, сбрасывая их с повозки.

Раз Белый пробился, то поток Бродяг иссяк, решил Корень. Теперь дело осталось за малым – добить оставшихся неупокоенных, спасти живых.

– Синька, вставай! Работать надо! Мать Жалея! Неудачное время вы выбрали для отдыха! А ну! Вверх! Нам еще убраться надо подальше, пока Змеи на падаль не сползлись.

Поливая лица женщин из бурдюка водой, краем глаза Корень увидел глаза Белого. «Переживает за сестренку, князеньш!» – подумал Корень.

«А сердитый циркач фишку рубит! Споемся! – подумал Белый, смахивая руку, подрубая ноги и добывая Бродягу. – Помнится, Старый их учил соглядайству. Попробую повесить на него удел Пятки».

От мысли о Пятом стало так больно, что двух следующих Бродяг Белый располовинил надвое, с криком.

* * *

– Я думал, что все! Вообще никто не уцелел, – говорит Гадкий Утенок, стягивая шлем с головы. Бармица шлема из необычного материала брони, как чулок, неохотно тянулась за яйцом шлема.

– Я тоже думал, что растоптали всех, – кивнул Корень, с благодарностью принимая флакон у командира, но не отпил из него, а протянул сестре, поняв, что Гадкий Утенок именно ей передал эликсир Жизни. Потому что глоток эликсира для Корня, как и для любого другого, – это один глоток, а каждый глоток Жизни для Синьки – как сотня полных флаконов. Маг Жизни быстрее восстановит свою Силу, сможет их всех вылечить.

На Синьку было больно смотреть. Осунувшаяся, почерневшая, высохшая, будто постаревшая на полвека. Ее волосы поблекли, как у старухи.

На земле сидел Зуб, отсутствующим взглядом смотря прямо перед собой, кривя разбитые губы, сплевывал осколки зубов. Он не реагировал даже на Жалею, что обрабатывала ему разбитую голову.

– Когда вылетел на гребень, – продолжил командир, вытирая лицо и шею платком, – тут – сплошное море этих освежаванных Бродяг. А оказалось, не так все и плохо. Зуб! Зу-уб!

– Оставь его, – попросила Мать Жалея. – Совсем растоптали моего крестonosца. Мне скажи, как в себя придет – исполнит.

– Мне надо дать расклад – сколько выжило, сколько – нет. Сколько ранено, – кивнул командир.

– Так это как раз – ко мне, – ответила Жалея. – Пойду считать.

Она несколько секунд смотрела на Зуба, погладила его по окровавленной щеке, пошла.

– Я скоро, мой Ал, – простонала Синеглазка, – чуть отдохну. Не смотри на меня! Такую! Девушка закрылась рукавом.

– Сиди, – махнул командир рукой, пожимая плечами, – теперь уже не опоздаем.

Он впился взглядом в Корня. Циркач, кивнув, усмехнулся, подтянув к себе здоровой рукой железный прут, весь выпачканный в сукровице и мозговой ткани с прилипшими осколками костей.

– Ты тоже вставай на ноги. Возьмешь на себя тягло Бруски, – велел ему командир.

Корень от удивления даже подпрыгнул. Синька забыла про свой непрезентабельный вид – убрала с лица рукав платья, удивленно смотря в глаза Белохвосту.

– Бруска погиб?

– Не думаю, – покачал головой Белый. – Сразу его не убили, не бросили. Он им нужен. И скорее всего – живым. И убить его сложно. Дети скверны живучи. А у него еще и Корень Жизни.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Синька.

– Олег знал, кого Ольга одарила Корнями. А что знали Старые, знаю и я... – вздохнул командир, поднимая руки со шлемом, дальнейшие его слова были ненадолго заглушены надеваемым шлемом, пока речевые ретрансляторы не заработали. – Так что Брус живой. И я его найду. Мы, Красная Звезда, своих не бросаем. Но мне завал в дозоре не нужен. Так что бери это направление, Ловкач, да смотри мне, не завали!

– Это как выйдет, – пожал плечами Корень.

– А должно выйти – туда, куда мне надо. И ты выведешь. Тут или – Ал, или – пропал! Понял?

– А ты меня не пугай! Пуганые мы! – вскинулся Корень.

– Вот ты, циркач, вроде умный, а на самом деле дурак дураком! – вздохнул командир, отвернулся и махнул рукой. Тут же подъехали его стражи, подвели коня.

– Что ты его дразнишь? – спросила Синька.

Корень отметил, что эликсир уже работает. Лицо сестры просветлело, глаза поголубели, а то были, как у Бродяг, – белое пятно.

– Ничего.

– Ты все мне простить не можешь?

– Да при чем тут ты? Твоя судьба, решай сама. Ты уже большая девочка. Потом только не плачь, когда тебя отродьем будут кликать. Не могу поверить, что я на него с кулаками кидался, он меня чуть не зарубил, а теперь поручил мне работу, будто я отпрыск знати.

– Знатность определяет не родословная, а крепость твоей воли, – прохрипел Зуб, с кряхтением и стонами поднимаясь, но выпрямиться не смог, упал на колени.

– Он первый, кто ввел в полк Бессмертных незнатных отпрысков. Произведя их таким образом, – продолжил Зуб, отдышавшись. – Эко меня помяли! Неужели ты не знал, кто он?

– Знал. Давно знал, – кивнул Корень, даже не пытаясь помочь Зубу подняться, – сам мог только сидеть и ждать, когда сестра сможет срastить ему кости ноги и руки.

– Тогда что удивляешься? Для него дело – прежде личных чувств. Али ты не слышал его слова, что нет бесполезных людей?

Зуб наконец смог по бортам повозки вскарабкаться, поддерживаемый худенькой Синькой, с треском в спине выпрямился.

– Так Старый говорил: «Нет плохих работников, есть лишь неправильное их использование», – говорит Корень.

– Ты и святого знал? – повернул Зуб разбитое лицо к циркачу.

– Да, видел один раз. Они нас искали. Им Синька нужна была, – кивнул Корень.

– Это хорошо, дочка, что именно Старик тебя нашел, – вздохнул Зуб, – а не другие. Ради лишней сотни лет жизни эти уроды ни перед чем не остановятся. Неба белого никогда бы не увидела!

– Все властные такие! – отмахнулся Корень – Мы для них – что дрова для печи.

– Не все, – возразил Зуб, вскинул руку и указывая туда, куда уехал командир, – потому беречь его надо. Если не убережем – кому Империя достанется? Змеям? А?

И Зуб поковылял от повозки, выдернул свой топор из останков Бродяги, стал опираться на него, как на костыль.

Брат с сестрой переглянулись.

– Бруску жалко! – вздохнула девушка.

– Серый сказал, что найдет его. Вот только пусть попробует не найти! – прошипел циркач сквозь боль. Синька вправляла ему кость.

– И что ты сделаешь? А, отродье бродячей шлюхи? – усмехнулась Синька, с щелчком составляя кости.

Циркач взвыл.

– А ты – нет? – отдышавшись, спросил Корень.

– И ты – нет. Ты теперь – впередсмотрящий! Глава дозора. Понял? И только попробуй подвести его! Я тебе!

Корень опять взвыл, чуть не перекусив сыромятный обрывок ремня, зажатый в зубах.

Можно было и подождать, пока Сила накопится в Синьке, тогда она смогла бы все сделать безболезненно. Но у циркачей не всегда был маг Жизни. Да и сама Синеглазка не всегда умела лечить. А переломы – всегда были. Не привыкать. А Сила ее – им всем нужна. Каждая капля.

Гадкий Утенок остановил отряд. Дальше скверна сгущалась. Он не был магом. Не был клириком. Но видел скверну. Может, от матери что-то перешло? Хотя какие только маги не пытались увидеть в нем Дар – ничего не было. Даже Темный Марк не видел. Говорил, что аура у Белого обычная. Не совсем обычная, типичная для измененного, но бездаря. Говорил, что

такой же тип ауры он видит у Ястреба и у Паладинов-бездарей. Хотя Ястреб говорил, что он тоже видит скверну и также чувствует ложь.

В центре скверна клубилась, бурлила, будто истекая из Пустоши.

– Интересно, зачем было именно сюда тащить жителей города. Почему их не принесли в жертву прямо в городе? – говорит Шепот.

– Видимо, место особенное, – пожал плечами командир – А карта наша у Стрелка была?

– Он ее в седельной сумке возил, – отвечает Тол. – Надо поискать – сбрую его они же бросили. Может, тут раньше храм был? Или какая священная роща старых богов. Или – Исток.

– Какая теперь разница? – отвечает Комок. – Меня больше интересует, зачем с них плоть срезали? Это пытка такая?

– Это все вместе, – отвечает Тол. – Эти людоеды называли его Мастер Боли. Он тут пытал людей, освежевал их, проводил темные ритуалы, принося их в жертву. Осквернил святое место, заготовил мяса, провел изменение людей в послушных ему Бродяг.

– Сколько таких мест он уже сделал? – спрашивает Гадкий Утенок, разворачивая коня. – Они повезли Стрелка к этому Мастеру Боли?

– Да. Он должен быть у Ужей. Тут, у Ужей, свежее мясо, – ответил Тол, тоже разворачивая коня.

– Мерзость, – воскликнул Шепот.

– А самое мерзкое, что Мастер Боли – настоятель Триединого, – вздохнул Тол. Все отметили, что он не сказал – «бывший настоятель».

– Ну, святоши! – скрип зубов командира все услышали даже через шлем. – Не отмолитесь!

Оказывали первую помощь раненым, прощались с павшими, чинили повозки. И все – с наибольшей поспешностью. Надо было скорее покинуть это место. Но время шло, а караван никак не мог собраться.

Выжившие с тревогой смотрели на силуэт высокого всадника в необычной броне, что стоял на гребне, не торопя людей, ожидая, когда караван соберется. Тревожно людям было от того, что они уже знали, что он поведет их в самое логово людоедов. Но не идти с ним не могли. Вид командира, разваливающего кожанника надвое, был страшнее Бродяг.

Да и разве в этом дело? Молодой Стрелок уводил Бродяг от них, спасал их, когда попал в засаду людоедов. Он заботился о них. Неужто они его оставят на растерзание Мастера Боли? Дадут ему превратиться в Бродягу?

Слишком многие Бродяги были узнаны. Жители города отбивались и умирали от мертвых рук своих недавних соседей, своих прежде родных и близких. Все думали, что людей увели для продажи в рабство на Южные острова или в Темные земли. А оно вон как вышло!

Хотя идти на Ужа было самоубийством. Но командир верно сказал – лучше умереть один раз и с оружием в руках, чем умирать долго, очень долго – на жертвенном камне. «Если не мы – то кто?» – сказал он.

Имперские полки пошли громить орды нежити и каких-то демонов, то ли Пауков, то ли Змеелюдов. Про Церковь – можно не вспоминать. Если сам настоятель Триединого стал Темным Мастером Боли, чего ждать от этих святош? Да и каждый из них видел, что случилось с клириками их города и всех окрестных городов. Они были хуже Тварей скверны. Кожу с живых людей сдирали прямо на алтаре храма. Сияющий прежде золотом храм стал сочиться Тьмой скверны. Нет, определенно – на Церковь никакой надежды.

Наемники смотрителя города легли прямо у города и на его стенах. Ни для кого не была секретом жестокость Змей. И пока Змеи расправлялись с защитниками города, население города пряталось. Сутки Змеи потрошили город. Нечеловеческие крики сошедших с ума от боли людей заставляли слышавших эти крики надежнее замуровываться в подземелья и

укрытия. А когда Змеи ушли, по городу продолжились крики. Сумасшедшие святоши снимали кожу с живых людей. Тогда непонятно было, почему Змеи не тронули клириков. Ну, а если сам настоятель стал Темным, то чего ждать от его прислужников?

То, что не все клирики поголовно переродились, – уже чудо. Случайно проходящий через их город отряд наемников во главе с Гадким Утенком – тоже чудо. То, что Красная Звезда вмешалась, – тоже чудо.

Вот если бы прошли мимо, поняли бы. Не осуждали бы. Никому не интересно чужое горе. Своего хватает каждому. Особенно этому командиру. Каждому видно, что он еще не оправился от ран. Молодое лицо, не скобленное бритвой, но – седые волосы. Взгляд старика. А эти его приступы? Как мужественный человек, он старается их скрыть. Но кто-то видел, как его ломает, как он бьется в припадках. И при всем этом – он принял их. А его люди жизнь свою, не раздумывая, обменивают на их жизни. Прав Прибыток: после всего этого перечить командиру – свинство.

Дети засуетились, забегали, снова испуганные. Им, взрослым, пожившим и пережившим, уже казалось – все, пришло самое крайнее время, было невыносимо страшно перед волной Бродяг. А детям? Но всех детей удалось укрыть и сохранить. Сейчас дети забегали, чувствуя грозу.

Следом и взрослые засуетились. Ливень под открытым небом – очень неприятная вещь.

Спешно повозки выстраивались в колонну. Возницы правили коней. Командир, тревожно глядя на западное небо, вел колонну. Егеря уже разбежались в поисках места, где можно было укрыться от ливня. Уже под первыми потоками воды втаскивали повозки на холм, размещали их среди каменных обломков, оскальзываясь на сразу ставшем скользким склоне, по которому начали течь ручьи. Под сплошным водопадом растягивали навесы. Люди сбились в кучки, коллективно дрожа от холода, смотря на сплошную завесу дождя.

* * *

Ливень продолжался больше суток. За это время умер еще один человек, так и не придя в сознание. Маг Жизни сразу отказалась тратить на него Силу – обломки его черепа глубоко вошли в голову, сквозь кровавую кашу волос были хорошо видны белые мозги. То, что он жил – лишь нежелание всех его добить. Если Синька сказала, что это «дохлый номер», то так оно и было. Еще бы кто знал, что значат эти ее слова, сказанные на незнакомом языке. Наверное, какой-то магическо-лечебный термин.

Но маг, хоть и была очень молода, и детская припухлость еще не сошла с ее лица и фигуры, была очень искусна. Люди, которые с отчаянием примеряли на себя долю калеки, с удивлением рассматривали свои ожившие руки, осторожно наступали на перебитые ноги. Многие бросались в ноги мага, прямо в грязную жижу, ловили подол ее грязного платья. Но девушка сильно ругалась на это. И плакала. А ее зверообразный брат очень злился. Все это видели. Каждый решил, что не стоит расстраивать эту прекрасную девушку, злить этих нервных циркачей, которые теперь постоянно торчали около девушки, но попробуй, сделай все по уму, когда твоя нога ожила! Люди впадали в полное помрачение сознания, опять падали на колени.

Хотя ливень и закончился, хотя и надо было быстрее уйти от этого места как можно дальше, тронуться с места они не могли. Кругом вода стояла болотом, и в этой жидкой грязевой каше не то что повозки, а и люди, пешком, завязнут.

Маг воздуха не стал тратить Силу, чтобы избавить их от потоков воды, но, как только ливень стих, стал магичить, выводя сложные построения руками и напевая заклинания на магическом языке, высушив землю в лагере, одежду всех людей, просушив повозки и припасы.

Зуб, все еще сверкая осколками зубов, шепелявя, но уже не хромя и вполне себе крутя корпусом (по личному приказу командира боеспособное состояние сначала было возвращено самым лучшим бойцам, лишь потом – остальным), стал проводить занятия с ополченцами, вбивая в них приемы защиты щитом и выпады копьем. Вот теперь все ходячие мужчины и занимались этим, учили нехитрые, начальные приемы боя, разбившись на пары. Один бил копьем, другой отбивал щитом. Крестоносцы матерились, пытались вылепить из ремесленников и приказчиков – бойцов.

Женщины занимались пропитанием всего лагеря и починкой одежды, полотнищ сводов повозок и навесов, дети следили за огнем и конями.

Командир все это время сидел мрачнее грозового неба, плывущего над их головами, лишь изредка отдавая распоряжения своим помощникам. Когда ветер разогнал тучи и проглянуло светило, прошла и хандра у командира. Он подозвал Зуба, коротко переговорил со старшиной крестоносцев и воеводой всего отряда. Зуб пошел к повозкам, позвал Корня и принес четыре учебных меча.

– Ты обоерукий, – сказал командир, передавая мечи циркачу, – драться мечами намного лучше, чем подручными средствами. Работаем!

И они зазвенели утяжеленными, но не заточенными мечами. Все остальные нет-нет, да и поглядывали на этот поединок. В конце концов, наставники остановили все учебные поединки во избежание травм – глаза учеников следили не за своим оружием, а за мечами командира и циркача. Люди стекались к кругу сражавшихся, с восхищением наблюдая этот бой. Командир был настоящим Мастером Клинка. Его бой – как танец, был красив, грациозен и точен. Но и Корень был очень ловок и вынослив. Скорость боя возрастала с каждым ударом. Мечи порхали, как крылья мух, бойцы кружились на пяточке земли, как жернова мельницы, их движения уже стали сливаться в протяжные и едва различимые полосы. Удары мечами сливались, клинков уже не было видно глазом. Только удары и звон. Таких скоростей ополченцы не видели никогда.

Бой остановил Гадкий Утенок – резко закончив схватку, разорвав дистанцию с Корнем, он склонился в знаке уважения.

– Молодец, – сказал командир. – Тренируйся с мечами, а не с цирковыми приспособами. Ты теперь – воевода. Мой подручный. Ты – воин. Не подведи меня. Не дай себя убить. Не дай убить мага Жизни.

Корень склонился в поклоне спине уходящего Гадкого Утенка.

На целых полчаса жизнь лагеря потонула в пересудах. Люди кучковались группами, очень живо обсуждая увиденное. Крестоносцы стояли плотным кольцом. В центре – Зуб.

– Я подозревал, что командир прошел подготовку Паладина, а такие скорости доступны только им, но как такой накал выдержал циркач? – удивлялся Зуб.

– Сбитый, ты бы узнал у сестры циркача, когда до твоих зубов очередь дойдет, не полукровка ли ее братец? – просипел один крестоносец, потирая разбитое горло. В последнем бою убитый им Бродяга мертвой хваткой вцепился в горло, раздавил ему кадык. Если бы не Матери Милосердия, так и помер бы, задохнувшись. Наемник выжил, но говорить ему было очень сложно. А к Синьке он все не решался подходить, видя, как она загружена.

– Он – полукровка, а она – нет? – удивился другой крестоносец.

– Ну, ты же слышал, что говорят про их мать. Я думаю, что напоминать об этом нежелательно.

– Их мать – очень уважаемая мною женщина! – довольно громко возвестил Зуб, обводя каждого воина в черной накидке твердым взглядом. – Она родила и выходила таких замечательных людей! Ее дочь многим из нас спасла жизни и избавила от жалкого существования искалеченным огрызком. А сын этой уважаемой, но, к сожалению, мне не знакомой женщины спас Мать Жалею, чего сам я сделать не смог. И это грызет меня поедом – изнутри! И я у них в неоплатном долгу. Вам все понятно? Посмевающий даже тень сомнения навести на светлую

память матери этих ребят нанесет мне, лично мне, урон чести. И этот урон я буду смывать кровью.

– Это понятно, Зуб, не кипятись. Мы все обязаны циркачам. Ловкие ребята. Бьются хорошо. А маг Жизни... Это маг Жизни! Просто очень хотелось узнать, где можно научиться так сражаться?! Видно же, что Корень к мечу не приучен. А командиру не уступил!

– Проверял он меня, – сказал, протискиваясь в их круг, Корень, возвращая с поклоном мечи Зубу. Зуб помотал головой, отказываясь брать мечи. Корень пожал плечами, продолжил:

– Он мог меня поразить в любой момент. Но не делал этого, хотел узнать все мои возможности. Отвечаю сам на ваш вопрос... – Корень повернулся к сиплему крестоносцу. – Я не знаю, кто мой отец. Не знаю, чья кровь во мне и в моих братьях и сестрах. Мы не спрашивали у нашей матери. Нам было все равно.

– Нам тоже, – просипел, кивнув, крестоносец.

– Тем более. Надеюсь, вопрос этот больше не будет поднят. Не хотелось бы ссориться с вами, уважаемые. Я хотел бы с вами вести учебные поединки, а не поединки чести. Но, Зуб, время идет. А мы языки чешем. Командуй!

Крестоносцы вскинулись (циркач – низшее из самых низких сословий), но переглянулись, заулыбались, поклонились Корню, стали расходиться, криками созывая своих учеников. Время – оно – неутомимо.

Тол, маг разума, чувствуя, что Гадкому Утенку не по себе, подошел, встал рядом, смотря вместе с командиром на Пустошь. Подошел и Комок, маг земли. Комок совсем не владел премудростями разумников, но прожил уже достаточно, чтобы и так понимать людей. Он был не только самым старшим из этой тройки магов по мастерству, но и самым старшим по возрасту, самым опытным, самым мудрым.

– Я по первости не воспринимал Стрелка всерьез, – сказал Комок, – но юноша заставил себя уважать. Неужели наши советы не заменят тебе, командир, Стрелка?

– Нет, – сухо ответил Гадкий Утенок, – вы не владеете и десятой частью обстановки. Не владеете способами мышления Старика. Вы просто не поймете меня.

– А ты попробуй, – говорит Тол.

Белый усмехнулся. Но ничего не сказал. Вместе смотрели вдаль.

– Вы знаете, какая самая большая беда Империи? – спросил вдруг командир. – И эта беда из поколения в поколение лишь усугубляется.

– Да? – удивился Комок. – Этим уточнением ты отсекаешь половину моих ответов.

– А что мы будем гадать? – усмехнулся Тол. – Ты и так скажешь, иначе – молчал бы, как и раньше.

– Вот что значит разумник, – усмехнулся Гадкий Утенок, поворачиваясь к Толу. – Продолжай!

– Учитывая, что застряли мы тут, а смотрел ты на дорогу, то проблема эта – дороги?

– Угадал. Молодец. Я с детства видел, с каким вниманием относятся властители к дорогам. И я мечтал построить дороги, такие, каким не страшны были бы никакие ливни. И знаете что?

Маги молчали, понимая, что ответ не требуется.

– От Старого я получил очень много знаний. Мне теперь многое стало понятно. А многое – только запуталось. Вопрос не в самих дорогах, их качестве и протяженности. Вопрос шире. Вообще – связанность. Так вот из поколения в поколение дороги ухудшаются не потому, что их не могут починить. А потому, что не хотят. Просто не хотят. Они больше не нужны. Империя – пережиток допотопной жизни. Пережившие Конец Света помнили, что это была одна страна, под одной рукой, под одним Домом. Но время проходит. И вот уже владыки, которых все называют Темными, в открытую заявляют, что император им не нужен. Теперь – Змеи... Они обособились давно и умышленно. Смотри, во что это вылилось.

– А при чем тут дороги? – удивился Комок.

– Дороги, купцы, бродячие артисты, приказчики, наемники – вот что делает весь народ Империи единым. Не император. Единое смысловое поле держит людей в Империи крепче имперских полков. Но из поколения в поколение связанность отдельных частей единого целого ослабевает. Каждый Дом все больше варится сам в своих собственных проблемах. И беды как других Домов, так и Престола стали им далекими и неважными. И вот итог – Смута. Империя отжила свое. Расползается на куски. Не нужны купцы – всюду одно и то же, одни и те же товары, одинакового качества. По одним и тем же ценам. Нет надобности в торговых караванах. Не нужны артисты – города перестали понимать смысл и не находят интересными сценки столичных Мастеров Тысячи Лиц. Наемники перестали уходить из своих городов. А если нет разницы – зачем содержать Престол императора? А когда искажения языков дойдут до полного непонимания людьми друг друга, люди забудут, что они – единый народ. Сами себя нарекут другим именем, образуя новые народы. Начнутся войны меж народов. На истребление.

– Грустные выводы, командир, – покачал головой Тол, – очень грустные. А как же Пророчество? Обещанный Наследник?

– Обещанный Наследник послушал своих наставников и забил большой и толстый... кол на все это Пророчество. И ему Империя даром не нужна.

Маги переглянулись.

– Спартак жив? – шепотом спросил Тол.

– Да, – кивнул командир и тут же покачал головой, – но Спартак – погиб.

– Понял тебя, – кивнул Тол, – значит, не все потеряно. Как там говорил Прашур, мы еще живы?

– Мы живы, – вздохнул Белый, – и Стрелок еще жив. Я чувствую его. А они – нет. Старых основателей нет. Их не чувствую.

– Мы живы, командир, – повторил Тол, добавляя в голос магии, трогая Гадкого Утенка за наруч, – потому мы найдем то, что ты ищешь. Найдем.

– Ничего я не ищу, разумник, – покачал головой Белый. – Уже не найти того, что я хотел бы найти.

– Значит, мы найдем другое.

– Мне не надо другое! – вспыхнул командир, вырывая руку из пальцев Тола, обрывая ментальный контакт.

– Обернись, командир! – сказал Комок.

Гадкий Утенок обернулся.

– Посмотри на этих людей! – твердо, хотя и тихо, говорит Комок. – Может, им и не нужна Империя. Не знаю. Я – простой маг-боевик. Всю жизнь учился владеть Силой и сражаться. Не думал о таких отвлеченных вещах. Но я точно знаю, что всем этим людям нужна защита. Им нужен кров, им нужно что-то поставить на стол, кого-то привести в свой угол, где-то рожать и растить детей. Им нужна безопасность. И им не важно, кто сможет им дать это – император или не император.

– Император может собрать большие войска, обеспечить большую собранность средств, большую управляемость ими, значит – обеспечить лучшую жизнь в Империи, – возразил Гадкий Утенок.

– Я – простой человек. Родился в маленьком городке, в семье простого пахаря. Я не понимаю таких умных слов, – покачал головой Комок, – и они не понимают.

Гадкий Утенок молча смотрел на мага исподлбья.

– Овца в стаде редко знает, что в стаде ей лучше. Норовит сбежать, – пожал плечами Тол. – Мой отец – смотрящий за шерстью. Пастух, проще говоря. Овце и не надо знать, что она существует только для того, чтобы ее стригли, а потом – съели. Но она должна знать, что тут, в отаре, ее кормят, лечат, защищают. А там, вне глаз пастуха, она сразу попадет на зуб Тварям.

Гадкий Утенок глубоко вздохнул, отвернулся.

– Веди нас, пастух. Стаду нужен кнут и защита. И нож, чтобы резать больных, прокаженных овец... – Маги склонили головы.

Гадкий Утенок развернулся к ним всем телом. Смотрел сосредоточенно на их склоненные затылки.

– Да, братья! Верно! Спасибо за науку. Это не то, что я искал. Но я нашел. Ты был прав, разумник. Идем! Мы уже опоздали.

Командир широкими шагами пошел к лагерю. Комок протянул руку, Тол хлопнул по ней. Этот ритуал ввели в Красной Звезде основатели. Старые основатели. Маги, улыбаясь, поспешили догонять Гадкого Утенка. Пробегаая мимо Шепота, подмигнули ему. Маг воздуха, улыбнувшись, откинулся обратно на спину, закрыл глаза, погрузившись в медитацию. Надо было выводить колонну на дорогу. Надо восстановить Силу. Силы никогда не бывает много. Ее всегда не хватает. Всегда.

Синеглазка с тревогой проследила взглядом за командиром. Это не привлекло внимания – все смотрели на него, ожидая его решений. Увидев его решительное лицо, напряженный, но не отстраненный, как вчера, взгляд, услышав его энергичные распоряжения, выдохнула облегченно. И... запела.

Охраняющий ее сегодня метатель ножей, услышав ее мурлыканье, поднял удивленно брови, проследил за ее взглядом, увидел командира. Удивился еще больше. Нашел глазами Корня, но их главарь лишь отмахнулся. Жонглер пожал плечами и погладил рукой свою обнову – новый, почти не поврежденный меч. Метатель ножей решил, что пусть у старших головы трещат. Его дело – охранять Синьку. Потерять мага Жизни – никак не можно!

Пение Синьки резко оборвалось. Метатель ножей выхватил меч, в левую руку скользнул метательный нож, он закрутился на месте, выискивая – кого убить. Но никого рядом не было. Синька, зажав рот руками, смотрела на командира, серым столбом замершего посреди лагеря. Девушка побежала к Гадкому Утенку. Ее охранник – следом.

– Бруска! – закричала девушка.

– Я знаю, – кивнул командир, он хотел что-то еще сказать, но голос его сорвался, он закашлялся.

– Его начали пытать, – сказал он, когда восстановил дыхание, потом повторил, шепотом: – Его начали пытать! Я чувствую его боль.

– Мы не успели! – в отчаянии закричала Синька.

– Успеем, – твердо сказал командир, – Стрелок – крепкий парень. Из *наших*. Быстро он им не дастся. А умереть у него не получится. И у нас есть маг Жизни. Успеем!

Синька кивнула. Ольга одарила их, всех «щеглов», чрезвычайно редким артефактом – Корнем Жизни. Как бы это ни казалось невозможным, но, увидев Корень Жизни у Белохвоста, разобравшись с его устройством, Ольга через неделю раздала им по артефакту. Амулет невидим, его невозможно снять. Брус Чан не умрет. Но артефакт не избавит его от боли. И не избавит его от жертвенника. Синька передернула плечами, побежала собираться.

В скверну эти условности! В скверну – платья! В скверну – прически! Она – больше не девушка-маг! Она – дочь бродячей артистки! Шлюхи! Дорожный костюм, кожаный панцирь, ножи и кинжалы, аркан и легкое копьё, послушная лошадка и мужское седло! Она – боец! И перегрызет горло любому, вставшему между ней и ее названным братом!

* * *

Уныло повесив седую голову, всадник с мечом за плечами неспешно пылил по дороге. Он был давно замечен, но его появление повергло заставу в замешательство. Уже несколько лет

никто добровольно не ходил этой дорогой. Никто – из чужих. Десяток воинов в недоумении переглядывались.

– Кто это, егерь? – спросил десятник у Оспина Ворона, что возвращался из города и остановился на заставе – похвалиться обновками да выпить в компании стражи заставы крепленой грибной настойки.

– Безумец... – прокаркал егерь, – эти безумцы с крестами на плащах в Темных Землях постоянно шлятся и задирают честных людей. Убейте его. Он хоть и тощий, но снаряжен богато.

– Не тебе решать, кого нам убивать, – решил поважничать десятник Госш, но увидев, что Ворона собирается, окликнул его: – Эй! Ты чего?

– Что вы, не справитесь с одним наемником?

– А что это ты бежишь? – подозрительно прищурился десятник, переводя взгляд с егеря на всадника на дороге.

– Скучно мне. Вас десять, он – один, – прокаркал Ворона, вскакивая на коня и решительно дергая поводья.

Но он не успел уехать. Удар древком копья смахнул его с седла, раскалывая челюсть, выбивая зубы. Тут же на него накинлись, выкручивая руки, освобождая его от всех обновок.

– Докаркался, выродок! – плюнул в лицо Ворона десятник. – Думал, не спрошу у тебя, куда делся твой напарник? Не знал, что он сын моей троюродной сестры? Зачем ты убил его? А, Ворона? Все мало тебе?

– Госш, что делать с чужаком? – спросил один из стражей заставы у десятника.

– Чужие здесь не ходють, – мотнул головой десятник. – Все, что с него снимите, – ваше.

Стражи, переглянувшись, многие – облизав губы, расхватали самострелы и копья, один за другим покинули нору заставы.

– Ну, Ворона, прокаркай мне, где и почему ты убил моего родича? – спросил десятник, вытянув из очага полусгоревшее полено, раздувая его угли.

В спину стражам заставы ударил вопль боли, вызвав лишь усмешки на их лицах.

Белый рассчитывал поймать Змей «на живца». Но крик боли появился прежде воинов со змеями на груди, выстроившихся полукругом перед всадником, держа копья и самострелы наизготовку.

– Это кто такой красивый, такой вкусный привез нам столько мяса? – гнусно усмехнулся один, его поддержали дружки не менее гнусным смехом.

– Кто вы такие, что преградили мне дорогу? – грозно нахмурился Белый. – Прочь!

В ответ – смех. Но Змеи чуть расступились, когда Белый выхватил меч.

Смех одного из них скомкался, он вытаращил глаза:

– Изумрудная сталь? Кто ты, путник?

– А ты, умный, – усмехнулся Белый, – ты умрешь последним!

Лицо его скрылось за черным забралом. Его шлем перестал быть прозрачным. Змеи вскинули самострелы. Стрелы ударили во всадника лишь тогда, когда уже второй страж падал в грязь дороги, разливая лужу крови. Но стрелы ломались о броню всадника, со щелчками отлетали. А меч Белого порхал среди людей, подсекая им жилы, разрубая, кромсая, отсекая, калеча и коверкая.

Как Белый и обещал, одного он не убил. Он подрезал ему сухожилия на руках и ногах, вскрыл ему живот. Страж дико вопил, пытаясь затолкать синие веревки собственных кишок обратно в живот непослушными, выворачивающимися кистями рук.

– Чего ты хочешь, чужак? – крикнул десятник заставы, выходя навстречу, выставив пустые руки.

– Ты очень смелый, – сказал Белый. Шлем у него на лице опять стал прозрачным, – или самый умный. Возможно, ты останешься живым.

– Тебе не удастся меня обмануть, чужак, – усмехнулся десятник. – Я уже видел, как ты сдерживаешь свое слово. Чего ты хочешь?

– Я ищу своего друга, – сказал Белый.

Десятник посмотрел за спину Белого. Белый не стал оборачиваться. Он и так знал, что его должны были уже догнать его соратники. Они бы не допустили врагов до спины командира, не предупредив об опасности.

– У меня есть для тебя кое-что, чужак, – десятник отступил в сторону, приглашая всадника в нору заставы. – Там тот, кто знает, куда делся твой друг.

Десяток всадников окружил стража. С удивлением десятник смотрел на молодую девушку в мужском костюме, что легко слетела с коня и хотела нырнуть в нору, но ей преградили дорогу.

Ворона выволокли наружу. Вынесли саблю Стрелка и его самострел. Без футляра для стрел.

– Это он, – кивнул Тол, потирая руки.

– А я? – напомнил о себе десятник.

– Иди! – махнул рукой Белый, отмахиваясь от Госша, как от надоедливой мухи.

Но десятник остался. Он лишь отступил на десяток шагов и укрылся за глыбой, торчащей из земли. Десятник видел, что это не осталось незамеченным. За ним наблюдали – самое малое – три пары глаз. Но всадник с крестом отпустил его, потому десятника не трогали. Десятник слушал допрос Вороны, и с каждым словом ему становилось все страшнее. Он уже не прятался за камень. Он встал за спинами людей, допрашивающих Ворону, кусал губы, стискивал кулаки, смотря через их плечи на допрос.

– Ты еще здесь? – удивленно спросил Белый, когда Ворона умер. – Тебе твоя жизнь не дорога?

– Нет! – яростно тряхнул головой десятник. – Убей меня! Мне некуда идти! Я убивал невинных! Мне нет пути в земли, где есть Оплоты Света. И вернуться домой я не смогу. Некуда мне идти, каратель! Убей меня!

Всадник пожал плечами, занеся меч над головой. Девушка в мужском костюме тронула его за наплечник, сказав:

– Это будет слишком легко. Изгони его.

– Пшел вон, шакал-падальщик! – рявкнул всадник, опуская меч.

– Я пойду к Змеям, сдам вас, – крикнул десятник.

– Иди! Куда хочешь! – рассмеялся высокий воин. – Только на глаза мне не попадайся. Иди. Мастер Боли ждет тебя. Все глаза выплакал.

– Он и вас ждет, – огрызнулся десятник.

– Надеюсь на это! – высокий воин вскочил на своего коня. Его спутники также вскочили в седла.

Десятник посмотрел им вслед. Потом потянулись повозки каравана. А десятник все стоял и смотрел.

Он давно знал, что кара придет. Слишком богопротивные дела происходили вокруг. Слишком мерзкие.

Тьма сгущалась очень медленно, незаметно. Тьма и мерзость. И он не заметил, как сам стал мерзостью. И заразил мерзостью даже своих детей. Он сам приносил домой человеческое мясо, чтобы накормить голодных родных. Искренне удивлялся, как раньше они не догадались, что вокруг столько мяса ходит? И только увидев этого юношу старый воин, как очнулся от кошмарного сна, разбуженный криками Вороны, его словами. Только сейчас пришло осознание, во что превратилась его жизнь, его служение Змею.

Десятник вошел в свою заставу. Осмотрелся вокруг другими глазами. Увидел веревку, стал наматывать ее на крюк светильника. Но потом взгляд его упал на свой же меч, забытый им на полу. Десятник бросил веревку, поднял меч, собрал в охапку остальное оружие, почему-то брошенное этими чужаками, догнал последнюю повозку этих чужаков, сгрузил в нее оружие и пошел за повозкой, понуря голову, чтобы не встречаться с глазами этих людей.

Но люди смотрели. Потому Госш наматал себе на лицо свой шарф, прячась от взглядов людей, от их удивления и их ненависти. Только немного позже бывший десятник догадался сорвать с себя знаки Змей и бросить их в грязь.

– Зачем ты оставил ему жизнь? – спросила Синька, перекинув ногу через седло, поворачиваясь к Белому, сидя в седле залихвацки – обеими ногами на одну сторону.

– Я? – удивился Белохвост. – Не ты ли просила не убивать его?

– Так ты и послушал меня! – усмехнулась девушка, под взглядами воинов оправляя полосы поддоспешника, короткой кожаной юбкой свешивающегося с панциря и не очень-то скрывающего обтянутые кожаными штанами девичьи прелести. – Так зачем ты помиловал его?

– Если совсем честно – не знаю, – пожал броневыми наплечниками Белый. – В тот момент мне показалось это правильным.

– А сейчас? Он же увязался за нами, – спросил Тол, оглядываясь.

– А сейчас не знаю. Может, он хочет ночью зарезать меня, – сказал Белый, косо посмотрел на кожаный панцирь своей любовницы, соблазнительно изогнутый под форму ее груди, – или нашего мага Жизни.

– И кто ему даст? – сказал ехавший рядом с Синькой циркач, чья очередь была сегодня охранять девушку. Он был лицедеем, Мастером Тысячи Лиц, потому сказал это голосом Корня, очень похоже изобразив акробата, потом лицо его стало похожим на лицо Белого и голосом командира он сказал: – Пусть только попробует!

Сама Синька лишь усмехнулась, поправляя ремень самострела Стрелка, впилая глазами в лицо Белого.

– Так зачем ты оставил его в живых? Неужели ты думаешь, что он вот так вот переметнулся? – спросила она.

– Нет, не думаю. Так не бывает. Всю свою жизнь он служил Змеем, имеет нашивки десятника и за десяток лет службы и вдруг предал властителя? – Белый пожал плечами, повторив: – Так не бывает. Но он единственный из Змей, кто не боялся меня и не испытывал злобы, которая обратная сторона той же монеты – страха. Просто в тот момент мне показалось, что так – верно. Так – правильно. Ключевое слово здесь «показалось». Потому, Корень, пусть твои ловкачи глаз с него не спускают. Как начнет дергаться не в такт – валите, как Тварь, без сожаления.

– Такое возможно только, – задумчиво сказал Тол, – если он давно тяготился своим положением и давно ждал шанса его изменить. Бывает так?

– Все же я присмотрю за ним, – пробасил Корень.

– Так я и не настаиваю, – пожал плечами Тол, – лишь размышляю.

– Хватит об этом, – прекратил обсуждение командир, – Тол, докладывай, что узнал.

– Стражи заставы и этот выродок, Ворона, думают, что в городе от сотни до трех сотен воинов, в основном – стража. Всю свою конницу Уж увел на юг. Они Лебедей воюют.

Взгляды всех советников скрестились на лице командира, но его лицо было спокойно, сосредоточенно.

– Продолжай, – велел он.

– Стрелка Ворона продал Мастеру Боли. Стрелок в жертвенных загонах.

– Рассказывай про систему обороны города, – приказал командир.

Советники как могли приблизились к командиру, чтобы не упустить ни слова. Белый мысленно усмехнулся. Ну, Старый, посмотрим, как работает твой «мозговой штурм» и этот,

как его, а-а... «коллективный разум»! Белый едва заметно скосил глаз на Синьку и Мать Жалею. Старый считал, что женщины неуместны при этих хитростях разумников. Посмотрим. Правда это или старческое женоненавистничество? Все же эти две женщины – не самые глупые из их бабьего племени.

* * *

Все имеющиеся самострелы раздали ловкачам-циркачам. Привычные к сложным механическим инструментам, используя часто их в своих представлениях, имеющие хороший глазомер и большой опыт метания разных снарядов, ловкачи быстро освоили самострелы, пристреляли их «под себя». Поэтому следующую заставу перебили раньше чем они пискнуть успели. Стрелки-циркачи били стрелами, егеря – копьями.

Добив раненых, собрав стрелы, дозор поспешил дальше. А идущие следом воины головного отряда уже расчленили трупы, чтобы они не поднялись Бродягами, собирали трофеи.

Так же быстро взяли башни внешних валов укреплений. Ловкачи сбивали стрелами беззаботных защитников башен, они же ловко влезали по валам и срубам. На площади-смотрильне, во время своих представлений-выступлений, они обычно ловко взбирались на стоящий вертикально столб, ходили по натянутым между зданиями канатам на высоте трех человеческих ростов, что для них забраться по срубам башни?

Поэтому головной отряд прошел в открытые ворота. И только это и подняло тревогу на внутренних обводах укреплений.

Люди Гадкого Утенка втягивались в узилище между обводами, промежуток между внешними и внутренними валами, выстраивая стену щитов. Стрелки избегали на валы, чтобы быть выше стены щитов. Сам командир и маги спешили. Маги встали за спинами щитоносцев, никак не проявляя свою магию, а Белый протиснулся вперед.

– Ну, вот, орлы! Бежать нам некуда. Потому настал момент истины! Или мы победим и выжжем это змеиное гнездо, или погибнем! Но умереть лучше сразу и с оружием в руках, чем корчась от боли под жертвенным ножом Мастера Боли. За Жизнь!

– За Жизнь!

– За Честь!

– За Честь!

– За...

Ворота башни внутреннего обвода распахнулись, выпуская реку всадников. Белый усмехнулся, покачав головой. Все верно просчитали советники. Змеи все же вывели конницу. Глупо! Тут, в узилище, конница слаба. Но воеводы Ужа все ушли на юг. Оставшиеся не отличались сообразительностью и тактической гибкостью, видимо. Как и предрекал Тол, лучшие ушли. А те, что остались, безмозглые, – привыкли, что их конница им приносит победу, и применили конное построение, даже в невыгодном, для верхового построения, положении.

Конная лава растекалась вдоль вала, выстраиваясь напротив стены щитов. Белый опять покачал головой – глупо. Надо было бить клином, в ворота, пробивая строй щитов, рассекая построение ополченцев на части, отрезая от ворот. Но враги решили раздавить их, видя, что против них – просто ополченцы. Вчерашние мужики.

Кругом полетели стрелы. Ловкачи с валов и стрелки Ужа стали соревноваться в меткости. Шепот долго не соглашался с Белым, он привык, что основная обязанность мага воздуха – Щитом Воздуха закрыть войско от метательного оружия, но против прямого приказа пойти не мог. Потому люди Белого укрывались за обычными щитами. Но то тут, то там – вскрик, суэта меняющихся местами ополченцев, раненый отходит или его отволакивают в тыл.

Ловкачи тоже не просто тратили стрелы. Падали кони, падали с коней всадники. Но все это была прелюдия. На результат боя не сильно влияющая. Это надо не по десятку стрелков на

стороне, а по сотне, чтобы обстрел стал заметно влиять на бой. Должна быть такая плотность стрел, чтобы небо перекрывало. Тогда это серьезно. А так – баловство.

– Выравнивай! – услышал Белый крик Зуба.

Небольшая суeta, стена щитов выравнивается. Белый отступил на шаг, встав впрытик к щитам, почти прижавшись к ним спиной.

– Командир! – услышал Белый несколько голосов из-за щитов.

– Не робей, ребята! Побьем мы этих людоедов проклятых! – закричал Белый. – Сжали ягодицы! Ни шагу назад! Стоять, как на кол насаженным!

– Уплотняй! – зычный крик Зуба прокатился над строем.

Белый достал свой длинный меч, взмахнул им витиевато, показательно сложно и красиво, привлекая к себе внимание – и своих, и чужих.

– Первый ряд! На колено! – крик Зуба. – Уплотняй!

Конная лава начала разбег.

– Копья! – кричит Зуб.

Ополченцы подняли лежащие на земле копья. Частокол копейный ошетинился против конницы, вызвав смятение атакующих. Что еще больше усугубило их положение – набрать ударную скорость на таком коротком разбеге сложно. А сумятица первых рядов еще сильнее снизила их потенциальную ударную способность.

Белый и сам впервые оказался на пути атакующей конницы. Пешком, стоящим в ожидании удара. И это было очень волнующе. Даже Белому, который давно приучился подавлять свой страх. Грохот сотен копыт, дрожь земли, сотни воинственных криков, блеск и лязг оружия.

– Стоять! Стоять! – взревел Белый, поняв, что если даже ему не по себе, то людям за его спиной так страшно, что моча, небось, кипятком по ногам хлещет.

И когда до сплошного вала всадников осталось буквально несколько шагов, Белый почувствовал всплеск Силы, выброс магии. Белый выматерился – все же маги послушались его. Прямо из-под ног Белого вылетели Клыки Земли.

Со всего разгона кони напарывались на эти каменные колья, погибали, ломали эти каменные шипы, всадники летели через коней, их затапывали следующие всадники. Крики боли, крики отчаяния, атакующие кличи, грохот!

Привычная Белому музыка боя.

Тут же звуки стали глуше, отошли на задний план – Белый погрузился в Упоение Боем. Прямо на него летел всадник, занеся над головой меч. Белый чуть скользнул в сторону, его меч порхнул на уровне колена, тут же испуганным тетеревом взлетев вверх. Дикий крик лошади, которой перерубили ноги, и человека с подрубленной правой подмышкой, летящего через голову коня прямо на частокол стальных наконечников.

Белый приставным шагом скользнул вперед и левее, поднырнул под удар следующего всадника, лишь самым кончиком своего меча чиркнув его в открытое лицо, а вот следующего меч, порхнув над головой Белого, как крыло птицы, ударил в грудь, разваливая грудную клетку вместе с кожаным панцирем и стеганым поддоспешником.

Белый бешеной, скверной белкой крутился на небольшом пяточке, уворачиваясь от ударов, не рискуя принимать удары на клинок, жалея меч, рубил в ответ, колол, подсекал. Удар, уворот, удар, прыжок, укол, скользнуть под конем, используя меч, как рычаг, – выкинуть всадника из седла.

Вцепившись в луку седла, Белый прыгнул, втекая в седло, поймал поводья, дернул, вонзая шпоры в бока коня. Заржав, конь поднялся на задние ноги, разворачиваясь.

Меч Белого, как топор палача, взлетал и падал, взлетал и падал. Белый уже не пытался ловчить. Он просто казнил Змей, игнорируя их удары и уколы, – броня Стража Драконов легко сносила все эти тычки оружия в ослабевших от ужаса руках Змей.

Настал момент, когда рубить стало некого. Длинные жала наконечников копий ополченцев пронзили последних противников вокруг Белого.

– Вперед! – взревел Белый, вознеся свой длиннющий, черный от крови меч над головой. – Ура!

– Ура! – подхватило ополчение незнакомый, но емкий клич.

Белый не оглядывался, не видел, как ополченцы карабкаются по телам людей и коней, как закалывают раненых и придавленных Змей, как очумело крутят головами. Как раненые пытаются подняться, выбраться из-под мертвых тел, как Зуб, кривя рот, зажимая бок локтем, сплевывает юшку с очередными обломками зубов, пытается командовать, но он не в силах перекричать дикую какофонию битвы. Белый не видел, как Корень встал поперек дороги магам, не дав им участвовать в битве, как угрожал их расстрелять из своего самострела, блефуя – спецболтов не было.

Белый видел только обезумевших в азарте битвы ополченцев, что бежали без всякого строя вокруг него, сверкая безумными глазами, разинув рты в бесконечном крике:

– А-а-а-а!

Ворота внутреннего обвода были распахнуты. Их пытались закрыть, но люди плотно забили своими телами воротный проем. Белый стал нещадно бить шпорами коня в нежное подбрюшье, конь хрипел, но удалось набрать, хоть малый, но – разгон. Белый врзался в плотную толпу всей массой разогнавшегося коня и высокого человека в броне. Пробив затор, как палец пробивает ватную пробку в горлышке бутылки.

Образовавших эту пробку Змей ополченцы даже не закалывали и не рубили. Их просто затоптали.

За воротами люди растекались, как патока из опрокинутого ведра. В личину шлема Белого ударила стрела. Белый дернулся. Шлем был односторонне прозрачен, потому воспринимался, будто его и нет. Стрела была отбита прозрачной изнутри личиной. Белый посмотрел на башню. Стрелок опять выставил самострел, но, вскрикнув, выронил самострел и ввалился внутрь. У ног Белого один из ловкачей Корня матерился – самострел стрелка Змей, упав с башни, раскололся, растаптываемый в труху ногами ополченцев. Ловкач одним слитным движение рук, ног и спины натянул тетиву, наложил на ложе стрелу, вскинул самострел, выцеливая башню.

Город был окружен еще и каменными стенами. Разбитые Змеи обтекали короткую стену щитов своих соратников, вливались в закрывающиеся ворота, прыгали на поднимающийся мост.

Белый опять дернул поводья, опять, в кровь, разрывая губы коня, опять дал ему шпорами в бока, вызвав уже не крик, а хрип, погнал коня на эту однорядную стену щитов.

– За мной! Вперед! Ура! – закричал Белый.

– А-а-а-а! – ответила ему толпа ополченцев, бросающих щиты и шлемы, берущих копыя наперевес.

Белый понукал хрипящего коня, набирая разгон, нещадно бил его шпорами и плоскостью клинка. Перед самым строем щитов и наконечников копейных Белый дернул поводья, вонзил шпоры в коня, поднимая его на дыбы, посылая в прыжок на копыя. Чужой конь, не жалко. Сам Белый выдернул ноги из стремян, оттолкнувшись, прыгнул с падающего коня, тараном проламывающего стену щитов, кувыркнулся в воздухе, как циркач, приземлился на ноги, гася силу полета, упруго проседая до самой земли. Отсюда же, от земли, взмахнул мечом, подрубая ноги щитоносцам, которых уже опрокидывали ополченцы, в безумном азарте боя лезущие прямо на копыя, хватавшиеся за наконечники – прямо голыми руками, отводя их в стороны или не давая вырвать наконечники из своих тел.

Как волна грязевого потока перехлестывает через бревно в канаве, так и ополченцы перевалились через тонкую и короткую стену щитов, перебив, затоптав щитоносцев-копейщиков.

Белый запрыгнул на поднимающийся мост, пробежал по нему, зарубив опоздавшего врага, к воротам. Но, почувствовав, что никто больше не успел запрыгнуть на мост, Белый пробежал обратно и спрыгнул с моста среди тяжело дышащих ополченцев.

* * *

– Что встали, – взревел Белый, – как бараны! Где ваши щиты? Сейчас со стен стрелять начнут! Укрыться за щитами! Стройся! Бегом!

Его голос встряхнул людей, а его оплеухи и пинки придали им направленности. Площадка перед рвом опустела.

– Эй! Там! Наверху! – крикнул Белый, поднимая голову. – Открывайте ворота! А то хуже будет!

В ответ – ругательства. Белый пожал плечами, отмахнулся от стрелы, пошел к ополченцам, что спешно пытались построить «черепашу», нисколько в этом не преуспевая, не имея навыка и привычки. Они только два раза строили учебную «черепашу», но в пылу боя последовательность действий выветрилась из голов.

И этим Белый был расстроен намного больше, чем закрытыми воротами. У него были маги. А у Змей – нет. В современной войне – при отсутствии магов у защитников и при их наличии у нападающих – ворота, стены и рвы нисколько не защищают. Но, с другой стороны, при наличии магов, но отсутствии стен участь защитников также печальна. Именно поэтому все до сих пор строят стены и башни.

Понадобился час, пока беспорядочная суeta войска Белого хоть как-то упорядочится. За этот час успели подтянуть всех отставших, построиться, перевести дух и немного успокоиться. Именно поэтому Белый и не торопил своих старшин, и сам не вмешивался. Людям надо выйти из состояния боевого безумия. Оно, безумие это, помогло не имеющим опыта ополченцам одолеть – пусть и ценой излишних потерь, но одолеть – Змей. Но в теснинах городских улиц и дворов безумие – плохой помощник. Потери возрастут до неприемлемых. И почти победа обернется разгромом.

Именно поэтому целый час воинство Белого ничего не делало, строясь под стрелами Змей. А сам Белый, чтобы не скучать, распекал Зуба, что опять «подставился» и был в очередной раз ранен. Белый крыл его и материл, часто, с некоторой ностальгией применяя речевые обороты Старого. Юноша напоминал Зубу о роли командира в бою, о его ценности и недопустимости гибели командования в бою, неизбежности поражения, вытекающего из этого.

– Кто бы говорил! – бурчит Синька, протискиваясь через строй к ним. – А сам – так рванул, что догнать не смогли! Да еще и один в ворота залез. Хорошо хоть, что одумался.

– Лекарь! – рявкнул Белый. – Тебе заняться нечем?

– Молчу-молчу, – вздохнула Синька, наложив руки на рану Зуба, подув ему в щербатое лицо. – Бегу-бегу!

Ополченцы пропустили ее, смыкая щиты за ее спиной, держа их крышей над головой девушки, оголяя собственные животы.

– Комок? Шепот? – обернулся Белый к магам, махнув рукой на Зуба. – Готовы?

– Давно уже. Твоей команды ждем.

– Он сказал «поехали!» и махнул рукой, – вздохнул Белый, махнув рукой.

Поднятый мост и ворота за ним затрещали от магии Комка, а Воздушный Кулак Шепота их разнес на отдельные брусья и доски, посыпавшиеся в ров. Черепаша пришла в движение, руководимая ожившим Зубом.

Накрытый щитами плотный строй дошел до рва и застыл. На щиты полетели камни, бревна, стрелы. Но все это бессильно скатывалось по полусфере Щита Воздуха. Теперь ни к

чему было скрывать магов, ни к чему было им сберечь Силу. Битва за Ужгород почти завершена. Змеи – сломлены. Осталось – добить. И как Старый говорил – «зачистить».

Черепаша вспухла. Чуть раздалась. Внутри нее началось движение. В ров полетели бревна, доски, камни, разбитые щиты, узлы с землей и обломками, даже – тела павших врагов. Одним словом – весь подручный мусор.

В разбитых воротах, в проеме башни, Змеи выстраивали свою стену щитов. Белый посмотрел на Комка, который с нескрываемым весельем смотрел на Змей. Чем плотнее встанут защитники города, тем большую жатву соберут Клыки Земли. Стоящий рядом с Комком Тол, разумник, что-то шептал, его руки и пальцы плясали.

Говорят, разумники – не боевые маги. Пусть говорят. Но, если бы не поддержка разумника, ополченцы бы не смогли совладать со своим страхом, что уж греха таить, и были бы просто растоптаны конницей. Посечены – в спину.

Эти ополченцы очень боялись Змей. Очень... Это теперь они, бравируя, переругивались с защитниками города. Теперь, испив горькой настойки победы. Но совладали бы они с собой перед лавой накатывающейся конницы без ментальной поддержки разумника? А? То-то!

А сейчас Тол готовит то же самое, но – наоборот. Не усиление решимости воинов, а ослабление воли врагов.

Когда ров был засыпан, маги ударили. Многоголосый вой поднятых на скальные пики людей обратил в бегство остальных.

Черепаша распалась. Воины Белого побежали по насыпи в проем ворот, под стрелы и потоки кипящей смолы, сгорая заживо, затаптываемые следующими ополченцами, желающими быстрее проскочить смертельную ловушку и ворваться в ненавистный город. Несколько человек соскользнули с насыпи, барахтались в грязной жиже, наполнявшей ров.

– Убивайте! Все! Всех убивайте! Выжжем змеиное гнездо! – кричал Прибыток бегущим в атаку воинам, никак не реагируя на яростную жестикуляцию Белого, – не по голове шлем Прибытка – сполз ему на глаза. Он орал, повиснув на балке, не в силах поправить шлем. Так и орал, пока Белый латной перчаткой не сбил ему шлем на землю.

– Ты что творишь, безумец! – кричал Белый в лицо Прибытка.

– Сжечь всех! Всех! – орал бывший купец, вращая полоумными глазами. – За детей наших! За жен! За ...!

Белый отвесил ему подзатыльник. Прибыток плюхнулся на задницу, зарыдал, некрасиво разинув рот и перекосив лицо. Плечи его ходили вверх-вниз, его трясло.

Белый сплюнул и прошел дальше. Его отряд стражи, вновь собранный бдительным Корнем, уже сверкая красным ухом и синей точкой на носу (пальцы у Синьки очень сильные), больше не хотел пережить ни тревог за командира, ни обидных высказываний и щипков сестры, велел пятерке крестоносцев и магам ни на шаг не отпускать Гадкого Утенка.

Тем более, что битвы уже никакой не было. Наступило безумие. Редкие Змеи бежали в детинец, ополченцы резали всех подряд, надолго застревая в каждом доме, в каждом подворье. Даже крестоносцы поддались этому безумию, наконец – сорвавшейся пружины.

Все эти «композиции изобразительного искусства Хаоса», как сказал бы Старый, распятые тела, многие из которых бились на распятых, переродившись в Бродяг, все эти головы на пиках, растянутые, как знамена, человеческие кожные покровы, запеченные и сваренные куски человеческих тел на столах в домах. Человеческие останки и головы в выгребных ямах – как тут не озвереть? Да и общая атмосфера безумия, скверны довлела над городом.

Белого и самого потряхивало. То же он видел и в глазах своего отряда – искры безумия. Но Белый сдерживал себя, сдерживал этих людей, говоря:

– Чем мы будем лучше них?

Кое-где уже начали подниматься дымы пожаров, неизбежных в таком беспределе.

Белый вел свой отряд по залитой кровью и нечистотами, заваленной мусором и телами главной улице к холму, коронованному замком Ужа, где укрывались последние защитники Ужгорода.

Тол помог им справиться с порывами безумия. Но появилось другое – стойкое и навязчивое желание бежать. Бежать из этого мерзкого места подальше. Отмыться в чистой воде трех рек и трех родников. И больше никогда близко не подходить к этому проклятому месту!

Какой-то ополоумевший, окровавленный до самой макушки ополченец вылетел из ворот подворья, вскинув копье, кинулся на всадников, но, узнав, выронил копье, рухнул на колени, взвыл волком, стал рвать на себе одежду, сдирая кожу с лица ногтями. Тол, взмахнув рукой, успокоил воина, тот сжался, как младенец, прямо в грязи, тихо всхлипывал, зажмурившись.

– Безумие заразно, – Белый тяжело вздохнул. – Но кто, если не мы, положит этому конец? Никто ему не ответил, пряча глаза.

– Открывайте ворота, сложите оружие! – крикнул Белый. – И я обещаю вам легкую смерть!

Никто ему не ответил. Замок как вымер. Белый махнул рукой. Уже отработанным приемом маги ослабили ворота и выбили их. Отряд Белого заехал в мертвый двор, заваленный растерзанными телами.

Спутники Белого переглянулись меж собой.

Замок был пуст, но завален порванными останками людей, залит кровью.

Что за демоны развились тут? Жертвенные клетки были порваны, будто они были не из полос железа, а из холста.

– Их рвали когтями. Мастер Боли выпустил каких-нибудь Тварей?

Воины со знаками различия Змей лежали там, где сражались. В нагромождении трупов нашли и Тварь.

– Что это, Тол? – удивленно спросил Белый, на всякий случай еще раз пронзив уже обезглавленное тело.

– Бродяга. Новый вид Бродяги.

– Есть выживший! Сюда! – крикнул сверху один из крестоносцев.

Они побежали по лестницам, заваленным трупами, среди которых стали попадаться и эти странные Бродяги, с волчьими мордами и длинными когтями. Но были это не звери. Это были, несомненно, люди. Что и как с ними сделала Темная магия – вопрос интересный, но – не важный. В данный момент.

В достаточно большом зале, заваленном телами, залитом кровью и расписанном кровавыми рунами, крестоносец стоял над телом человека с цепью управляющего, извлеченным из груди тел бойцов и аж трех длинномордых Бродяг. Тол поспешил к раненому.

– Убей меня, каратель! Убей! – взмолил управляющий.

– Если заслужишь смерти, – мотнул головой Белый. – Где Мастер Боли?

– Он, мразь, вызволил этих Тварей. Сказал, что Призванные растерзают вас. Но демоны кинулись на нас, а Мастер Боли ушел подземным ходом.

Слабая, дрожащая рука управляющего указала на потайную дверь. Крестоносцы побежали к потайному ходу.

– Стойте! Там – ловушки! – слабо закричал раненый. – Вам не пройти. И он обвалит вам кишку хода прямо на головы. Их там около десятка. Они несут жертвы. И на выходе их ждут кони. И отряд наемников.

– Ты уже заслужил смерть, мерзость, – кивнул Белый. – Может, заслужишь жизнь?

– Я не хочу жизни. И смерти боюсь. Слишком много мы нагрели. Сли...

Тол выпрямился. Управляющий умер.

– Смог что взять? – спросил разумника Белый.

– Я свое – возьму, – кивнул разумник, взяв из рук крестоносца меч и ловким ударом отрубив голову управляющему. – Он теперь от меня не убежит.

Меч он вернул крестоносцу, а голову привязал к поясу, связав космы управляющего узлом. Белый смотрел на Тола, думая, что это приключение уже сильно ожесточило им сердца. До каменной, кремневой твердости.

– Куда выходит подземный ход? – спросил Белый.

Тол задумался, перебирая пальцами, будто листал страницы книги.

– Там. Туда он выходит, – ответил Тол.

– Есть выжившие! – послышался крик с другой башни.

– Так, – Белый поднял руку, чтобы привлечь внимание побежавших людей, – я – за Мастером Боли, вы – закончите тут, с этим городом.

– Мы с тобой! – мотнул головой Комок.

– Тут маги нужнее. Вы же знаете – меня нельзя убить! – отмахнулся Белый.

– Если бы это так и было, слова бы никто не сказал, – твердо заявил Комок. – Мы – с тобой!

И тут закричал крестоносец.

– Эти Твари живы! Помогите!

– Ты, ты – со мной! – ткнул пальцами Белый в наиболее молодых крестоносцев. – Маги, зачистить тут все! Вперед, сукины дети! Там наших убивают! Вперед! А там наших уволакивают! И их доля – страшнее смерти! Молчать! Исполнять!

* * *

Светило стояло уже в зените, когда Белый подошел к распахнутым воротам. Видя его, люди выпрямлялись, лица их вспыхивали, они склоняли почтительно головы. Белый кивал в ответ, ему было немного лестно видеть, что переживали, волновались за него, рады его возвращению. Живым. Все же его больше суток не было.

Весть о его возвращении достигла нужных ушей, и вот уже скачет циркач-пересмешник, ведя коня для командира. Видя вопрос в глазах, Белый покачал головой, вскочил в седло, поскакал вслед за пересмешником.

Ополчение кучковалось к лазарету, а он разместился на главной площади, очищаемой сейчас от падали. Ставка разместилась в таверне, которую отчистили от тел, но еще не отмыли от крови и нечистот.

Навстречу бежала Синька. Белый еще издали покачал головой, жестом останавливая девушку. Белый спешил к таверне, кивнул склонившимся людям, вошел в зал. Совет валялся на столах, застеленных скатертями и занавесями прямо по крови.

При появлении Белого все встали.

– Я не смог догнать Мастера Боли, – покачал головой Белый. – Когда мы увидели их отряд, он выставил заслон. Мы пробились через заслон. И тогда он применил какую-то магическую сеть. Похожа на рыболовную, крупноячеистую, но из Света. И она упала сверху. Даже коня развернуть не успел. Только и смог – выпрыгнуть с седла и откатиться в сторону. Коня и воинов – на куски. Сеть режет все, как... Как не знаю что. Все – на куски! Размером с кулак. Даже мечи.

Белый сел на угол стола, сняв шлем.

– Ну, а пешком мне и смысла за ними не было идти. Пожрать есть что, кроме блевотины и человечины?

– Есть, командир. Ты сейчас наши доклады выслушаешь или позже?

– Одновременно. Одно другому не мешает. И вино бы не помешало. Что-то я устал. Здравствуйте, кстати! Синька, стрекоза, сколько у нас потерь?

Но ответила не девушка, а Мать Жалея. В процессе ее доклада Белый так и уснул. Сидя и с куском хлеба во рту. Его осторожно положили на стол, накрыли плащом и войлоком, под голову положили рулон свернутой ткани. Все отошли. Но через десяток минут, прервав обсуждение, один за другим советники разместились на соседних столах. Прямо в броне и в сапогах, обнимая мечи и посохи.

Несмотря на всю жестокость обезумевших атакующих, за сотню пленных все же было.

«И лучше бы их не было вовсе!» – сокрушался командир. Потому что, что делать с этими детьми и женщинами, он не представлял. Убивать их – сейчас, когда безумие схлынуло – рука не поднималась. Оставить их тут, в этой скотобойне, – бесчеловечная жестокость. Но и к себе присоединять, заботиться, кормить и защищать людей, поедавших твоих родных? Людоедов? Какое решение принять?

Было и несколько десятков бывших жертв, вызволенных из жертвенных клетей. Большинство из них оказались такими же людоедами, в результате внутренних конфликтов попавшими в клетки.

Но радовало то, что захватили большое количество трофеев. И – сокровищницу Ужа. Золота там было немного, а вот разные редкости и ценности маги оценили очень высоко. Ополченцы спешно перевооружались, подгоняя комплекты защиты под свои тела и оружие под свою руку.

И состоялся очень неоднозначный разговор с Зубом и Жалеей. Белый в очередной раз стал орать на Зуба, который опять чуть не погиб в подворьях Ужгорода.

И вот Белый задал один из обычных вопросов:

– Что у тебя там поперек головы стоит, что ты сражаешься, как новобранец зеленый? Тебе что – жить надоело?

В ответ Белый увидел совсем неоднозначную реакцию. Причем – у обоих. И у Зуба, и у Жалеи, что приперлась на очередное профилактическое пропесочивание воеводы. Внимательно наблюдая их переглядки, Белый понял, что с их скрываемыми отношениями надо что-то делать.

И давно надо было что-то делать, но все как-то не до этого. Более срочные, более важные дела отодвигали дела сердечные на задний план. Белый вдруг понял, что даже он Синьку последний раз целовал еще до пропажи Стрелка. Как раз Бруска и таскался за ними, слушая все их ахи-вздохи. Охранял их. А вот Белый Бруску не уберег...

– Ладно, будем считать, что профилактическое пропесочивание завершилось. Эй! Шкет! – окликнул Белый мальчишку-посыльного, что никак не мог налюбоваться своим кинжалом, колот и резал им собственную тень.

– Да, мой Ал! – мальчишка спрятал кинжал за спину, подбежал, склонился.

– Вина принеси и кубки. И Совет собирай. Вина и кубков на всех, – велел Белый.

Мальчишка побежал быстрее ветра. Столкнувшись в дверях с Корнем, он ему радостно сообщил:

– Мне властитель дал имя!

– Да? И какое? – удивился Корень.

– Шкет! – возвестил гордый вестовой, прошмыгнув под рукой Корня в дверь.

Корень прошел к столу, плюхнулся на стул, только потом пододвигая его к столу вместе с собой. Стул даже не скребыхнул по полу – акробат ведь ловкач!

– В пределах дневного пешего перехода – мертво, – доложил Корень, доставая и раскалывая рулон с картой, – по всем трем дорогам. Самострелы раздал, стрелы – распределены. Мои стрелки учат тупорыликов Зуба. Трупы вонять начали.

– Знаю, – кивнул Белый, – уходить надо. А наши уважаемые и весьма почтенные никак друг с другом не разберутся.

– И ты для этого Совет собираешь?

– И для этого – тоже.

– Да где этот Шкет! – возмутился Корень, вложил пальцы в рот и оглушительно свистнул: – Если вина не будет – Улиткой переименую!

– Твое слово – против властителя – не катит, – заявил Шкет, входя в дверь и с трудом неся заставленный поднос.

– Поговори мне еще! – грозно пригрозил Корень, потом наклонился к Белому. – Что значит «Шкет»?

Белый пожал плечами. Корень усмехнулся. По одному приходили советники, рассаживались на отскобленные стулья за отскобленный стол, осушали кубки, вываливали свои затруднения. Стремительно нарастал ставший уже привычным гвалт, когда говорят все одновременно. Последней пришла Синька, не являющаяся советником, но как маг часто присутствующая на Совете и активно в нем участвующая.

Белый отодвинул стул по левую руку от себя, усаживая девушку. И это простое действие как-то сразу обратило на себя внимание. Все замолчали. Раньше Синька сидела по правую руку от Жалеи. Место по правую руку властителя – место Стрелка – пустовало. И место по левую руку пустовало. Всегда.

Всегда по левую руку властителя на пирах и приемах сидела его жена – властительница. И вот – по левую руку командира, смущаясь, сжалась на стуле Синька.

– Я вас собрал сегодня не только для того, чтобы решить, когда и куда пойдем... – начал Белый.

– Мы... решим? – спросил Корень. Он был простолюдин и всюю пользовался пробелами в знании правил поведения, прервал Ала, что выглядело дерзостью.

– Я вас выслушаю и приму решение, – кивнул командир, – как обычно. Но сначала мы займемся другим недоразумением.

Зуб и Жалея опустили головы.

– Кто-то из вас знает, остальным – сообщаю, что я очень хорошо знаю человека, которого Мать Жалея называла Игреком. Лучше меня его знал только Стрелок. И когда Стрелок вернется – подтвердит мои слова.

Все отметили, что не «если вернется», а «когда вернется Стрелок».

– И на эту тему был отдельный разговор. И не раз. И Игрек вас, Матери, очень сильно ругал. И очень нехорошими словами.

– Это за что же? – опять встрял Корень.

– За их тупость, – ответил Белый, хищно оскалившись. – Он им запретил беспорядочные связи с мужчинами. Так как их было мало, а благодарных самцов на войне – завались! Но эти курицы пустоголовые вообще приняли обет безбрачия! Представляешь, как он ругался?!

Корень откинулся и блаженно зажмурился:

– Дед брехал красиво! Заслушаешься!

Корень, Синька, Белый и лицедей, чья очередь сегодня была охранять Синьку, заржали, потому как лицедей очень похоже изобразил лицом Старика и выдал его голосом непонятный речевой оборот.

Советники переглянулись меж собой. Все же непривычно думать, что легендарные люди, герои сказок – это не выдумка, не что-то придуманное баюнами, а – реальное, часто настолько близкое, что можно рукой потрогать. Вот – аж четверо человек, что лично знали Игрека, называли его, по-свойски – Старым, Дедом, а еще Стариком.

– Поняла, Жалея? – спросил Белый с посерьезневшим лицом. – Вся ваша проблема – кости выбеленного Бродяги не стоит. А еще Старый говорил, что любовь – величайшая ценность в человеческой жизни. Многие проживают жизнь, так и не обретя любовь. А уж добровольно отказываться от любви и счастья – вообще дурость. Завтра тебя, Зуб, в очередной раз

прибьют, а Синька тебя спасти не успеет. И к какой судьбе вы приговорили своего ребенка? К судьбе выродка? А? Потому – встаньте! Рядом!

Белый достал из пояса и надел на палец, показав всем, перстень с гербом Дома Лебеда.

– Ал Сбитый Зуб! Согласен ли ты взять в жены эту женщину – Жалею? Содержать ее, заботиться о ней, защищать ее?

– Да, конечно! – ответил удивленный Зуб.

– Мать Милосердия Жалея, согласна ли ты встать за мужем, знатным Сбитым Зубом, хранить его Честь, его Кровь и Очаг?

– Да! Конечно! – пискнула Жалея, слезы которой передавили ей горло.

– Правом, данным мне моей Кровью, Силой, данной мне Создателем, Законом, данным мне императором, объявляю тебя, Зуб, и тебя, Жалея, мужем и женой. Храните друг друга, пока Смерть не разлучит вас. Жених, поцелуй свою невесту.

Но вместо поцелуя Зуб и Жалея падают перед Белым на колени.

Белый начал ругаться, вырывая свои сапоги из рук своих советников.

– Зуб! Бл... ты старая! Да очнись же ты! А вы что ржете? Да уведите же этих влюбленных безумцев! У вас – отгул до завтра! До завтра, я сказал! Да уйдите же вы!

Зуб поднял Мать Милосердия на руки, она обхватила его за шею. Так, пряча лица друг у друга в волосах, и вышли.

– Шкет, проследи, чтобы шеи себе не переломали от радости! – крикнул, свистнув, Корень.

Пока все смотрели в спину новобрачным, Синька дернула Белого за рукав:

– А мы? – спросила она шепотом на самое ухо Белого.

– А вы – еще маленькие! – так же шепотом ответил им Корень, что не только услышал, но и умудрился прежде ответа Белого прибежать к ним, сунуть свое лицо между ними, сказать, а потом еще и оттереть Синьку от командира.

Корень тут же вцепился в локоть сестры, незаметно, но силой усадив ее за стол, возвестил:

– Торжественная часть окончена? Хорошо. Пора вернуться к делам! Синька! Ты готова доложить по состоянию наших раненых?

– Готова.

– И чего ты ждешь? Пока пададь не переродится в Бродяг? Работаем!

Белый схватил Корня за бычью шею, потряс его, сказав:

– Растешь!

– А то! – ответил Корень, выкручиваясь от захвата и садясь на стул наоборот, верхом, развернув его спинкой к столу, наливая сам себе вина. Потом, подумав, налил и Белому из того же кувшина. Нарочито проигнорировав кубок Синьки – мала еще!

* * *

Караван выходил из горящего города.

Повозок не стало больше, а вот коней – намного больше. Намного. Кони были навьючены до предела. И все равно – очень многое из того, что хотелось бы взять, безжалостно бросалось. Бросали даже золотые изделия, если они были габаритные и тяжелые. Вместо золота брали зерно для прокорма коней. И магически сохраненную конину – для прокорма людей. Кроме конины другого мяса не было. Не считать же человеческое мясо едой?

Кстати, по этому человеческому мясу возникло несколько вопросов. Первое – Белый попросил магов разобраться, как была сохранена человечина, которой были заготовлены огромные подвалы аккуратных мясных брусков. И этим вызвал целую бурю с трудом скрываемых эмоций магов и остальных советников.

– Ты собрался использовать это мясо? – привычно спрашивает Комок.

– Синька, посмотри, наш Старший Маг – не перегрелся? А? Ты что такое говоришь, уважаемый? Я – моряк. Все детство я провел не в Пустошах, а – в море. А знаешь, что самое страшное на корабле?

– Пожар, – ответил Шепот, передернув плечами.

– Тухлое мясо – самое страшное. Люди травятся, но жрут, от голода. Насколько возрастет дальность морских переходов, если мы разберемся, как они сохраняют мясо? Мясо же бывает не только человеческое? Так?

– Да и дальность пеших переходов, – кивнул Корень.

– Мы попробуем разобраться, – склонил голову Комок. – Прошу простить меня за дерзость.

– Пустое, – отмахнулся командир.

– Тут еще проблема, – поднял руку Тол. – Я сверил книги учета этого мяса.

Все уставились теперь на него.

– Мне надо было, для себя, хотя бы понять – сколько они людей извели. И для чего они это сделали? А у них оказался очень строгий учет жертвенного мяса. У них – даже у казначея – учет кое-какой. А мяса – такой, какого я и не видел никогда! Что-то новое. И – очень толковое!

– Новое, говоришь, толковое, – Белый нахмурился. – Запахло тухлятиной... Тухлыми пауками...

– Так вот! Я сопоставил приходные книги. И вычислил, сколько тысяч человек они извели, мрази. Но они учитывали все. Весь расход. И – сколько осталось. Но на две трети – не сходится. Две трети мяса – просто испарилось. Или его увезли так, что никто не видел. Ни у одного я не нашел воспоминаний о вывозе тысяч возов мяса.

– Пауки, – выдохнул Белый, – старый враг! Мы теперь для них не только куклы на нитках, а – пища.

И от слов Белого всем стало вдруг зябко.

Белый обернулся и посмотрел на навьюченных тюками коней и ослов. Со способом сохранения мяса маги разобрались быстро. Каждая отдельная составляющая этого способа магам была хорошо известна. Любой маг воздуха или воды, ну кроме совсем ленивых, умел убрать лишнюю воду или водяной пар из куска мяса. Почти любой из магов этих стихий, не задумываясь особо, магией сушил себе промокшую одежду. И многим было знакомо заклинание Стазиса из общей школы. Просто никто не пытался применять Осушение вместе со Стазисом – к еде. Поняв это, маги – да и сам Белый – были немало удивлены такому простому, но хитрому решению. После обработки мясо должно было быть помещено в Поле Стазиса, а артефакты, генерирующие это заклятие – не редкость, изготавливаются даже слабыми артефакторами, и легко могут обеспечить, чтобы воздух, а соответственно и пар, не имел доступа к заготовкам.

Шепот чуть ли не сутки подряд работал, устав скорее физически и морально – Осушение расходовало очень мало Силы. А Стазис мог обеспечить любой их маг, но он не требовался – склады Ужгорода были полны Камней Стазиса. Теперь на конях навьючены тюки, где в каждом – по артефакту и бруски конины или свинины. Но свинины – совсем мало.

Маги все поняли в этом способе, кроме жидкости, которой обрабатывали мясо ужгородцы. Этой же густой, почти черной жижей люди Гадкого Утенка пропитали кусок конины и нашли, что мясо приобрело отвратительный вкус. Потому решили обойтись без неизвестной жижи.

Пока Шепот обрабатывал приносимые ему запасы, остальные маги экспериментировали. И – развлекались. Очень уж их поразила простота и ловкость этого способа. Вытягивали воду и воздух из всего, на что падал глаз. Из уже сваренной каши изъяли всю воду. Кашу можно было вытряхнуть из котла. Получившийся сахар был безвкусным, но – легким. А если его залить

кипятком – обратно получалась каша. Не такая вкусная, как свежесваренная, но съедобная. Как только нашли этот способ, то Шепот стал «обрабатывать» не сырую конину, а варенные с травами и солью куски готового к употреблению мяса. Такие мясные сухари были намного легче вяленого мяса, а при недолгой варке в кипящей воде мало отличались от обычного вареного мяса.

И все это еще на сутки отложило выход их отряда из Ужгорода. Мясо убитых коней, забитых свиней варили всюду, безжалостно изводя на дрова для костров дерево строений и мебель Ужгорода. До первых столкновений с поднимающимися Бродягами... Убитых было слишком много в городе. Люди Гадкого Утенка просто физически не могли расчленивать каждого павшего. Некоторые и перерождались в Бродяг.

Белый опять обернулся, наткнувшись взглядом на Зуба, которого было и не узнать.

Как ни странно, наспех проведенная церемония обручения Зуба и Жалеи, по большому счету – незаконная, никак не изменила Мать Милосердия. Легкая и жизнерадостная, она осталась сама собой. А вот Зуб преобразился. Из сумрачного наемника, надевшего на себя крест, Зуб стал тем, кем и являлся всегда – воеводой, бывшим властителем. Его спина распрямилась, плечи развернулись, взгляд стал тверд и спокоен. Выражение лица перестало нести печать тяжелых раздумий, приобрело свойственное знатым – слегка надменное – выражение власти и уверенности в своем праве. Белый попросил Зуба объяснить это изменение в нем. Зуб сказал, что тень бесчестия Жалеи его так угнетала. А теперь – он в своем праве.

Но уже вечером Гадкому Утенку пришлось опять напяливать на палец печатку с гербом Императорского Дома и массово обручать сложившиеся за это время пары. Народ, видя изменения во внешнем виде Зуба, сразу выведал про их таинство брака и толпой пришел к командиру, требуя проведения ритуала. Ибо – «тяжко жить во грехе!». На удивленное возражение Белого, что он не клирик, ему был ответ: «Вы – наш владыка, князь! Вы – чище святош!»

На глаза попалась фигурка Синьки и развеселый колпак лицедея, надетый поверх шлема. Вид девушки теплом отозвался в груди Белого. Они наконец смогли вырвать время друг для друга. Белого немного удивило, что в отсутствии Стрелка «Мертвый Круг» – скрытность их отношений – обеспечивал сам Корень, до этого самый ярый противник их соединения.

Потом глаза Белого зацепились за хвост их каравана, где шли Безликие. Так они стали себя называть. Белый все же взял с собой выживших ужгородцев. Безликими назвали они сами себя. И первым был – Госш, бывший десятник стражи Ужей. Он завязал себе лицо тряпкой и стал себя именовать «Безликим». Этакий обет, как у крестоносцев. За грехи, что он совершил. А за ним – его старший внук, единственный выживший в этой бойне из всей его большой семьи. Многие видели, как он, молча, с каменным лицом, сидел, раскачиваясь, над обгоревшими телами родных, как резал себе лицо раскаленным ножом, как срезал себе волосы с головы, вместе с кожей. Если бы кругом не было безумия, не творилось бы подобное на каждом шагу, его поступок удивил бы всех. Но в тот день – все сошли с ума. От злости, ярости, отчаяния, от пролитой крови.

Тем же вечером Госш, закутанный в окровавленное тряпье, нашел Белого и попросил принять его обет. За себя и своего внука. Белый, честно говоря, не знал, что ему делать и как на это реагировать... Потому замер, не зная, как поступить. Госш молчание командира воспринял как ожидание, пал ниц и произнес Клятву Обета, самым им же и выдуманную.

И теперь их – больше двух сотен. Безликих. В основном женщины и дети. Белый вздохнул. Обуза!

Не узнать было и ополченцев. Победа над Ужами, которых они уже привыкли бояться, преобразила их. Изменили их облик и богатые трофеи, снятые с тел ужгородцев, из вскрытого Арсенала Ужа. Теперь каждый воин в отряде выглядел как бывалый наемник, а скорее – как бывалый крестоносец.

Плохо то, что только выглядели. Белый понимал, что если встретится им войско Ужа – им не выстоять. Хорошо то, что они – теперь вооруженные, бронированные, уверенные в себе – стали намного сильнее самих себя – недельной давности. И это как-то уравнивало понесенные ими потери в битве за Ужгород. Как бы ни была сильна Синеглазка, как бы ни были искусны Матери Милосердия, ополченцы, в ярости битвы не жалевшие сами себя, понесли очень серьезные потери. Под началом Зуба теперь было только четырнадцать десятков. При этом половина десятков не была сформирована полностью. В одном десятке было вообще только четыре человека. Еще трое поправятся, встанут в строй. Если бы погиб десятник, надо было бы десятков расформировывать. Но они очень просили оставить их десятком. А-а! Пусть будет так! Меньше сотни человек в четырнадцати десятках. Все войско Зуба. И это – вместе с крестоносцами.

Ловкачи Корня, которых сначала присоединили к егерям Слета под командой Стрелка, теперь поглотили людей Слета. Просто – циркачей было в разы больше. Даже сам Слет воспринимал себя скорее ловкачом Корня, чем егерем. Ловкачи все так же исполняли обязанности ближнего и дальнего дозора, вооружены и снаряжены теперь были не в пример лучше, каждый теперь был одвуконь. Все же Ужгород слыл городом коневодов.

Белый тоже ехал на новом коне. Сзади – заводной, навьюченный личным скарбом Белого – тощей седельной сумкой. Так что Белому – опять привыкать к новым коням, притирать новую упряжь и новое седло.

Если бы не чутье – не пришлось бы привыкать и притирать. Рассыпался бы на куски, как предыдущая упряжь и бедолаги крестоносцы, что даже понять не успели, что та Сеть Света не свяжет их, а рассечет на куски.

Белый посмотрел на восток. Туда, куда Мастер Боли увез Пятого. Там были земли Змей. Тол сумел восстановить из допросов пленных и снятия воспоминаний павших приблизительную картину Затемнения этих земель и жителей этой земли.

Что породило нехилую тревогу Синьки. Она не могла понять, зачем Белому самому разбираться с Потемнением. Она считала, и не без основания, что безумие заразно. Она металась, мучилась, но боялась сама поговорить с Белым, зная, что правды не услышит, что Белый ее будет успокаивать, убеждать, что все хорошо, что все – под контролем. Потому она озадачила брата.

Корень подошел к проблеме издалека. Крутил вокруг да около, так и не дойдя до прямого разговора. Ему хватило объяснения разумника. Тол ему объяснил, что Белый копается во всей этой мерзости не потому, что ему нравится, а для того, чтобы найти способ противостояния этому Помутнению. Корень ушел сильно впечатленный.

Прямой разговор состоялся только после того, как Тол доложил о метаниях и сомнениях брата и сестры. Белый вызвал их обоих и честно признался, что очень напуган массовыми сумасшествиями людей и не знает, как этому противостоять. Эта зараза может прийти и в земли Лебеда, если уже не пришла. Слишком долго Белый не был дома. И он мог застать там такую же картину – брошенные поля и сады, сожженные города, люди, пожирающие друг друга. Клирики, не защищающие прихожан, а сдирающие с них шкуру. Настоятель, не несущий Слово Создателя Триединого, а сеющий скверну и – как Темный Химеролог – создающий ужасных Тварей.

Циркачи согласились, что это – самая страшная угроза даже не им, а всем людям Мира. Но Синька была против, чтобы Белый сам этим занимался.

– А кто? – грустно спросил Белый. – Кто? Церковь? Ну, про настоятеля вы уже знаете. Император? Простое введение полков – что даст? Перебьют всех прокаженных. А если сами Имперские полки – помутнеют? Ордена Триединого Старый схлопнул.

– Схлопнул? – переспросил Корень.

– Ну, они решили убить Старого. Теперь Ордена обескровлены. Воины Света их покинули. И сам Старый схлопнулся. И-и-ех-х! Ну? Кто? Кто, если не мы? Из основного состава Красной Звезды остались только я, Пятка да Марк. И где он, Марк?

– Это не тот ли, что убил Пращура? – удивился Корень.

– Так бы Старый и дал себя убить в спину! Ага! Поверю, как же! И после этого – меня Марк выволок из пещеры до ее обрушения. Меня, а не Старого. Без прямого приказа Старика Сумрак бы так никогда не поступил! Даже если бы он предал – он выволок бы голову Старого – ради знаний, которых там было больше, чем во всем Книгохранилище университета. Но он бросил Старого, а спас меня. Значит, Старый был жив на тот момент и это – его приказ. А – зачем? Почему я, а не он? А? А не для того ли, чтобы я оказался именно здесь, именно – сейчас?

– Получается, что правду говорят, а я не верил... – тихо сказал Корень. – Если он знал все заранее... Он и есть Триединый. Триединый Старец.

– Не знаю, – пожал плечами Белый. – Он не выглядел Богом. Он казался человеком. Причем – не очень хорошим человеком. Но очень живым. Полным страстей, желаний, страхов, сомнений. И он любил. Правда, я так и не понял, кого из них. А может, всех. Если он – Триединый... Тогда... И ты, Корень – тоже Триединый. И я. И ты, девочка моя...

– Сам ты... – возмутилась девушка, но когда до нее дошел смысл слов Белого, вспыхнула, озарилась радостью. – Мальчик! Мой!

– Так! – поморщился Корень. – После намилиуетесь. Что-то я совсем запутался. Начали про заутреню, закончили – за упокой. Что делать-то? – Корень вскочил и заметался по помещению.

– Ну, как тот же Старый сказал: «Делай, что должен!»... – улыбнулся Белый, целуя пальчики Синьки.

– И что мы должны делать? – не понял Корень.

– А что мы до этого делали? – спросил его Белый.

– Тебя домой сопровождали.

– Вот и делай, что должен. Ты – глава дозора. Делай, что должен. Мне нужно знать, как идти в земли Лебеда. Мне нужно знать, как спасти названного внука Триединого.

– Все же ты думаешь, что Дед – это Старец? – замер Корень. – Сам же сказал, что он не был похож на бога.

– А как должен выглядеть бог, чтобы быть похожим на самого себя? – усмехнулся Белый, откидываясь на спинку стула. Как бы ни выглядел тощим юноша, стул жалобно скрипнул.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Корень, скидывая кольчужный капюшон и почесывая затылок. – Как по мне, Бог – велик, могуч, безошибочен, загадочен и непонятен. Каждый должен сразу ощутить его силу, его...

– Ну, ты только что описал именно Андра. Велик телом и разумом, могуч силой и мыслью, каждый сразу ощущал, что он – самое странное, что они встречали. Сколько он успел наворотить? За столь недолгий свой срок! Так? И, как оказалось, он был – безошибочен, но загадочен и до сих пор не понятен.

– Боги всегда казались чем-то очень далеким, – сказала Синеглазка, смотря в стол, – а Дед был такой... живой. Не верится, что боги бывают вот так... Так... близко. Что мы, лично, с Ним знакомы.

– И не с одним, – еще шире усмехнулся Белый. – Одна из них и не скрывалась. В открытую называла себя Матерью. Матерью Жизни и Смерти. А мы – не слышали.

Синеглазка ахнула, закрыв рот рукой. Из ее глаз брызнули слезы. Она вскочила, опрокидывая стул, убежала. Корень – молча – проследил за ней взглядом, посмотрел на посерьезневшего Белого, поклонился, тоже вышел. Белый сложил руки на стол, уронив на них голову.

Он тоже очень сожалел, что упущена возможность хотя бы еще задать пару вопросов этим... людям? Богам?

Больше к этой теме не возвращались. Но этот разговор еще больше сблизил их. Корень, державшийся показательно независимо от командира, изменил свою позицию, став верным помощником. Ну, а Синька...

Приятные воспоминания резко сменились болью. Болью душевной. Эхом невыносимой боли, которую испытывал Пятый. Белый поймал глазами Синьку. Она смотрела на него, закусив губу, сжав кулачки. Она... тоже чувствовала.

Мастер Боли опять начал пытаться их названного брата.

Белый излишне резко дернул поводья, разворачивая коня, до его хрипа. И погнал коня, обгоняя караван. Прочь! Прочь! На восток. Туда, куда увезли Пятого. Увидев его маневр, стража командира тоже прищипорила коней.

* * *

– Потери? – строго спросил командир.

– Двое ранено. Один – тяжело. Отправил их в лазарет, – доложил старшина дозора. – Убито восемь Змей, один оставлен в живых для допроса. Никто не ушел.

Тол уже спрыгнул с коня, увидев злобный взгляд пленника, с ходу пронзил его в живот, насквозь, своим посохом, пригвоздив к земле.

– Поглазей мне еще, мерзость! – прорычал маг.

Белый удивленно смотрел на Тола, невидимый за односторонне прозрачной личиной шлема. Этот поход изменил не только его. Тол не только серьезно прибавил в Силе и Мастерстве (по его словам, Белый не мог этого оценить, как бездарь), но и ожесточился. Еще месяц назад Тол ломал бы волю допрашиваемого своим Мастерством, сейчас же – посохом, болью, грубо и жестоко, без какого-либо изящества.

И это тревожило Белого. Он замечал ожесточение не только за собой, а за всеми, кого хорошо успел узнать. Не говоря уже о безумии Ужгорода. Смогут ли они снова стать людьми после этого похода? Или гниль скверны изменит их окончательно?

Тол закончил дознание очень быстро. Он выдернул свой посох, кивнув дозорному. Голова Змея откатилась от тела. Тол сам пробил своим посохом сердце уже мертвого пленного.

Перед докладом Тол немного задумался. Потом решительно тряхнул головой:

– Похоже, приплыли мы, командир, – сказал он. – Войско Змей ушло на юг, но тут остались какие-то городки Неприкасаемых.

– Неприкасаемых? – переспросил Белый.

– В этих городках они проходят подготовку и потом становятся Неудержимыми. Вот мы и узнали, куда делись дети со всех городов. И почему их не съели. Над ними проводят работу, как над Черным Братством. Детей легче перестроить. Им меняют личность. И кормят только человеческим мясом и готовят только для одного.

– Для войны. – Кивнул Белый. – Я уже понял. И сколько их?

– В каждом городке – больше тысячи, до полутора тысяч Неприкасаемых, чтобы в результате жестокого отбора получить тысячу Неудержимых. Каждый уже сильнее и искуснее любого из наших воинов. Ну, может быть, кроме тебя. И они просто не ведают сомнений и страха. Не ведают никаких ограничений, нет предела их злобе. Потому – Неудержимые.

– Беспредельщики... – вздохнул Белый, повернулся к Корню. – Старый и это уже знал. Он тебя сколько раз «беспредельщиком» называл?

– Не один раз. Только я не знал – почему. Чаще он сокращал до «беса», или, ласково так – «бесенок». Особо зверолоду доставалось. Меня он иногда называл «отморозком», хотя мы на зиму всегда откочевывали на юг, – покачал головой Корень.

– Придет время, узнаем значение и этого слова. Поймем заодно зачем он так рвался в земли, где замерзшая вода по полгода не тает, – сказал Белый, потом опять повернулся к Толу: – А сколько всего этих «беспредельщиков»?

– Этот, – Тол пнул тело, – знал о четырех городках на этой стороне. Но тут все окружено ими. Кроме того, в самом городе никогда не бывает меньше тысячи воинов. Стража города не участвует в походах. Это Уж увел все, что было. Бывший князь – не таков.

Белый отвернулся от мага. Похоже, что Тол был прав. Они, правда – «приплыли». Им не пробиться до Пятого. И еще не известно, смогут ли они освободить Стрелка, даже если дойдут до Храма Боли, что Мастер Боли не сбежит опять.

И что делать? Может, одному пойти?

То, что Синька едет к нему, он почувствовал давно. Прикосновение ее руки ничего не изменило. Белый думал уже не о спасении Пятого. А о Долге.

Синька напрасно вглядывалась в матовую гладкую сферу его шлема. Белый не изменил поляризацию забрала.

Белый повернулся к Совету, собравшемуся в полном составе за время его размышлений.

– Похоже, братья, сбылись наши худшие прогнозы, – сказал он, так и не открыв шлема. – Я опасался, что наш поход на восток будет обречен. Теперь мы узнали, насколько глубока пропасть, в которую сыпется Империя. Пришло время поворачивать на юг. Командуйте! Да, да, да! Вернемся на ту развилку, пойдем по дороге, насколько нам дадут.

– А потом? – спросил Зуб.

– Суп с котом, – ответил Белый.

– При чем тут кот? – удивился Зуб. – Дороги легко перекрыть.

– Но не перекрывали же до этого?

– Так мы сами шли в западню! – возразил Зуб. – Зачем им мешать нам – самим притащить им несколько возов свежего мяса? А вот если мы захотим сбежать от уготованной ими для нас Жертвенной Ямы, то они совсем иначе будут «дергаться».

Похоже, Зуб тоже стал применять словесные обороты Старого. Кстати, Старый!

– Старый говорил, что наступать надо там, где враг не строит своей стратегии, – сказал Белый. – Если они перекроют дороги, мы пойдем Пустошами. Бросим повозки и пойдем вычным караваном, как ходят через перевалы.

– Ха! – усмехнулся Зуб. – Хитро! Если даже я не мог и помыслить о подобном, то может сработать! Уважаемый Корень, есть дело для твоих ловкачей. Нам не столько нужны данные о враге, сколько о проходимости Пустошей. Придется вам перемастероваться в землемеров.

– Нам, безродным, что в лоб, что по лбу, лишь бы не скучать! – кивнул Корень, разворачивая коня. – Принято!

– Ну, тогда... не будем терять времени! – закрыл совещание Белый.

Как только караван развернулся и стал уходить прочь от логова Змей, эхо боли Пятого, что чувствовали Белый и Синька, усилилось.

– Они все это время вели нас, – поморщившись, сказал Белый.

Синька была испугана. Она опять собрала весь Совет, где и доложила об усилении пыток Стрелка.

– Тогда становится понятно, почему командир, не являясь ни кровью Стрелка, ни магом, чувствует его, – кивнул Тол.

– И имеет смысл только в том случае, – поддержал Комок, – если они точно знают, кто ты, командир. Хотя даже среди наших попутчиков это не всем известно. Хотя ты и показал печатку императора, удалось утвердить версию, что ты – наместник императора в Красной Звезде. Тем более что это – правда.

– Но откуда им известно то, что и мы узнали лишь недавно, и лишь – заслужив это право? – спросила Жалея.

– Очень просто, – ответил Белый. – Что за все этим стоит – Изначальный Враг. Демонь-змеелюды. И совпадение – змеелюды и Дом Змей – не случайно. Тут мы зримо убедились, какую судьбу Миру готовили эти Разрывники. И что ждало бы всех, если бы не Хранители Престола и Старые... хм, боги? Ну, ладно, не суть! А их охота на меня – не только устранение наследника, но и – месть. Я – этими вот руками – убил несколько змеелюдов. Вернее, ранил, но они – мертвы. Теперь. Мои братья их добились. Потому, Зуб, за тобой усиленный хвостовой дозор!

– Понял! – кивнул Зуб. – И это... надо бы, может быть, поднять скорость хода?

– Надо бы. Может быть, – также кивнул командир, поворачиваясь к Матери Милосердия. – Жалея, посмотри на свое имущество еще раз. С учетом вновь поступивших вестей. Может, там имеется то, что мы потом на месте восстановим? Если дойдем. Если дойдет дело до строительства Обители? А? Обещаю всемерную поддержку Дома Лебеда и Престола.

– Я поняла вас, мой владыка!

И на обочину дороги полетели узлы и свертки, сундуки и ящики. В освобождающиеся повозки грузили недолеченных людей, обессиленных, детей.

Госш низко склонился перед Белым. Он и пал бы ниц, но командир сильно ругался на подобное проявление подбострастия. Госш просил дать Безликим оружие. А Совет был резко против. Удара со спины не хотел никто. И доверия к бывшим людоедам не было никакого.

– Мы – мясо, властитель, – пылко говорил сквозь бурую ткань Госш. – Для них мы все – мясо. Я знаю. Я сам таким был.

– Был? В том-то и дело, Госш, что никто не верит, что «был», а не «есть».

– Я понимаю, владыка Каратель. Грехам нашим нет прощения. Мы забыли заветы Создателя, дали гнили скверны сожрать наши сердца, души и разум. Но и обузой быть – невмочь! Дай нам копьа. Просто – колья. Хоть ножи! Поставь перед вашей Стеной Щитов! Мы долгие годы жили, боясь угодить в Жертвенные Клетки! Невыносимая это жизнь! Невыносимая! Твои слова истинны – лучше быстрая смерть, чем бесконечная жизнь, которая хуже смерти! Или – убейте нас! Но, встав перед Стеной Щитов, мы хотя бы не напрасно стинем!

– Это твои мысли? Или – всех Безликих? – спросил Белый.

– Всех, – поклонился Госш.

– Среди вас нет воинов. Только женщины и дети.

– Среди нас нет мужчин и женщин, – возразил Госш, – только грешники. Безликие грешники, отринувшие Создателя. Среди нас нет детей. Им хватило лет, чтобы нагрешить. Хватит и для искупления.

Белый смотрел на этого человека и не верил. Не верил ему, не верил себе. Не верил, что все это вообще происходит. Не верил, что ему надо сделать выбор – послать детей на смерть или убить их своими руками.

И то, и другое – грех. Вот этот Безликий говорит о грехе. Но сейчас он просит их грех взять на себя. Взять на себя перед Создателем.

– Да кто я такой перед Создателем? – воскликнул Белый. – Вам решать, как распоряжаться своей жизнью. Вам выделяют щиты, копьа. Вам выделяют место в строю. И пусть Создатель решит – достойны ли вы Искупления! Я же предупреждаю – даже не пытайтесь повернуть оружие против нас. Лучше – сейчас бегите!

– Нам некуда бежать. Благодарю, Ал Каратель! Истинно – Создатель поцеловал тебя в макушку. Верю теперь, что рядом со Старцем бился ты против демонов. Судьба твоя – в руках богов, они дуют тебе в уши. Мне жаль твоих врагов.

На секунду пустые глаза Безликого стали глазами десятника Госша. И Белый очень хотел бы верить, что не Госша – людоеда, а Госша – стража, верного своему Смотрителю. Того стража, каким он был до Потемнения.

* * *

– Есть погоня, – доложил запыхавшийся Корень, принимая из рук Белого бурдюк с соляноватой родниковой водой, жадно присосался к нему.

– Сколько?

– Не знаю. Больше тысячи. Все небо пылью закрыли, – пыхтел Корень.

– Ну, вот, – улыбнулся Белый, – события загнали нас в обычную вилку. Мы уже не сможем избежать боя. Но мы еще можем выбрать место сражения. Так, брат мой?

– Спасибо за «брата», командир, польщен, – склонил голову Корень. – Найдем место, не сомневайся. И за воду благодарю. Лучше бы вино, но и вода сгодится.

– А вино – тю-тю. Оставим, как приманку.

– Приманку? Что ты задумал?

– Рубить хвосты. Или – ставить растяжки. Я не помню точно, как старые называли это. Зови Совет, думать будем.

Запыхавшийся Корень опять жадно пил воду. И опять – из фляги Белого. Но, поморщившись, вернул.

– Лучше бы вино.

– А вина нет больше. Оставили, как приманку.

– Я знаю. Но зачем все-то? Вот чего в тебе, Птица, не понимаю.

– Ловушка хоть сработала?

– И еще как! Мне вот даже стало интересно, чему вас в этих университетах учат, что даже ты, бездарь, не лучше меня, научил магов их магическому мастерству?

Белый рассмеялся.

– Университет тут совсем ни при чем. Моими наставниками в этом были два хитровывернутых старика – Алеф и Андр. Они это называли «минное поле». А «мины» изготавливали маги, ты же видел. Расскажи лучше, как прошло?

– Егеря Змей нашли нашу «сломанную» повозку. Конечно, нашли и вино. Это хорошо, что Тол выведал, что у них вино под запретом. Ужрались. Пришедшая следом конница тоже начала пить. Дошло до драки! Там кровь рекой полилась еще до «мин» этих. А потом пришли эти... Что все на одно лицо. Их людьми называть язык не поворачивается. Морды – одинаковые, одеты – одинаково. Даже оружие – одинаковое. И делают все – разом. Шагают – разом, идут, как копьем выровненные. Даже копья все разом, вот так – наклонили и разом, так вот и кололи. Жуть. Я даже глаза несколько раз протирал. Казалось, двоится у меня в глазах. Знаешь, как это бывает? Одно что-то, а в глазах – расслаивается. Ну, не суть! Только не двоилось у меня. Хлеб горелый, мне от этого даже самому страшно стало! Все, и все – разом! И команд я не слышал.

– Ты давай по делу, по делу, – напомнил Белый.

– Они с ходу начали бить древками людоедов, те – драться. Хорошая там куча собралась.

– Сколько?

– Ну, смотри. Егерей туда сбежалось с десятков – точно. Конные отовсюду стекались. Десятка четыре. А может, и пять. И эти, вот уж кто истинно Безликие. Там, смотри, в ряду человек пять-шесть. И вдоль коробки – рядов двадцать. Если не больше. И все они чуть не по пояс провалились в землю, как я сломал ту косточку. А потом их всех Ветвистая Молния

Шепота приглубила. Я до подхода следующей коробки ждал – ни один не шелохнулся. Потом сбежал.

– Хорошо, – кивнул Белый.

– Вообще – отлично! – воскликнул Корень. – Положили уродов столько, сколько было нас, не потеряв ни одного человека! Давай еще!

– Больше не сработает. И вина нет, да и не станут они таким стадом собираться. Но сломанную телегу надо на их пути бросить. Пусть вокруг нее хороводы водят, время теряют. А нам Силу магов больше тратить нельзя. Это у Старого и Сумрака была куча накопителей. А у нас на четверку магов – ни одного. Даже самого заваливающего. Надо место искать. Сколько их там осталось?

– Мразей? Не знаю. У страха глаза велики, а мне – страшно было. Казалось, там их тысячи и тысячи!

Белый усмехнулся. Настоящий трус никогда не признается, что ему страшно. Вот так, мимоходом, сказать, что боялся, может только очень мужественный человек. Сидеть одному в пределах видимости сотен врагов и наблюдать за ними не каждый сможет. Не потеряв голову от страха, не сбежав от них, не кинувшись на врага, в отчаянии, а вернувшись, по пути – совладав с собой, разложив все у себя в голове по полочкам и обстоятельно все доложив.

Белый с каждым днем все больше уважал и ценил этого безродного циркача. Хотя поначалу отношения меж ними не заладились. Корень невзлюбил Белохвоста за его отношения с сестрой, а Белому не понравились дерзость циркача, его необоснованное высокомерие и, как обратная сторона этой же монеты, – пренебрежение к знати. Но теперь Белый понял источник такого настроения акробата. Корень всего, что у него есть, добился сам. А дети знати получили все по наследству, заслугами предков. Часто – не оправдывая возложенного на них звания, бездарно теряя достоинство.

А уж Белый знал, насколько часто достоинство предков не передавалось в последующие поколения. Не сплошь, конечно, иначе традицию выделения знати в отдельное сословие забыли бы давно. Но даже один урод в десятке достойных бросал тень на всю знать. С этим боролись. Но у каждого отпрыска знатного Достойного есть куча родичей. А это – кровные связи. И тронуть недостойного – иной раз так сложно, что проще вызвать такого на поединок. Или – принять его в Имперский полк и отправить в безнадежную атаку. Заплатив за удаление этого отпрыска из знати жизнями ни в чем неповинных воинов императора. Хотя ветераны Имперских полков – тоже не бараны безмолвные, часто отпрыск ломает себе шею, падая с коня, еще до ненужной атаки, этим отменяя бессмысленные смерти.

Но это в Имперских полках. Отборных. А что происходит в их родовых землях, их поместьях? Алы – тоже не дураки, заметили, как часто слабые умом и духом отпрыски не возвращаются со службы домой. И сколько спесивых «лорденышей» безвылазно жило в городах и городках – Белый не видел. Да и перед наследником они будут вести себя совсем иначе, чем перед бродячими артистами. А Корень слишком хорошо разглядел их с самой неприглядной стороны. Настолько, что у него зародилась «классовая ненависть», как называли это явление Старые. У них, вообще, все эти сословные отношения были объектом непрекращающихся шуток. Почему – Белый так и не понял. Хотя, что для богов эти сословные различия людей? М-да, правда, смешно...

И у Белого родилась шутка. Он сдержал зуд сиюминутного порыва, решив, что шутка, хорошо подготовленная, намного более смешная, чем сырая, только что рожденная.

– Собирай Совет, брат, думу думать будем.

Корень удивленно посмотрел на командира, пожал плечами:

– Что тут думать? Все же уже «перетерли» до трухи. Сколько можно! – проворчал он, но коня тронул, продолжая ворчать: – Место искать надо, где им по сопатке бить, а не языки чесать.

Он уже ускакал настолько, что Белый с трудом разобрал:

– Вот – знать! Дело надо делать! А они любое дело заговорят. В пустой звук изведут!

– Поговори мне еще! – крикнул ему в спину Белый.

– Пошел ты, командир! На Совет! – крикнул через плечо Корень.

– На колени, Корень! – рывкнул Белый, доставая свой меч, нависая над растерявшимся циркачом, пытающимся быстро сообразить, чем он вызвал гнев командира.

Белый опустил руку на наплечник Корня, придавливая его к земле. Корень рухнул на колени, склонив виновато голову:

«Договорился! Говорила мне мама – язык до добра не доведет!» – думал Корень, видя, как страшный меч командира взлетает в небо в замахе палача.

Синька визжала, птицей билась в руках Зуба. Краем зрения Белый видел закрытое ладонями лицо Жалеи, удивленные и непонимающие глаза и лица советников. Видел, что самострел в руках Лицедея дрожит широкой волной – в голове этого артиста долг перед командиром сражается с преданностью Корню.

Белый не открывал лица. Слишком сильны были его эмоции, а он не хотел бы, чтобы кто-либо видел его чувства.

Меч рухнул. В звенящей тишине пророкотали слова Белого:

– Силой, данной мне по праву рождения, именем императора, во славу Создателя, признаю тебя, Корень, Достойным!

Изумрудный клинок плашмя лежал на склоненной шее Корня. Звенящая тишина взорвалась ревом. В этих криках радости и торжества потонули слова Корня:

– Ну и сука ты, Птица!

– А то! – негромко ответил Белый. – Выбери себе, Достойный, имя, придумай герб и лозунг. Служи императору и Создателю – мыслью, словом и мечом!

– Ты! Ты! Ты! – кричала Синеглазка, пытаясь разбить свои руки о броню Белого.

– Мне очень жаль, что ты не любишь меня! – очень жестко ответило матовое сплошное забрало шлема Белого. Белый отпустил запястья девушки. И это будто разом лишило ее сил. Она села на ноги, ее плечи затряслись в рыданиях. Высокая, подчеркнуто прямая фигура командира уходила от рыдающей девушки к коням.

– По коням! – разнесся зычный приказ Сбитого Зуба.

– Ты унизила его своим недоверием, девочка моя, – сказала на самое ухо Мать Жалея, обнимая Синьку и поднимая ее на ноги.

– Я думала, он зарубит моего брата, – навзрыд выговорила девушка.

– Мы все так думали. Хорошая шутка. Странная, но – яркая. Наш командир перенял способ шутить у Игрека.

– Я боюсь его.

– И я – боюсь. И – люблю его. Как сына. И горжусь им. Но его решения ты не вправе отменить и даже – осудить. Учти это, девочка моя. Или потеряешь его. Он должен быть таким. Жестоким, справедливым, целеустремленным. Иначе – мы все погибнем. Если ты не сможешь принять его именно таким, то лучше сразу его забудь. И никогда не стой у него на пути. Погибнешь от его же руки.

– Что ты говоришь, Жаля? Ты понимаешь, что ты сказала? Это же страшно!

– Еще раз повторяю для глупых девочек – не стой у него на пути! Не пытайся влиять на него! Он – сам себе не владелец! Он – проводник воли богов. Кто ты, чтобы встать у них на Пути? А?

Жалея встряхнула девушку.

– А если не сможешь следовать за ним, как собачка, ожидая, когда до тебя дойдет его время, лучше забудь его! – продолжила Жалея. – Он не сможет по-другому. Он не станет дру-

гим. Найди себе другого, на котором не висит ответственность за людей, не висит Судьба Империи.

– Но я люблю его!

– Тогда заткнись и знай свое место, женщина! – Жалея ударила Синьку ладонью по лицу, оставив красные следы пальцев на лице девушки. – Приди в себя! Тут нет твоего возлюбленного. Тут есть – Каратель! В окружении Тьмы. И он уничтожит всех, кто ему помешает. Ты этого боишься? Да? А ты не думала, что если бы он не изменился, не стал тем, кем должен, то мы все давно бы погибли? Не думала? Вижу, что нет. Он уже потерял близкого человека – Стрелка. Не лишай его еще и любви! Как знать, может быть, только твоя любовь и остановит его у края бездны, когда придет время.

– Спасибо, Мать, – Синька ткнулась в вырез платья Жалеи, опять разрыдалась.

– Ей, сопливое воинство! – крикнул с седла свежеиспеченный Достойный, Корень. – Вы собрались дожидаться Неприкасаемых? Тогда зачем держите нас? Жить надоело?

– Коря, отвали! – крикнула ему Синька, но встала и взяла поводья своей лошадки, повернулась к Жалее: – Я услышала тебя, Мать Жалея, я постараюсь.

Корень, слышавший почти все, остальное – домысливший, усмехнулся. Ни секунды он не верил, что его сестра перестанет быть той, кем она являлась, что послушается весьма мудрых слов Матери Милосердия. Ну-ну! Будут им и еще искры от столкновений характеров Синьки и Птицы.

«Хлеб горелый, не прибил бы Лисицу в сердцах! – покачал головой Корень. – Парень-то, оказывается, резкий! Уважаю! Так меня он нае...!»

И Корень рассмеялся в голос.

* * *

Место искали недолго. Или, субъективно, долго – целый день. Егеря-ловкачи исправно, оценивающе осматривались вокруг, пытаясь найти место, подходящее под нехитрые инструкции командира. А чего тут не понять? Корень спросил, как искать нужное место. А на это Белый ему ответил:

– Очень просто. Вон, видишь пригорок. Представь на нем наши повозки полукругом и стена щитов у них. А тебе надо этот пригорок атаковать. Как?

– Ничего, годится.

– А надо найти место, на которое даже лезть не хотелось бы. От страха. От безнадёги. Вот и все.

Вот теперь все и высматривали место, которое не хотелось бы штурмовать. Три места Белый уже отверг. Одно место легко обходилось, со второго нельзя было уйти. И выгодная позиция превращалась в западню. Третье место было отвергнуто без объяснения причин.

Но к вечеру вышли к пригорку, с двух сторон зажатому топкими болотами. Дорога перематывалась по насыпи через запруженный овраг, далее по насыпи шла до пригорка, карабкалась на вершину, а оттуда уже скатывалась дальше.

– Корень, пошли ловкачей найти край топи, – велел командир, осмотрев место. – Если ее не удастся обойти – это то, что мы искали. Да и вечер уже. Привал устраиваем на вершине. Тем более, что мы не первые такие умные.

Вокруг были следы постоянных стойбищ. Кострища были выложены камнем, камнями же были выложены невысокие стены, хоть немного, но прикрывающие от ночных ветров. И даже стояла выдолбленная из куска скалы ванна – поилка для скотины. Караван за их спиной втягивался на эту насыпь, зримо показывая, как пойдет враг, потеряв главное свое преимущество – численное превосходство.

– Магам – отдыхать. Остальным – осматриваться! – махнул рукой Белый, смотря на север.

Столб пыли на горизонте был виден. Преследователи были уже близко.

Белый поспешил вниз. Пригорок был довольно крут, уставшие кони без помощи людей не затянут повозки на вершину. Но и обороняться будет легче. Задавить их массой Змеи не смогут – кругом вязкая топь. Теряется и их преимущество в коннице, которой Белого могли раскатать еще вчера. Но конница плетется вместе с пешими колоннами. Или они боятся Белого после падения Ужгорода, или решили дать боевую выучку этим Неприкасаемым.

Из повозок выстраивали стену, поднимая борта, как щиты, закатывая колеса в подрытые ямки и стопоря их. В повозках устанавливали все четыре осадных стреломета, снятых с башен Ужгорода. Белый чувствовал, что понадобятся. И запретил их, тяжелых, выбросить, когда на обочину летели операционные столы Сестер Боли.

Было у них много и ручных самострелов. Намного больше, чем стрелков, умеющих из них стрелять. А умеющих попадать стрелами в цель – еще меньше. Именно поэтому Белый организовал невиданное – стрелковые расчеты. За каждым стрелком закрепил по несколько подростков и женщин, как ополченцев, так и Безликих. И стрелки стали учить их взводить и заряжать самострелы. А самых лучших стрелков, самых метких, поставили на стрелометы. На них стрелок также должен был только наводить оружие и стрелять. Крутить ворот, накладывать метровые стрелы должен был расчет.

Пока устанавливали повозки, пока крепили стрелометы, стемнело. Пристрелять не успели. Расчеты занялись бесконечными взведениями и зарядками самострелов. При этом на них кричал стрелок, другие воины стучали с наружной стороны щитов обухами топоров и древками секир, толкали, пинали, быстро доведя до слез не только женщин, но и подростков.

– А как вы хотели? – кричал Зуб. – В бою все это и будет! Крики, раны, огонь, смерть. А вы должны зарядить и подать! Зарядить и подать! Иначе – сожрут.

И в данной ситуации «сожрут» – очень даже буквально.

Остальные в это время копали утрамбованную, черствую корку Пустошей. Копали неглубокие, но – рвы, снося землю в мешках, в узлах, да и просто – в подолах, к повозкам, засыпая их по самое дно, полностью похоронив в земле колеса повозок, образуя невысокую, но – стену.

Копали небольшие, по ширине лопаты, неглубокие – на глубину лопаты – ямки. Но часто, много и беспорядочно. Конечно, если смотреть под ноги, ничего в них опасного не было. А плотный строй? А конная лава?

Конечно, Комок все это сделал бы лучше, быстрее, но Сила магов дороже золота. И каждый понимал, что они и живы до сих пор только потому, что с ними маги Красной Звезды.

Ловкачи доложили, что восточного края топи не нашли, а с запада топь пропадает в зарослях измененных скверной растений. И из зарослей на них уже бросались мелкие измененные Твари.

– Твари – это хорошо, – кивнул Белый. – Значит, Бродяг нет. А если они мелкие – не полезут. А были бы рядом крупные Твари – мелочь уже разбежалась бы. Корень, едрить тебя, ты что, в этой топи купался?

– Упал я, – пробасил Корень, ножом счищая белесую от соли грязь. – Сапог в топи оставил, вырвал ногу, а сапог как корова языком слизала. Потому и плюхнулся.

Никто не засмеялся. Топь – опасная вещь.

– Посветлу, выведай мне конный путь через скверные заросли в обход топи.

– Отсюда – туда? Или – наоборот?

– Отсюда – им в тыл. Хотелось бы и наоборот, но там – как выйдет. Всем, кто умеет верхом, с полуночи коней подготовить и отдыхать. Ты понял?

– Что тут непонятного? Обычный удар в затылок. Сделаю. У нас и бабы умеют верхом. Их – как?

– Тоже берем. Но ставим в самый зад строя. Добивать. Да-да, ее – тоже, – добавил Белый, видя вопрос в глазах Корня.

– Я ей саблю Стрелка отдам.

– А сам?

– Конному копьем удобнее. И топор у меня есть на длинном черенке. Пойду я, командир.

Ты бы отдохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.